

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 78
№ 1 2025

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Заключение сделок
в электронной форме:
юридические сложности
и проблемы правоприменения

Ключевые аспекты дискуссии
о законодательном
урегулировании буллинга

Влияние внешнего
политического
фактора на развитие
правоприменительной
практики

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 78
№ 1 (218)
январь 2025

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 20.01.2025
Объем 17,55 усл. печ. л. (14,17 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councillor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 78
№ 1 (218)
January 2025

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

20.01.2025
Volume: 17,55 conventional printer's sheets (14,17 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

Кораев К. Б. Теоретические основы снятия исполнительского иммунитета с единственно пригодного жилья должника	9
Ломакин Д. В. Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики	20
Шахназаров Б. А. Правовое обеспечение международных расчетов в современных условиях	38
Латынцев А. В. Соотношение правовых институтов патентного права и регулирования обращения лекарственных средств	50
Ахмедов А. Я. Идеология оспаривания брачного договора	59

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

Росенко М. И., Скребец Е. В. О нормативности актов судебной власти в англосаксонской системе права и становлении прецедентного права в современной национальной системе	71
--	----

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

Галышина Е. И., Богатырев К. М. Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга	83
---	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / JUS GENTIUM

Батырь В. А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства	95
--	----

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

Мануйлов А. Е. Исследование концептуальных характеристик взаимосвязи права и общественного развития	117
Кирдяшова Е. В. Государственно-правовые идеалы и многополярный мир	131

ЮБИЛЕЙ / LIBER AMICORUM

Кабышев С. В. Актуализация научной методологии российского конституционализма (в контексте идейного наследия профессора В. Е. Чиркина)	140
---	-----

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Koraev K. B.** Theoretical Foundations of the Removal of Enforcement Immunity from the only Debtor's Home Suitable for Living 9
- Lomakin D. V.** The Impact of An External Political Factor on the Law Enforcement Development 20
- Shakhnazarov B. A.** Legal Support of International Settlements in Modern Conditions 38
- Latyntsev A. V.** Correlation between Legal Institutions of Patent Law and Regulation of Medicinal Products Circulation 50
- Akhmedov A. Ya.** The Ideology of Challenging a Marriage Contract 59

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Rosenko M. I., Skrebets E. V.** The Normativity of the Judiciary Acts in the Anglo-Saxon Legal System and Case Law Formation in a Modern National System 71

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

- Galyashina E. I. Bogatyrev K. M.** Key Aspects in the Discussion on Legislative Regulation of Bullying 83

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

- Batyr V. A.** Conceptual Approaches to the International Legal Definition of the Concept of «Aggression» and the Problems of Improving Russian Legislation 95

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Manuylov A. E.** A Study of the Conceptual Characteristics of the Relationship between Law and Social Development 117
- Kirdyashova E. V.** State-Legal Ideals and a Multipolar World 131

ANNIVERSARIES / LIBER AMICORUM

- Kabyshev S. V.** Updating Scientific Methodology of Russian Constitutionalism (In the Context of Professor V. E. Chirkin Ideological Legacy) 140

К. Б. Кораев

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Теоретические основы снятия исполнительского иммунитета с единственно пригодного жилья должника

Резюме. Под влиянием судебной практики в юридической науке началось формирование теоретических представлений, которые призваны были обосновать снятие исполнительского иммунитета на единственно пригодное роскошное жилое помещение должника. Накопленный материал позволяет объединить его в единую теорию и назвать теорией роскоши. Базовые элементы этой теории показывают, насколько сложной, если не невозможной, представляется ее реализация в действующем законодательстве. В работе делается вывод, что это вызвано существенными недостатками теории роскоши, основным из которых является подмена конституционного права на жилище «правом на квадратные метры». Кроме того, ее реализация в законодательстве неизбежно будет порождать неравенство между лицами по имущественному и социальному положению. По сути, она является санкцией за роскошь должников и преференцией за богатство их кредиторов, а не способом и условием удовлетворения требований всех кредиторов. В качестве альтернативного теоретического обоснования возможности обращения взыскания на единственное жилье должника предлагается теория злоупотребления правом, основная идея которой сводится к тому, что снятие исполнительского иммунитета должно представлять собой санкцию за недобросовестное поведение должника. Помимо этого, предлагается дополнить обстоятельства, наличие которых должно влечь снятие исполнительского иммунитета в силу экономических причин.

Ключевые слова: единственное жилое помещение; исполнительский иммунитет; исполнительное производство; банкротство

Для цитирования: Кораев К. Б. Теоретические основы снятия исполнительского иммунитета с единственно пригодного жилья должника. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 9–19. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.009-019.

Theoretical Foundations of the Removal of Enforcement Immunity from the only Debtor's Home Suitable for Living

Konstantin B. Koraeв

St. Petersburg State University of Economics
St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Under the influence of judicial practice, the legal science has formed theoretical concepts designed to justify the removal of enforcement immunity from the debtor's only luxury home. The accumulated material allows us to combine it into a single theory and refer to it as the theory of luxury. The basic elements of this

theory show how difficult, if not impossible, it is to implement it in the current legislation. The paper concludes that this difficulty is caused by significant shortcomings of the theory of luxury, the main of which include the substitution of the constitutional right to housing by the right to «square meters». In addition, its implementation in legislation will inevitably generate inequality between individuals in terms of property and social status. In fact, it is a sanction for the luxury of debtors and a preference for the wealth of their creditors, rather than a way and condition for satisfying the claims of all creditors. As an alternative theoretical justification for the possibility of foreclosure on the debtor's only home, the author proposes to apply the theory of abuse of the right, the main idea of which is that the removal of enforcement immunity should constitute a sanction for the debtor's unscrupulous behavior. In addition, it is proposed to supplement the circumstances, the presence of which should entail the removal of enforcement immunity for economic reasons.

Keywords: only living premises; enforcement immunity; enforcement proceedings; bankruptcy

Cite as: Koraeв KB. Theoretical Foundations of the Removal of Enforcement Immunity from the only Debtor's Home Suitable for Living. *Lex russica*. 2025;78(1):9-19. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.009-019

Введение

Установление исполнительского иммунитета на единственно пригодное жилое помещение в разных странах решается по-разному.

Профессор, судья КС РФ в отставке Н. С. Бондарь, анализируя зарубежный опыт, выделил четыре модели правового регулирования в данной области:

1) отсутствие законодательного регулирования обращения взыскания (например, Армения, Испания, Италия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Люксембург, Молдова, Соединенное Королевство, Таджикистан, Украина, Франция, Швейцария, Эстония);

2) установление запретов на обращение взыскания (Белоруссия, Бразилия, Туркменистан, Узбекистан, Швеция), которые тем не менее имеют исключения, порой существенные;

3) установление возможности обращения взыскания с предоставлением взамен иного жилого помещения или сохранением за должником права пользования жилым помещением (Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Португалия, Словакия);

4) обращение взыскания на часть единственного жилого помещения должника — при условии, что она может быть выделена в натуре (Болгария, Португалия, Узбекистан), или в стоимостном выражении¹.

В России этот вопрос решался по-разному. С принятием ГПК РФ был установлен абсолютный запрет (ст. 446) на обращение взыскания на жилое помещение (его часть), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно

проживающих в принадлежащем должнику помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. С появлением ипотечного жилищного кредитования законодателю пришлось отказаться от абсолютного характера исполнительского иммунитета. 29 декабря 2004 г. в ст. 446 ГПК РФ были внесены изменения, которые изъяли из-под действия исполнительского иммунитета жилые помещения, в отношении которых допускалось обращение взыскания в соответствии с законодательством об ипотеке.

На этом процесс пересмотра абсолютного характера исполнительского иммунитета на единственно пригодное жилое помещение не остановился. Под влиянием постановлений Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П и от 26.04.2021 № 15-П в юридической науке и законодательной практике возник вопрос о допустимости снятия исполнительского иммунитета с единственно пригодного жилого помещения должника, которое относится к категории роскошного. В юридической науке стали формироваться теоретические представления, которые призваны были обосновать снятие такого исполнительского иммунитета. Накопленный материал позволяет объединить его в единую теорию и назвать теорией роскоши.

Теория роскоши и ее критика

1. Исполнительский иммунитет должен распространяться не на всякое единственное жилое помещение, а на такое, которое «по своим

¹ Бондарь Н. С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // *Цивилист*. 2012. № 4. С. 50–57.

объективным характеристикам (параметрам) является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимых потребностей в жилище как необходимом средстве жизнеобеспечения»².

В качестве таких характеристик предлагалось использовать разные параметры. Например, согласно проекту федерального закона № 175340-6 «О внесении изменений в ст. 446 ГПК РФ» допустимо обращение взыскания на жилое помещение, которое превышает нормы предоставления на каждого члена семьи гражданина-должника. В. А. Колбина и Е. Л. Невзгодина полагают, что взыскание на единственное жилое помещение может быть обращено исключительно в случае, если размер такого жилого помещения не менее чем в 1,5 раза превышает установленный норматив обеспеченности граждан жилой площадью³.

В законопроекте, разработанном Министерством юстиции РФ, допускалось обращение взыскания на жилое помещение, размер которого превышает двукратную норму предоставления площади жилого помещения на гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в указанном жилом помещении, а стоимость составляет менее двукратной стоимости жилого помещения, по размеру соответствующего норме предоставления площади жилого помещения на гражданина-должника и совместно проживающих членов его семьи, рассчитанной с учетом среднего удельного показателя кадастровой стоимости объектов недвижимости для кадастрового квартала на территории субъекта Российской Федерации, утвержденного в соответствии с законодательством Российской Федерации об оценочной деятельности⁴.

2. Немаловажным является вопрос о параметрах жилого помещения, которое следует приобрести гражданину-должнику взамен роскошного. Должно ли оно соответствовать нормам социального предоставления на каждого члена семьи гражданина-должника или может превышать их?

3. Применение теории роскоши также требует решения вопроса о месте приобретения нового жилого помещения. Наиболее часто высказывается мнение о том, что «за должником и членами его семьи должны сохраняться права на проживание не просто в границах данного населенного пункта... но в месте, которое находится вблизи от их прежнего жилого помещения. Суду должна быть дана правовая возможность учитывать индивидуальную жизненную ситуацию, например удаленность жилого помещения от места работы, школы и тому подобных объектов, к которым необходим постоянный доступ»⁵.

4. Необходимо ответить на вопрос: продажа роскошного жилья должна предшествовать приобретению нового или наоборот? Если первый вариант, то утрачивают ли должник и члены его семьи права проживания до предоставления им нового жилья?

Перечисленные базовые контуры теории роскоши показывают, насколько сложной, если не невозможной, представляется ее реализация в действующем законодательстве. Неудивительно, что на данный момент оказались безуспешными неоднократные попытки законодателя исполнить постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П в части внесения необходимых изменений в гражданское процессуальное законодательство, регулирующее пределы действия имущественного (исполнительского) иммунитета применительно к жилому помещению. Как представляется, это вызвано прежде всего существенными недостатками теории роскоши, которые можно свести к следующему.

Во-первых, думается, что в попытке найти справедливый баланс между ценностями, выраженными в общеправовом принципе добросовестного исполнения обязательств, с одной стороны и правом на жилище с другой стороны Конституционный Суд РФ в постановлении № 11-П подменил конституционное право на жилище понятием «право на квадратные метры», которое неизвестно россий-

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс».

³ Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17. № 1. С. 74.

⁴ Проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Савельев Д. Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 69–78.

скому законодательству. Согласно ст. 40 Конституции РФ каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Из содержания данной нормы следует, что под жилищем законодатель понимает не абстрактный набор квадратных метров жилого помещения или иных его характеристик, а конкретный объект безотносительно его параметров, с которым у его собственника и членов его семьи есть не только правовая, но и психологическая связь. Именно с таким содержанием понятие «жилое помещение» закреплено в Конституции РФ. Следовательно, справедливый баланс конституционных ценностей необходимо искать не между общеправовым принципом добросовестного исполнения обязательств и правом на абстрактные квадратные метры, а между этим принципом и правом на конкретное жилое помещение, с которым у должника и членов его семьи имеется не только правовая, но и психологическая связь. В связи с этим представляется спорной правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой федеральный законодатель вправе определить параметры жилого помещения, на которые распространяется исполнительский иммунитет.

Во-вторых, использование в качестве основания снятия исполнительского иммунитета критерия роскошности противоречит ст. 19 Конституции РФ, согласно которой все равны перед законом и судом (ч. 1). Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, *имущественного* и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам *социальной*, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2). Применение теории роскоши в законодательной практике неизбежно приведет к неравенству между лицами по имущественному и социальному признаку. В частности, неравенство будет установлено между должниками — собственниками нероскошного и роскошного жилых помещений. Имущество первых будет защищено исполнительским иммунитетом, а имущество вторых — нет. В таком случае возникнет неравенство между кредиторами должников — собственников роскошного и нероскошного жилых помещений. Кредиторы первых будут иметь

возможность получить удовлетворение за счет стоимости жилища, кредиторы вторых не будут иметь такую возможность. Иными словами, с одной стороны, теория роскоши создает правовой риск для «богатых» должников, с другой стороны, дает правовые преференции для «богатых» кредиторов.

Кроме того, определение роскошного жилья будет поставлено в зависимость от социального признака, в частности семейного положения должника. Например, если за норму роскоши взять 30 кв. м на человека, то кредитор должника, который проживает один в жилье площадью 100 кв. м, сможет обратиться на его имущество. Кредитор же должника, проживающего совместно с членами семьи в количестве 3 человек в таком же жилье, не сможет обратиться на жилой объект. Также остается неясным, как быть, если семья должника вместе с ним состоит из 3 человек и его супруга, например, беременная? Подпадает ли в такой ситуации его жилое помещение под правовой режим роскошного жилья? Или напротив, если семья должника вместе с ним состоит из 4 человек, один из которых смертельно болен, то должен ли больной член семьи учитываться при определении жилья в качестве роскошного? Подобного рода рассуждения можно продолжать до бесконечности. При этом все эти вопросы будут актуальны не только при квалификации жилого помещения в качестве роскошного, но и при определении параметров нового жилья, которое необходимо будет приобрести должнику и членам его семьи.

В-третьих, в постановлении от 26.04.2021 № 15-П Конституционный Суд РФ указал, что отказ от исполнительского иммунитета должен иметь реальный смысл именно как способ и условие удовлетворения требований кредиторов, а не карательная санкция (наказание) за неисполненные долги и не средство устрашения должника угрозой отобрания у него и членов его семьи единственного жилища. В особом мнении к этому постановлению судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь указал, что соответствующие отношения в рамках исполнительного производства сводятся не к тому, чтобы объявить «войну дворцам» и «богатого должника сделать бедным», а чтобы обеспечить безусловное исполнение долгового обязательства при гарантировании должнику и проживающей с ним семье *минимально* необходимых условий проживания, в том числе

жилищных. Удалось ли эти подходы воплотить в теории роскоши? Думается, нет. Результатом снятия исполнительского иммунитета будет лишение права собственности должника на конкретное «роскошное» жилище, несмотря на то что в рамках этой теории предполагается последующее приобретение другого жилья. Что лежит в основе такого лишения? Можно предположить, что неисполнение должником обязательств перед кредитором. Но это не так, ибо неисполнение обязательств должником — собственником нероскошного жилья не влечет таких последствий. Он не утратит право собственности на свое жилье. Следовательно, единственным условием снятия исполнительского иммунитета, влекущим прекращение права собственности на жилье, является обладание «роскошным» жильем. При указанных обстоятельствах можно утверждать, что в рамках теории роскоши основанием снятия исполнительского иммунитета как неблагоприятного правового последствия выступает имущественное положение должника, что представляет собой не что иное, как санкцию за богатство, и является недопустимым.

Подтверждением сказанному может служить анализ действующего регулирования возможности обращения взыскания на жилье, обремененное ипотекой. Основанием обращения взыскания на заложенное под ипотечное кредитование жилье является неисполнение обязательств должником, независимо от его имущественного положения. И «бедные», и «богатые» должники по ипотечному жилищному кредиту несут одинаковый риск утраты права собственности на заложенное жилье.

Таким образом, анализ теории роскоши показывает, что она подменяет конституционное право на жилище правом на квадратные метры. Ее реализация в законодательстве неизбежно будет порождать неравенство между лицами по имущественному и социальному положению. По своей сути она является санкцией за роскошь должников и преференцией за богатство их кредиторов, а не способом и условием удовлетворения требований всех кредиторов. При указанных обстоятельствах есть все основания утверждать, что в рамках теории роскоши предпринята попытка найти справедливый баланс конституционных ценностей между «богатыми» должниками и их «богатыми» кредиторами, а не между всеми должниками и всеми их кредиторами, независимо от их имущественного и социального положения.

Теория злоупотребления правом

Дальнейшее исследование в этой области необходимо осуществлять с учетом обозначенных недостатков теории роскоши. Прежде всего, стоит искать справедливый баланс между конституционным правом на жилое помещение, которое имеет конкретный характер, и общеправовым принципом добросовестного исполнения обязательств. Суть такого баланса сводится к тому, что в некоторых случаях у должника (*а не только «богатого» должника!*) не должно быть абсолютного исполнительского иммунитета на единственное жилье против требований кредиторов. Необходимо определить обстоятельства, при наличии которых исполнительский иммунитет прекращает свое действие в отношении жилья в целом. Безусловно, такие обстоятельства не могут быть поставлены в зависимость от имущественного, социального или иного положения субъектов права.

Как представляется, выявить эти обстоятельства позволяет судебная практика.

Объединяющим признаком большинства дел является то, что режим единственного жилья являлся прямым результатом недобросовестных действий должника, а именно:

— *должник намеренно создает режим единственного жилья* (например, путем продажи (обмена) двух жилых помещений и покупки одного, продажи одного из двух жилых помещений и т.д.).

В постановлении Конституционного Суда РФ № 15-П указано, что суды не согласились с утверждением заявителя о возможности обращения взыскания на квартиру площадью 110,3 кв. м, которую должник приобрел в 2009 г. за сумму, намного превышающую размер его долга перед заявителем, уже после вынесения судом решения о взыскании долга и возбуждения в 2006 г. исполнительного производства;

— *должник с целью недопущения обращения взыскания укрывает все свое имущество, за исключением единственного жилья* (например, продает транспортные средства, снимает денежные средства со счетов в банке и т.д.).

При указанных обстоятельствах, как представляется, справедливый баланс между конституционным правом на жилье и общеправовым принципом добросовестного исполнения обязательств должен быть поставлен в зависимость от того, совершал ли должник недобросовестные действия или нет. В случае их совершения исполнительский иммунитет должен

сниматься независимо от имущественного положения должника.

По своей правовой природе преодоление исполнительского иммунитета по данному основанию будет иметь существенное отличие от правовой природы обращения взыскания на единственное ипотечное жилье. В основе первого лежит гражданское правонарушение, т.е. неправомерное действие (злоупотребление правом). Приобретение же единственного жилья за счет ипотечного жилищного кредитования является действием правомерным. По этой причине снятие исполнительского иммунитета за недобросовестные действия должника должны быть дополнительно квалифицированы в качестве меры ответственности, т.е. санкции. Указанная особенность важна не только с точки зрения квалификации правовой природы снятия исполнительского иммунитета, но и с точки зрения определения элементов юридического состава, влекущего прекращение исполнительского иммунитета.

Поскольку снятие исполнительского иммунитета за неправомерные действия представляют собой санкцию, ее применение возможно только при наличии состава гражданского правонарушения, а именно:

- противоправность деяния;
- нарушение права на удовлетворение требований кредиторов в виде невозможности его реализации за счет стоимости имущества должника;
- причинная связь между противоправным поведением и возникающим последствием;
- вина.

Противоправность деяния выражается в совершении должником такого вида гражданского правонарушения, как злоупотребление правом, особенностью которого является то, что обладатель права совершает формально правомерное, но заведомо недобросовестное действие (бездействие). Анализ судебной практики показывает, что исполнительский иммунитет должник может использовать в нарушение прав кредиторов следующими способами:

а) путем распространения режима единственного жилья на жилое помещение, которое не было таковым до злоупотребления правом (например, продажа одного из двух жилых помещений и сокрытие полученных денежных средств от кредитора);

б) путем сокрытия всего своего имущества, за исключением жилья, которое до злоупотребления правом имело правовой режим

единственного жилого помещения (например, должник, имея в собственности две машины и единственное жилье, продает транспортные средства и скрывает денежные средства, не опасаясь обращения взыскания на жилье в силу исполнительского иммунитета);

в) путем реализации всего имущества и приобретения на вырученные средства единственного жилья.

Согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ презюмируется добросовестность всех участников гражданских правоотношений и разумность их действий, в том числе добросовестность и разумность действий должника. Это значит, что бремя доказывания действий должника, в результате которых его жилье стало единственным либо иное имущество было сокрыто от взыскания, лежит на кредиторах.

Кроме того, как обоснованно указал Конституционный Суд РФ в постановлении № 15-П, среди обстоятельств, которые могли бы иметь значение в соответствующей оценке поведения должника, предшествующего взысканию долга, суды, помимо прочего, вправе учесть и сопоставить, с одной стороны, время присуждения долга этому гражданину, в том числе момент вступления в силу соответствующего судебного постановления, время возбуждения исполнительного производства, а также извещения должника об этих процессуальных событиях и, с другой стороны, время и условия, в том числе суммы (цену), соответствующих сделок и других операций (действий), если должник вследствие их совершения отчуждал деньги, имущественные права, иное свое имущество, с тем чтобы приобрести (создать) объект, защищенный исполнительским иммунитетом.

Следующим элементом состава является *нарушение права на удовлетворение требований кредиторов в виде невозможности его реализации за счет стоимости имущества должника*. Это значит, что снятие иммунитета возможно только в случае отсутствия у должника иного имущества, на которое может быть обращено взыскание.

На наличие этого обстоятельства как обязательного условия обращения взыскания на единственное жилье, также обращают внимание сторонники теории роскоши. Например, В. А. Колбина, Е. Л. Невзгодина указывают, что обращение взыскания на единственное жилое помещение допустимо исключительно при отсутствии у него иного имущества, за счет которого могут быть удовлетворены требования

кредиторов, что также подлежит нормативному закреплению⁶.

Как представляется, поскольку отсутствие иного имущества является отрицательным фактом, бремя доказывания наличия другого имущества должно лежать на должнике.

Причинная связь между противоправным поведением и возникающим последствием как элемент состава означает, что правовой режим единственного жилья или сокрытие имущества должника от взыскания должно быть прямым результатом неправомερных действий должника.

Последним элементом состава является *вина*. Для злоупотребления правом как вида гражданского правонарушения вина приобретает особое значение, так как правонарушитель прикрывает свои истинные намерения формально правомерными действиями, что, безусловно, затрудняет процесс квалификации таких действий в качестве правонарушения. По этой причине следует учитывать, что само по себе совершение должником действий, в результате которых жилье приобретает правовой режим единственного или у должника остается только единственное жилье, не может свидетельствовать о злоупотреблении правом.

В такой ситуации необходимо исследовать не формальную сторону совершенных сделок, а субъективную: целью совершения сделок является удовлетворение требований кредиторов либо иного законного интереса или же лишение кредиторов возможности получить удовлетворение требований, в том числе путем недобросовестного использования исполнительского иммунитета?

Например, если должник продал одно из двух жилых помещений и погасил за счет полученных денежных средств часть требований кредиторов или потратил их на лечение, необходимое ему или членам его семьи, то такие действия не могут считаться злоупотреблением правом, ведь умысел должника не был направлен на сокрытие имущества от взыскания. Если же после продажи жилья дальнейшая юридическая судьба денежных средств неизвестна, то такие действия явно свидетельствуют о намерении должника скрыть от взыскания одну часть своего имущества, а другую часть защитить посредством исполнительского иммунитета.

По этой причине установление истинных намерений должника, в результате которых

кредиторы лишаются возможности удовлетворения своих требований, будет иметь решающее значение для правильной квалификации формально правомерных действий должника в качестве недобросовестного поведения. Иными словами, для установления наличия или отсутствия злоупотребления участниками гражданско-правовых отношений своими правами при совершении сделок необходимо исследовать и оценить конкретные действия и поведение этих лиц с позиции возможных негативных последствий для этих отношений, для прав и законных интересов иных граждан и юридических лиц (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 78-КГ19-4).

В силу презумпции вины в гражданском праве ее отсутствие должен доказывать должник. На практике это означает, если кредитором будет доказано, что прямым результатом сделки должника является установление правового режима единственного жилья (например, в суде установлено, что из двух квартир одна была продана) или реализация имущества должника (например, транспортного средства), за исключением единственного жилья, то следует полагать, что должник сделал это с целью лишить кредитора возможности взыскания долга. Опровергнуть эту презумпцию обязан должник. Например, он может предоставить суду доказательства того, что вырученные от сделок денежные средства он направил на погашение требований других кредиторов или свое лечение. Если это будет доказано, то исполнительский иммунитет не может быть снят.

Предложенный выше теоретический подход к поиску справедливого баланса в вопросе снятия исполнительского иммунитета (теория злоупотребления правом) имеет существенное преимущество, которым не обладает теория роскоши. Его закрепление в законодательстве будет иметь важное профилактическое значение для предотвращения злоупотребления правом, так как условием его использования является гражданское правонарушение, совершение которого недопустимо ни для «богатых», ни для «бедных» должников.

Как обоснованно указал Конституционный Суд РФ в постановлении № 11-П, действующее правовое регулирование *не исключает также возможности злоупотреблений со стороны недобросовестных должников*, которые могут

⁶ Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Указ. соч. С. 74.

воспользоваться имущественным (исполнительским) иммунитетом в целях неисполнения, ненадлежащего исполнения своих гражданско-правовых обязательств перед кредиторами, в частности вложить денежные средства, в том числе неосновательно накопленные, в дорогостоящее⁷ жилое помещение, на которое как на единственное для них жилье нельзя обратить взыскание, несмотря на его размер, качество и стоимость. Следовательно, применение теории злоупотребления правом позволит создать регулирование, в рамках которого недобросовестный должник будет понимать, к каким негативным правовым последствиям может привести недобросовестное использование им исполнительского иммунитета. В отличие от этого, применение теории роскоши не позволит обеспечить профилактику недобросовестных действий должников, так как она наказывает не за правонарушение, а за богатство. Совершение недобросовестных действий «бедным» должником позволит защитить единственное жилье, в то время как добросовестное поведение «богатого» должника не позволяет обеспечить защитой единственное жилье.

Дополнительный случай, который должен влечь снятие исполнительского иммунитета в результате правомерных действий

Возможность обращения взыскания на единственное жилье, приобретенное за счет средств жилищного ипотечного кредита, вызвана прежде всего экономическими причинами, а не поиском баланса конституционных ценностей. Без снятия такого запрета развитие жилищного ипотечного кредитования было бы существенно ограничено.

Анализ судебной практики показывает, что есть еще один случай, когда допустимо обращение взыскания на единственное жилье как из экономических, так и из нравственно-конституционных соображений с целью поиска справедливого баланса конституционных ценностей. Речь идет о ситуации, когда, например,

должник приобретает на все или часть денег кредитора единственное жилье или погашает за их счет значительную часть ипотечного жилищного кредита.

Например, согласно материалам дела, послужившего поводом для принятия постановления Конституционного Суда РФ № 11-П, Ф. Г. одолжила знакомому значительную сумму денег на строительство дома площадью 300 кв. м, но возвращать деньги заемщик не спешил. Суды различных инстанций обязали заемщика ежемесячно выплачивать кредитору из его пенсии. Но поскольку должник получал обычную пенсию, срок возврата займа мог растянуться на полвека. Кредитор обнаружил, что в собственности должника имеется жилой дом стоимостью около 10 млн руб.⁸ По другому делу в 2007 г. Ю. Д. (заимодавец) и А. Ф. (заемщик) заключили договор займа на сумму 250 000 долл. США, по условиям которого сумма займа должна была быть возвращена в 2009 г. одновременно. В 2008 г. А. Ф. приобрел спорную квартиру по договору купли-продажи, о чем была сделана запись регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним⁹.

В данных случаях очевидно, что снятие исполнительского иммунитета не может обосновываться теорией злоупотребления, так как само по себе приобретение единственного жилья за счет средств кредитора не является злоупотреблением права. Следовательно, возможность обращения взыскания на единственное жилье, вызванного экономическими причинами, должна быть дополнена случаем, когда средства кредиторов (как в денежной, так и в натуральной форме) используются для приобретения такого жилья. Как представляется, такое решение будет не только экономически обоснованным, но и справедливым, так как кредитор, оказавший содействие в приобретении единственного жилья, не должен лишать себя возможности получить удовлетворение своих требований за счет этого имущества.

Так как получение средств для покупки жилья является правомерным действием, то

⁷ Здесь следует отметить, что описанное злоупотребление также возможно, если вложить денежные средства в недорогостоящее жилое помещение. Вложение денежных средств в такое жилье не должно исключать профилактику и защиту от таких действий.

⁸ *Зубарева О. Г.* Вопросы обращения взыскания на единственное жилье должника // Администратор суда. 2019. № 4. С. 53–56.

⁹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 305-ЭС18-15724 по делу № А40-67517/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

юридический факт, влекущий снятие исполнительского иммунитета, будет значительно отличаться от юридического состава, который необходим для снятия иммунитета в результате недобросовестного поведения должника. Как представляется, в качестве такого факта выступает действие должника *по использованию средств кредитора для приобретения жилья*. Оно может иметь самые различные формы — использование денежных средств для оплаты стоимости жилья, погашения ипотечного жилищного кредита, оплаты кредитором работ по строительному подряду. Следует отметить, что при данном основании не имеет правового значения цель предоставления средств должнику. Если они предоставлены для одних целей, а должник приобрел на них единственное жилье, то этого факта должно быть достаточно для снятия исполнительского иммунитета.

Бремя доказывания факта предоставления средств должно лежать на кредиторе, а бремя доказывания использования средств не для целей приобретения жилья — на должнике. При этом само по себе указание в договоре, что средства предоставляются для приобретения жилого помещения, без фактического их использования в таком качестве не должно влечь снятие исполнительского иммунитета.

Общие подходы и правовые последствия снятия исполнительского иммунитета

Поскольку в рамках описанных концепций исполнительский иммунитет может быть снят на основании юридических фактов, которые не всегда зафиксированы документально (например, факт злоупотребления правом документально не оформляется злоупотребившим, финансирование покупки жилья может не указываться в договоре), с целью обеспечения гарантии прав собственности должника на единственное жилье снятие исполнительского иммунитета должно осуществляться только на основании судебного акта. На это указывают также представители теории роскоши¹⁰.

Другим важным аспектом исследуемой проблемы является вопрос о соотношении стоимости единственного жилья и размера требований кредиторов. Имеет ли значение размер долга относительно стоимости имущества

должника для целей снятия исполнительского иммунитета? Представляется, что да. Особенно в случае злоупотребления правом.

Как указал Конституционный Суд РФ, введение ответственности за правонарушение и установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, исходя из общих принципов права, должно отвечать требованиям справедливости, быть *соразмерным* конституционно закрепляемым целям и охраняемым законом интересам, а также характеру совершенного деяния (постановление от 30.07.2001 № 13-П¹¹). По этой причине снятие исполнительского иммунитета, тем более в случае, когда это выступает в качестве санкции за совершенное злоупотребление правом, должно осуществляться, если размер долга является существенным. В качестве такого может быть признана задолженность, равная или превышающая 30–40 % стоимости единственного жилья. Следует отметить, что аналогичный подход используется к жилым помещениям, приобретенным за счет ипотечных кредитов. Так, согласно п. 2 ст. 348 ГК РФ обращение взыскания на заложенное имущество не допускается, если допущенное должником нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя вследствие этого явно несоразмерен стоимости заложенного имущества. Если не доказано иное, предполагается, что нарушение обеспеченного залогом обязательства незначительно и размер требований залогодержателя явно несоразмерен стоимости заложенного имущества при условии, что одновременно соблюдены следующие условия:

- 1) сумма неисполненного обязательства составляет менее 5 % стоимости заложенного имущества;
- 2) период просрочки исполнения обязательства, обеспеченного залогом, составляет менее трех месяцев.

Преодоление исполнительского иммунитета вследствие как правомерных, так и неправомерных действий влечет возникновение у кредитора субъективного права требования обращения взыскания на такое жилое помещение, которое неразрывно связано с основным правом требования. Следовательно, уступка основных прав должна влечь переход возможности обращения взыскания на единственное жилье.

¹⁰ Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Указ. соч. С. 75.

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

Преодоление иммунитета не дает преимуществ кредитору перед другими кредиторами должника. Следовательно, в случае столкновения прав кредиторов обращение взыскания на единственное жилье должно разрешаться по действующим правилам. Например, если денежные средства кредитора использованы должником для первоначального взноса с целью получения ипотечного жилищного кредита, то после удовлетворения требований залогодержателя должны удовлетворяться требования этого кредитора. Если же должник имеет еще одного кредитора, который вправе обратиться взыскание на единственное жилье из-за злоупотребления правом, то столкновение прав этих кредиторов должно решаться по правилам, установленным федеральными законами от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» или от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», если должник будет признан несостоятельным.

При этом следует учитывать, что снятие исполнительского иммунитета в отношении

конкретного кредитора должника не влечет автоматического его снятия в отношении остальных кредиторов. Например, если иммунитет будет преодолен в отношении кредитора, на денежные средства которого было приобретено жилье, то стоимость этого жилья в рамках исполнительного производства или дела о банкротстве не может быть использована для удовлетворения требований кредиторов, в отношении которых иммунитет действует.

В заключение следует отметить, что не менее важен вопрос о принадлежности права выбора жилья в качестве единственного, когда на момент обращения взыскания должнику принадлежит два и более жилых помещения. При решении этой проблемы нельзя допустить, чтобы положение такого должника ущемлялось по сравнению с должниками, которые, самостоятельно определив единственное жилье, продают остальное с целью частичного удовлетворения требований кредиторов. Как представляется, избежать этого можно только в случае, если право выбора будет принадлежать исключительно должнику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондарь Н. С. В поиске баланса конституционных ценностей: еще раз об обращении взыскания на жилые помещения граждан-должников // *Цивилист*. 2012. № 4. С. 50–57.

Зубарева О. Г. Вопросы обращения взыскания на единственное жилье должника // *Администратор суда*. 2019. № 4. С. 53–56.

Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2020. Т. 17. № 1. С. 69–81.

Савельев Д. Б. Имущественный иммунитет на единственное жилое помещение гражданина: обеспечение баланса прав кредиторов и должников // *Журнал российского права*. 2014. № 11. С. 69–78.

REFERENCES

Bondar NS. In search of a balance of constitutional values: once again about foreclosure on the residential premises of citizens-debtors. *Civilist*. 2012;4:50-57. (In Russ.).

Zubareva OG. Issues of Levy of Execution on the Debtor's only Residential Space. *Court Administrator*. 2019;4:53-56. (In Russ.).

Kolbina VA, Nevzgodina EL. The Foreclosure on the Only Citizen's Housing In Bankruptcy Case. *Herald of Omsk University. Series «LAW.»* 2020;17:1:69-81. (In Russ.).

Savelyev DB. Property Immunity for Single Housing Accommodation of Citizen: Ensuring Balance of Rights of Creditors and Debtors. *Journal of Russian Law*. 2014;1:69-78. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета; профессор кафедры гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России)

д. 16, лит. А, Басков пер., г. Санкт-Петербург 191014, Российская Федерация

1-kosta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Head of the Department of Business and Energy Law, St. Petersburg, State University of Economics; Professor, Department of Civil Law, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russian Federation

1-kosta@mail.ru

Материал поступил в редакцию 2 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 02.10.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

Д. В. ЛомакинМосковский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ имени М.В.Ломоносова)
г. Москва, Российская Федерация

Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики

Резюме. В статье рассматриваются проблемы влияния международного фактора на развитие российского законодательства и правоприменительной практики. Акцент сделан на исследовании неоправданного изменения подхода судов к оценке принципа независимости и самостоятельности юридического лица и применения ими так называемой концепции единого хозяйствующего субъекта (коммерческого предприятия). Использование данной концепции без учета факторов, которым она обязана своим происхождением в Англии и США, приводит к нарушению базовых положений как корпоративного, так и обязательственного права. Например, к ответственности за нарушение обязательства — относительного правоотношения привлекается не только должник, но и третье лицо — интервент, составляющее с ним единый хозяйствующий субъект (коммерческое предприятие). Органы юридического лица — интервента, по сути, понуждаются к совершению действий не в интересах этой организации, что прямо следует из требований закона, а в интересах кредитора в обязательстве. Обозначенный подход кардинально изменяет стандарт поведения субъектов, входящих в состав органов юридического лица. Кроме того, следование концепции единого хозяйствующего субъекта (коммерческого предприятия) не учитывает требования законодательства в публичной сфере, например банковской, где кредитные организации априори не могут ставить интересы кредиторов организаций, образующих с ними пресловутый единый хозяйствующий субъект, выше интересов своих кредиторов (клиентов, вкладчиков).

Ключевые слова: корпоративное право; обязательственное право; корпорация; кредитная организация; признак самостоятельности и независимости юридического лица; антисанкционное законодательство; деликт; солидарная ответственность; единый хозяйствующий субъект (коммерческое предприятие); договорная и деликтная ответственность юридических лиц в рамках холдинга

Для цитирования: Ломакин Д. В. Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 20–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

The Impact of an External Political Factor on the Law Enforcement Development

Dmitriy V. LomakinLomonosov Moscow State University (MSU)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the influence of the international factor on the development of Russian legislation and law enforcement. The author focuses on the study of unjustified changes in the courts' approach to assessing the principle of independence and autonomy of a legal entity and their use of the so-called concept of a single economic entity (commercial enterprise). The use of this concept without taking into account the factors to which it owes its origin in England and the USA leads to a violation of the basic provisions of both corporate law and law of obligations. For example, not only the debtor is held liable for violation of the obligation — relative legal relationship, but also the third party — the interventionist, which is a single business entity (commercial enterprise). The bodies of the legal entity — the interventionist — in fact, are forced to take actions not in the interests of this organization, which directly follows from the requirements of the law, but in the interests of the creditor in the obligation. This approach radically changes the standard of conduct of entities that form the

© Ломакин Д. В., 2025

bodies of a legal entity. In addition, following the concept of a single economic entity (commercial enterprise) does not take into account the requirements of legislation in the public sphere, for example, banking, where credit organizations *a priori* cannot put the interests of creditors of organizations forming a single economic entity with them above the interests of their creditors (clients, depositors).

Keywords: corporate law; law of obligations; corporation; credit institution; sign of self-sufficiency and independence of a legal entity; anti-sanction legislation; tort; joint responsibility; single business entity (commercial enterprise); contractual and tort liability of legal entities within the holding

Cite as: Lomakin DV. The Impact of an External Political Factor on the Law Enforcement Development. *Lex russica*. 2025;78(1):20-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

Введение

Не секрет, что последнее время внешний — международный — фактор оказывает сильное влияние на развитие отечественного законодательства, в рамках которого получили особое значение нормативные правовые акты с ярко выраженным антисанкционным содержанием¹. Указанные акты имеют разную отраслевую принадлежность и вносят в систему права не «косметические» изменения, а затрагивают основы как материального, так и процессуального права.

Так, казалось бы, незыблемый принцип автономии воли претерпевает сейчас значительные ограничения. Например, в сфере международного частного права выбор сторонами договорного обязательства применимого права и места рассмотрения возникающих между ними споров может не значить ровным счетом ничего. Действительно, еще Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственным объединением и (или) союза»² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен статьями 248.1 и 248.2. Цель принятия указанных норм заключалась в установлении гарантий обеспечения прав и законных интересов граждан России и российских юри-

дических лиц, в отношении которых недружественными иностранными государствами были введены меры ограничительного характера, поскольку подобные меры фактически лишали их возможности защищать свои права в судах, находящихся за пределами территории России.

На этот счет в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020 была сформулирована важная правовая позиция, согласно которой сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории России, мер ограничительного характера достаточен для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию. Введение иностранными государствами ограничительных мер в отношении российских лиц поражает их в правах и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях оправданны сомнения в том, что спор на территории иностранного государства будет рассмотрен с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда.

Данные споры рассматриваются арбитражными судами на территории Российской Федерации, а применимым правом также является российское право. Поэтому наличие во внешнеэкономической сделке с участием резидента Российской Федерации оговорки о том, что связанные с ее осуществлением споры будут рассматриваться, например, в Лондонском меж-

¹ См., например: Ломакин Д. В. Развитие корпоративного законодательства в современных политико-экономических условиях на примере хозяйственных обществ // Законодательство. 2023. № 3. С. 18–25; Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141; Он же. Официальные разъяснения по вопросам применения антисанкционных нормативных правовых актов: теоретические и практические вопросы // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 36–80.

² СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3745.

дународном арбитраже (LCIA) по английскому праву, совершенно не исключает ситуацию, когда резидент обратится с иском по связанному с указанной сделкой спору в российский арбитражный суд, который рассмотрит его по российскому праву.

Основная часть

Однако наибольшее влияние международный фактор оказывает на развитие правоприменительной практики. Суды вынуждены реагировать на беспрецедентное ущемление со стороны недружественных государств прав и охраняемых законом интересов резидентов России — как физических, так и юридических лиц. К сожалению, возможности такого реагирования незначительны. Часто бесплодные попытки их усиления приводят к тому, что так называемая защита резидентов обеспечивается посредством прямого нарушения действующего отечественного законодательства. Вместо закона применяются подходы, основанные — как это ни странно прозвучит — на зарубежных концепциях, имеющих весьма отдаленное отношение к отечественному правопорядку.

Показательны в этом отношении дела, где суды на базе американской концепции единого хозяйствующего субъекта, по-другому — единого коммерческого предприятия (*single business enterprise*), обосновывают отход от принципа самостоятельности и независимости юридического лица, игнорируют ключевые положения как корпоративного, так и обязательственного права.

Сама концепция единого хозяйствующего субъекта обязана своим происхождением прецедентному праву отдельных североамерикан-

ских штатов³. Она была призвана бороться со злоупотреблениями, которые прикрывались оболочкой формально независимых юридических лиц, по существу являющихся вторым «я», или альтер эго, правонарушителя. Согласно ее постулатам, группа юридических лиц должна рассматриваться как единое целое, если у них общие контролирующие лица, управляющие ими в рамках реализации своей бизнес-стратегии⁴. Для единого хозяйствующего субъекта характерно то, что юридические лица не преследуют какие-то частные цели, а объединяют свои ресурсы для достижения общего делового результата, в связи с чем каждая организация группы может быть привлечена к ответственности по обязательствам, возникшим в процессе его достижения.

Наглядной иллюстрацией применения концепции единого хозяйствующего субъекта служит дело *Paramount Petroleum Corp. v. Taylor Rental Ctr.*⁵, в котором суды штата Техас исходили из следующих фактических обстоятельств, характеризующих группу юридических лиц: а) общие наемные работники; б) общие офисы; в) централизованный бухгалтерский учет; г) выплата одним юридическим лицом заработной платы работникам другого юридического лица; д) общие средства индивидуализации; е) оказание работниками одного юридического лица услуг от имени другого юридического лица; ё) произвольные перечисления денежных средств между юридическими лицами; ж) отсутствие четкого распределения прибылей и убытков; з) общее делопроизводство; и) общие должностные лица; й) наличие общих учредителей (участников); к) одни и те же способы коммуникации.

Случаи применения данной концепции в США крайне редки. Как правило, ее использо-

³ Более подробно об этом см.: *Ломакин Д. В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ*. 2012. № 9. С. 6–33; *Захаров А. Н.* Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2014. № 10. С. 32–62; *Аристова Е. А.* Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М.: Инфотропик Медиа, 2014; *Лихтер П. Л.* Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // *Российская юстиция*. 2019. № 6. С. 8–10; *Паращук С. А.* Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // *Предпринимательское право*. 2024. № 2. С. 61–69.

⁴ *Vacon K. M.* The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing // *Louisiana Law Review*. 2002. Vol. 63. No. 1. P. 75–112.

⁵ *Paramount Petroleum Corp. vs Taylor Rental Ctr.*, 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. App. — Houston [14th Dist.] 1986, writ ref'd n.r.e.).

вание ограничивается ситуациями, когда кредиторы одного участника группы компаний, перед которыми отвечают другие подконтрольные участники группы, являются так называемыми слабыми субъектами оборота, нуждающимися в протекционизме со стороны публичной власти, — это потребители, наемные работники и т.д. Кроме того, применение концепции единого хозяйствующего субъекта допускается, если это не причиняет вред собственным кредиторам самих подконтрольных юридических лиц, которых хотят привлечь к ответственности наряду с должником в обязательстве. Логично, ибо интересы кредиторов одних участников единого хозяйствующего субъекта не могут иметь приоритет над интересами кредиторов других участников такого образования. Исключением является так называемая техническая задолженность, формируемая в целях избежания применения судами концепции единого хозяйствующего субъекта.

В практике отечественных арбитражных судов применение этой концепции получило широкое распространение при рассмотрении споров, в которых встречаются следующие фактические обстоятельства⁶:

а) есть компания-нерезидент (далее — Нерезидент) и компания-резидент (далее — Резидент), которые находятся между собой в обязательственной связи, где Нерезидент — должник, а Резидент — кредитор;

б) обязательство между ними может возникнуть на основании различных договорных конструкций, применяемых, как правило, в сфере финансового рынка;

в) в подавляющем большинстве случаев к обязательству применяются нормы иностранного права, а возможные споры должны передаваться в международный арбитраж, обычно это Лондонский международный третейский суд (LCIA);

г) в связи с введением недружественными странами против нашей страны и ряда ее резидентов мер ограничительного характера Нерезидент не исполняет обязательство в пользу Резидента, например, в связи с тем, что денежные средства, предназначенные для совершения

платежа в пользу Резидента, блокируются по распоряжению уполномоченного органа недружественного государства, право которого должно применяться к спорному обязательству;

д) на территории России есть юридические лица с иностранным участием, созданные по отечественному законодательству, которые аффилированы с Нерезидентом (далее — Интервенты).

При наличии этих фактических обстоятельств Резидент обращается к Интервентам с требованием в добровольном порядке погасить долг по обязательству, должником в котором является Нерезидент. Обоснование требования — образование Нерезидентом и Интервентами в связи с их аффилированностью единого хозяйствующего субъекта. В случае отказа Интервентов от исполнения обязательства за третье лицо — Нерезидента на основании ст. 1080 ГК РФ следует деликтный иск в российский арбитражный суд к Нерезиденту и Интервентам как лицам, совместно причинившим вред Резиденту, который удовлетворяется судом.

Анализ судебных актов по делам подобного рода приводит к неутешительному выводу о том, что сам по себе факт аффилированности юридических лиц, вхождение их в состав единого хозяйствующего субъекта является достаточным основанием для привлечения к деликтной ответственности одного аффилированного юридического лица по договорным обязательствам другого. Но насколько такой вывод и породившая его практика соответствуют закону?

Известно, что российский законодатель при регулировании общественных отношений с участием юридических лиц исходит из их независимости и самостоятельности. Это легальное свойство юридической личности проявляется в признании независимости организации как от ее учредителей (участников), так и от контрагентов, с которыми она вступает в правоотношения в рамках внешнего хозяйственного оборота. Следствием независимости является наделение юридического лица свойством правосубъектности, в силу которого оно имеет возможность быть субъектом различных правоотношений.

⁶ См., например: решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/23-3-1320 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2023 № 09АП-83334/2023 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 № Ф05-4956/2024 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 13.02.2024 по делу № А40-194447/23-141-1534 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2024 № 09АП-26319/2024, 09АП-26323/2024 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-4561/2024.

Самостоятельность юридического лица позволяет ему приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе. Юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ). В свою очередь, гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Самостоятельность юридического лица находит свое закрепление в его признаках. Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Признак самостоятельной имущественной ответственности проявляется двояко. С одной стороны, учредители (участники) юридического лица не отвечают по его обязательствам, с другой — само юридическое лицо не несет ответственности по обязательствам своих учредителей (участников).

Как видно из приведенного определения, самостоятельная имущественная ответственность юридического лица отнесена законодателем к его ключевым характеристикам. Неслучайно ей посвящена отдельная статья ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 56 ГК РФ учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

Таким образом, исключения из общего правила о самостоятельной ответственности юридического лица возможны только на основании

ГК РФ и иных федеральных законов. Например, в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ). Согласно абз. 1 п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁷, если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на указанных акционеров или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Самостоятельную ответственность юридического лица по своим собственным обязательствам, а не по обязательствам своих учредителей (участников), а также иных лиц, можно без преувеличения охарактеризовать в качестве основополагающего принципа российского корпоративного права⁸. Самостоятельная имущественная ответственность традиционно рассматривается в качестве неотъемлемого признака юридического лица и в учебной литературе⁹. Такой подход не является исключительной особенностью отечественной юридической мысли. Так, американские правоведы Х. Хансманн, Р. Краакман и Р. Сквайр в качестве основополагающего принципа корпоративного права назвали защиту имущества юридического лица от притязаний со стороны кредиторов его учредителей (участников), а также бенефициаров. На имущество юридического лица могут претендовать только его собственные кредиторы¹⁰.

Таким образом, сами по себе никакие обстоятельства, в том числе связанные с наличием аффилированности, не могут служить основанием ответственности юридического лица по обязательствам его учредителей (участников) и иных лиц, если это прямо не предусмотрено законом. Игнорирование этого легаль-

⁷ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁸ Более подробно об этом см.: Ломакин Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 93–110; Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 197–198.

⁹ См., например: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1. С. 198.

¹⁰ *Hansmann H., Kraakman R., Squire R.* Law and the Rise of the Firm // *Harvard Law Review*. 2006. Vol. 119. No. 5. P. 1338.

ного правила и возложение на юридическое лицо ответственности по обязательствам его учредителей (участников), а также иных лиц по мотивам целесообразности защиты прав и интересов их кредиторов без прямой ссылки на конкретную норму закона, которая предусматривает возможность такой ответственности, приведет к полному размыванию конструкции юридического лица как самостоятельного субъекта права. Кроме того, такой, не основанный на законе подход повлечет за собой грубое нарушение прав кредиторов самого юридического лица, поскольку в итоге именно за их счет кредиторы учредителей (участников) юридического лица получают удовлетворение своих требований.

Размывание конструкции юридического лица приведет к тому, что его нельзя будет рассматривать в качестве самостоятельного субъекта права, участвующего, наряду с гражданами и публично-правовыми образованиями, в гражданском обороте (абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Следствием этого должен стать отказ от самостоятельной правоспособности юридического лица, возникающей с момента его государственной регистрации (абз. 1 п. 3 ст. 49 ГК РФ). Вопрос о том, насколько развитый гражданский оборот сможет существовать без таких субъектов, как юридические лица, риторический. Игнорирование фундаментальных признаков, посредством которых законодатель дает определение юридического лица (п. 1 ст. 48 ГК РФ), в том числе и его самостоятельной ответственности, отбросит наш гражданский оборот даже не на века, а на тысячелетия назад — в эпоху господства простых товариществ, элементарная структура которых не порождала нового качества в виде правосубъектной личности, имущественно и организационно отделенной от товарищей — сторон гражданско-правового договора.

Такую опасность прекрасно осознают и законодатель, и Верховный Суд РФ. Даже тогда, когда закон допускает возможность игнорирования самостоятельной ответственности юридического лица, использовать ее следует только в единичных случаях, прямо предусмотренных законом. Так, привлечение контролирующего юридического лица — должника лиц (далее — КДЛ) к субсидиарной ответственности

является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ), его самостоятельную ответственность (ст. 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ)¹¹.

В силу того, что указанное выше исключение из правила о самостоятельной ответственности юридического лица прямо установлено законом (гл. III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹²), кредиторы аффилированных лиц могут предполагать подобный риск и оценивать его. Кроме того, данное исключение применимо только к КДЛ, определение которого дано в ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и дополнено применительно к кредитным организациям статьей 189.23 названного Закона. Следовательно, оно не распространяется на аффилированных лиц должника-банкрота, не обладающих статусом КДЛ. Наконец, сам по себе статус КДЛ недостаточен для отступления от правила о самостоятельной ответственности юридического лица. В действиях КДЛ должны быть признаки состава гражданского правонарушения, предусмотренного статьями 61.11 или 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Действующее российское законодательство не содержит норм, в силу которых сама по себе аффилированность двух юридических лиц является основанием для привлечения к ответственности одного такого юридического лица по договорным или деликтным обязательствам другого юридического лица. В юридической литературе справедливо отмечается, что для применения мер гражданско-правовой ответственности необходимо наличие призна-

¹¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

¹² СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ков состава гражданского правонарушения¹³. Такой подход был характерен и для советского гражданского права¹⁴.

Определение термина «аффилированные лица» дано в ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁵. Из этого определения следует, что аффилированность заключается в возможности влиять на деятельность субъектов предпринимательской деятельности. Данный термин лишь один из многих, используемых законодателем для обозначения отношений, в рамках которых одни субъекты влияют на действия и решения других субъектов. Иные однородные термины: основное общество (товарищество) и дочернее общество (ст. 67.3 ГК РФ), контролирующее юридическое лицо — должника лицо, так называемое КДЛ (п. 1 ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Целый ряд подобных терминов закреплен в банковском законодательстве — это и банковская группа, и банковский холдинг (ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁶).

Однако, несмотря на терминологические различия, само по себе влияние одного лица на действия и решения другого, в том числе и в силу наличия отношений аффилированности, нигде не признается достаточным основанием для отступления от правила о самостоятельной ответственности юридического лица. Для ограничения права не отвечать по обязательствам иного лица, пусть и аффилированного, требуется прямое указание закона (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). Причем отсутствие в законе такого указания не может быть компенсировано (подменено) ни основаниями, в силу которых возникают отношения аффилированности, ни уровнем или степенью аффилированности.

Из статьи 10 ГК РФ следует, что участники гражданского оборота при осуществлении прав и исполнении обязанностей должны действовать добросовестно и разумно. Аффилированные лица не являются исключением. Следует подчеркнуть, что даже если, учитывая отноше-

ния зависимости в рамках аффилированных структур, расценивать аффилированность как факт, повышающий требования к добросовестному и разумному поведению, то эти повышенные требования будут иметь значение лишь при решении вопроса об ответственности аффилированных лиц, а меры ответственности, как отмечалось выше, применяются не по факту аффилированности, а при наличии признаков состава гражданского правонарушения в отношении лиц, прямо указанных в законе, например КДЛ.

Следовательно, сама по себе аффилированность юридических лиц не является основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности одного юридического лица по обязательствам аффилированного с ним другого юридического лица. При этом степень (уровень) аффилированности не имеет значения. Применение мер гражданско-правовой ответственности как следствие аффилированности должно быть прямо предусмотрено законом, что следует из ст. 53.2 ГК РФ.

В указанных выше судебных актах не только нивелируется принцип самостоятельности и независимости юридического лица, но и размываются постулаты обязательственного права. Получается, что обязательство, вытекающее из договора, создает обязанности для лиц, аффилированных со стороной такого договора, хотя они сами и не являются сторонами данного обязательства. Остается ли в этой схеме место принципу относительности обязательства? Очевидно, что нет.

Известно, что в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Таким образом, в обязательстве как в гражданском правоотношении круг субъектов четко определен: это обладатель прав — кредитор и носитель обязанностей — должник. Эти субъекты противостоят друг другу, поскольку праву одного корреспондирует обязанность другого, в чем и проявляется относительный характер обязательства.

¹³ См. подробнее об этом: *Гутников О. В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019. С. 157–476.

¹⁴ *Иоффе О. С.* Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 194–572.

¹⁵ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

¹⁶ Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

Субъектный состав обязательства не размывается от того, что в обязательстве могут принимать участие несколько лиц, поскольку в любом случае они будут находиться на стороне должника или на стороне кредитора. Множественность лиц в обязательстве не трансформируется в множественность его сторон. Так, согласно п. 1 ст. 308 ГК РФ в обязательстве в качестве каждой из его сторон — кредитора или должника — могут участвовать одно или одновременно несколько лиц.

В силу относительного характера обязательства, как справедливо писал классик российской цивилистики М. М. Агарков, «обязательство может быть нарушено только должником (должниками), но не третьим лицом»¹⁷. На важность относительного характера обязательства как его атрибута обращал внимание и другой классик отечественного гражданского права — О. С. Иоффе¹⁸.

Принцип относительности обязательства лежит также в основе запрета возложения обязанностей на лицо, не являющееся стороной обязательства. Так, обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц) (п. 3 ст. 308 ГК РФ). В юридической литературе отмечается, что подобное возложение противоречило бы также основополагающему принципу гражданского права — принципу автономии воли участников гражданского оборота¹⁹.

В литературе, содержащей анализ судебной практики, можно встретить вывод о том, что суды в своих решениях не ограничиваются буквальным толкованием закона, содержащего запрет возложения обязанностей на третьих лиц — не сторон обязательства, а исключают возложение на них также и иных обременений²⁰.

Сущностью обязательства, по меткому замечанию патриарха немецкой юриспруденции

Ф. К. фон Савиньи, является «...господство над чужими действиями, чем обусловлено и благодаря чему возникает то, что мы, обобщая все в целом, называем оборотом»²¹. А предоставление такого господства в гражданском праве с учетом принципа автономии воли может быть только добровольным. Выражение согласия на добровольное подчинение воле кредитора осуществляется субъектом гражданского оборота посредством принятия на себя статуса должника в обязательстве. Третье лицо, не обладающее статусом должника, не должно подчиняться воле сторон обязательства, отсюда и норма-запрет, закрепленная в п. 3 ст. 308 ГК РФ.

Образно и точно описал взаимоотношения сторон обязательства и третьих лиц С. В. Сарбаш: «...можно представить себе две точки (кредитора и должника), связанные нитью обязательства; за пределами их связи можно рассмотреть еще одну или несколько точек, никак не связанных ни с кредитором, ни с должником, ни с самой нитью обязательства; это — третьи лица, в обязательстве не участвующие»²².

Соответственно, обязательство должника перед кредитором может быть нарушено только самим должником, а никак не аффилированным с ним третьим лицом, не являющимся стороной в таком обязательстве. Следовательно, при наличии необходимых и достаточных элементов состава гражданского правонарушения именно к должнику должны быть применены меры договорной ответственности за неисполнение обязательства.

На запрет возлагать на третье лицо меры ответственности перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником обязательства, вытекающий из п. 3 ст. 308 ГК РФ, нередко обращается внимание в юридической литературе²³. Не в последнюю очередь такой подход обусловлен тем, что оте-

¹⁷ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. С. 37.

¹⁸ Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. Т. 3 : Обязательственное право. С. 53.

¹⁹ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. С. 29.

²⁰ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–454 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 55.

²¹ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 477.

²² Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2017. С. 28.

²³ См., например: Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов (и др.) ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2022. С. 1056.

чественное гражданское законодательство не разграничивает такие понятия, как долг и ответственность. Примером могут служить многочисленные нормы ГК РФ, в частности п. 1 ст. 322. В германской цивилистике, напротив, идея о проведении четкого различия между долгом в обязательстве (*Schuldt*) и ответственностью за неисполнение обязательства (*Haftung*) была очень популярна, но сейчас во многом утратила свою привлекательность²⁴.

Относительность обязательства лежит в основе разъяснения Верховного Суда РФ, согласно которому стороны обязательства не могут выдвигать в отношении третьих лиц возражения, основанные на обязательстве между собой²⁵. К числу данных возражений можно отнести также возражения должника в обязательстве против отказа третьего лица, не являющегося его стороной, от исполнения данного обязательства.

В абзаце 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ содержится не только характеристика относительности обязательства. Эта норма — проявление основополагающих принципов гражданского права, таких как равенство участников гражданских правоотношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, приобретение и осуществление гражданских прав волей их носителей и в их интересах (п. 1, 2 ст. 1 ГК РФ). Она является императивной, что подтверждается общим подходом к квалификации императивных норм, изложенным в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»²⁶. Исключения из данного правила-запрета должны быть установлены только законом. Они не могут следовать из договоренностей сторон обязательства, а также обуславливаться природой обязательства и фактическими обстоятельствами, в том числе связанными с аффилированностью стороны обязательства и третьего лица.

Допущение нарушения абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ повлекло бы за собой очевидные негативные последствия. Утратило бы смысл выделение целой подотрасли гражданского права —

обязательственного права, с его относительным характером, заключающимся в наличии конкретной правовой связи между должником и кредитором, где у кредитора есть господство над действиями должника (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Очень точно и ярко описал эту связь профессор С. В. Сарбаш: «Если попытаться нарисовать картину реализации обязательства, то мы могли бы увидеть, как нечто ценное перемещается вдоль нити, связующей кредитора и должника, от одного к другому, от должника к кредитору, а сама эта нить всё более и более по мере исполнения обязательства исчезает, освобождая должника от бремени долга и вознаграждая кредитора новой ценностью»²⁷. Произвольное, прямо не предусмотренное законом возложение обязательством обязанностей на субъекта, не являющегося его стороной, подменило бы эту нить клубком беспорядочных связей с множеством третьих лиц.

Кроме того, отход от императивной нормы абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ никак не соответствовал бы упомянутым выше основополагающим принципам гражданского права. Стороны обязательства, свободно возлагая обязанности на третье лицо, тем самым получили бы возможность произвольного вмешательства в его частные дела, что как минимум ставит под сомнение их равенство с третьим лицом. В свою очередь, третье лицо лишилось бы возможности приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе, поскольку их действия определялись бы волей и интересами сторон в обязательстве.

Законодатель не ставит применение абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ в зависимость от того, в каких отношениях состоят между собой должник и третье лицо. Действие указанной нормы не зависит от природы таких отношений. В частности, должник в обязательстве и третье лицо могут быть аффилированы между собой. Запрет возлагать в рамках обязательства обязанности на третье лицо, не участвующее в нем в качестве стороны, сохраняется и в этом случае.

Норма абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ расположена в подразд. 1 разд. III ч. I ГК РФ, посвященном

²⁴ См., например: Паккиони. Д. Понятие обязательства от Ф. К. Фон Савиньи до Германского гражданского уложения // Древнее право : научно-практический журнал. М. : И.Д. В. Ема, 2016. № 2 (34). С. 184–207.

²⁵ Абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

²⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

²⁷ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. С. 10.

общим положениям об обязательствах. В силу п. 1, 2 ст. 307.1 ГК РФ такие общие положения применяются как к договорным обязательствам, так и к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда.

Таким образом, в силу императивной нормы абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство, вытекающее из договора или деликта, не может создавать обязанностей для лиц, которые не были сторонами этого обязательства — третьих лиц. При этом законодатель не предусматривает исключений из указанного правила, обусловленных наличием между третьим лицом и стороной обязательства отношений аффилированности.

В юридической литературе допускается гипотетическая возможность ответственности третьего лица перед кредитором в обязательстве, если неисполнение или ненадлежащее исполнение такого обязательства было обусловлено действиями самого третьего лица. Однако сторонники такой позиции последовательно отстаивают тезис о деликтном характере данной ответственности²⁸. Для кредитора и должника это третье лицо будет так называемым интервентом, вторгающимся в их взаимоотношения.

Указанный подход не лишен существенных недостатков. Получается, что интервент-деликвент, вторгаясь в относительную связь между должником и кредитором, нарушает относительные права кредитора, к числу которых как раз и можно отнести право кредитора требовать от должника исполнения договорного обязательства. По существу, такой подход размыкает принцип относительности обязательства и привносит в правовое регулирование явную неопределенность.

Неслучайно еще М. М. Агарков предостерегал от абсолютной защиты обязательственных отношений, поскольку такая защита, по верному замечанию ученого, слишком расширила бы применение исков из причинения вреда²⁹. Многие классики отечественного гражданского права прямо отрицали возможность нарушения

относительного права, существующего в отношении конкретного лица — должника, безликим интервентом. Например, Е. В. Васьковский без сомнений утверждал: «Вещное право, будучи обязательным для всех, может быть и каждым нарушено. Напротив, обязательственное право допускает нарушение только со стороны обязанного лица»³⁰. Во многих монографиях констатируется, что в юридической литературе прочно сложилось воззрение на нарушение договорных обязательств как на противоправное действие только стороны обязательства³¹.

Нельзя не подчеркнуть, что даже сторонники позиции об особой роли интервента в обязательстве ссылаются на сложности, затрудняющие ее практическое применение. Так, О. В. Гутников, сторонник идеи о возможности нарушения интервентом относительного имущественного права, справедливо замечает, что действующее российское законодательство «непосредственно не предусматривает возможности применения деликтной ответственности за причинение вреда относительным имущественным правам»³². Далее автор утверждает, что само по себе такое признание потребует серьезной предварительной подготовки. Действительно, в российском праве деликтная ответственность построена на принципе генерального деликта, в силу которого любой вред, причиненный противоправными и виновными действиями деликвента, подлежит возмещению. Однако, как верно указывает О. В. Гутников, причинение вреда интервентом обязательственным правам в силу их относительной природы всегда носит косвенный характер. Отсюда автор *de lege ferenda* исходит из необходимости признания умышленной формы вины интервента-деликвента, причем презумпция вины в данном случае действовать не должна.

Указанный косвенный (опосредованный) характер причинения вреда может повлечь за собой вполне логичные выводы о роли самого интервента в нарушении обязательства.

²⁸ См., например: *Журдэн П.* Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 212–241; № 5. С. 233–255; № 6. С. 154–193; 2022. № 1. С. 200–229.

²⁹ *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 175.

³⁰ *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М.: Статут, 2003. С. 262.

³¹ См., например: *Комаров А. С.* Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991. С. 29.

³² *Гутников О. В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

С. А. Сеницын пишет: «Договорное обязательство может быть нарушено только его стороной, на которой лежит конкретная гражданско-правовая обязанность, что обусловлено структурой обязательства и гражданско-правовым статусом его участников как кредитора и должника. Действия интервента создают лишь внешний фон и экономическую мотивацию, являясь стимулом для нарушения договорных обязательств их участниками»³³.

Анализ международных актов в сфере частного права позволяет сделать вывод о том, что там, где признается возможность применения к интервенту мер деликтной ответственности за нарушение прав кредитора в обязательстве, такая возможность рассматривается скорее в качестве прямо предусмотренного исключения и сопровождается многочисленными оговорками. Наглядным примером служит статья VI.-2:211 так называемых Модельных правил европейского частного права (DCFR)³⁴, предусматривающая ответственность интервента за вред, причиненный побуждением к неисполнению обязательства. Интервент может быть привлечен к деликтной ответственности лишь при наличии трех условий: а) вред причиняется кредитору в обязательстве; б) виновные действия интервента характеризуются прямым умыслом; в) интервент при этом не действовал с целью законной защиты своего интереса.

Из изложенного выше следует, что обязательство, вытекающее из договора, не создает и не может создавать обязанности для лиц, аффилированных со стороной договора, которые не были сторонами этого обязательства. Данный вывод является производным от относительного характера обязательственного отношения, где одному четко определенному субъекту — кредитору противостоит другой четко определенный субъект — должник. Запрет возлагать обязанности на третьих лиц, в том числе аффилированных, не являющихся стороной обязательства, закреплен императивной нормой п. 3 ст. 308 ГК РФ.

По смыслу ст. 53.2 ГК РФ правовые последствия аффилированности юридических лиц, в силу которых одно из них отвечает по обязательствам другого, должны быть прямо установлены законом. В отсутствие такого закона указанная ответственность невозможна. Иначе будет иметь место нарушение принципов равенства субъектов гражданских правоотношений, автономии их воли, а также самостоятельной ответственности юридического лица. Если и допустить гипотетическую возможность ответственности третьего лица — интервента перед кредитором в обязательстве, то для этого противоправные действия интервента должны совершаться с прямым умыслом причинить вред кредитору.

Для применения мер гражданско-правовой ответственности, как уже отмечалось, требуется наличие элементов гражданского правонарушения, одного факта аффилированности и вхождения в единую корпоративную структуру здесь недостаточно. Конкретные составы гражданских правонарушений, когда один субъект, входящий в единую корпоративную структуру, отвечает по обязательствам другого участника такой структуры, должны быть прямо предусмотрены законом. Например, согласно абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ основное хозяйственное товарищество или общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества. Примеры субсидиарной ответственности в рамках банкротных процедур приводились выше.

Применительно к деликтной ответственности, к которой привлекались ответчики по рассматриваемым делам, следует иметь в виду, что «обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противо-

³³ Сеницын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 7–44.

³⁴ Модельные правила европейского частного права : пер. с англ. / науч. ред.: Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013. С. 555.

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Музыки» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3225.

правным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину»³⁵.

Деликтная ответственность связана с личностью делинквента. Как разъяснил Верховный Суд РФ, юридические лица не отвечают за вред, причиненный их участниками (членами), за исключением вреда, причиненного полными товарищами и (или) членами производственного кооператива³⁶. Очевидно, что если юридическое лицо не несет ответственности по деликтным обязательствам своих участников (членов), осуществляющих над ним прямой корпоративный контроль, то тем более оно не может отвечать за вред, причиненный лицами, входящими, наряду с ним, в единую корпоративную структуру, в рамках которой контроль, как правило, носит косвенный характер.

Договорную ответственность несет сторона гражданско-правового договора. Для применения мер договорной ответственности также необходимо наличие элементов состава гражданского правонарушения — противоправности, неблагоприятных имущественных последствий в виде убытков, причинно-следственной связи между ними, а также вины правонарушителя. Количество указанных элементов может изменяться. Как известно, субъекты предпринимательской деятельности по своим договорным обязательствам отвечают без вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а ответственность в виде договорной неустойки не обусловлена наличием у потерпевшей стороны в договоре убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ).

Применение норм о договорной или деликтной ответственности к нарушителю также не является произвольным. За нарушение договорного обязательства к нарушителю такого обязательства должны применяться нормы о договорной ответственности, а не положения об ответственности за совершение деликта (гл. 59 ГК РФ). Разграничение договорных и деликтных обязательств явно следует из п. 1, 2 ст. 307.1 ГК РФ. Договорная ответственность наступает для сторон договора, не исполнивших или исполнивших ненадлежащим образом договорные обязательства, а не для третьих лиц, не являющихся стороной такого договора. Основание договорной ответственности — на-

рушение договорного обязательства, являющегося относительным правоотношением. Для деликтной ответственности характерно нарушение абсолютных прав или имеющих абсолютный характер нематериальных благ. Вопрос о возможности нарушения деликтом относительных прав, как было показано выше, обсуждается в юридической литературе, но даже ее признание коснется лишь противоправных действий делинквента, совершаемых с прямым умыслом. Применение норм о деликтах при нарушении договорных обязательств по общему правилу невозможно, кроме отдельных случаев, прямо предусмотренных законом. Примером может служить статья 1084 ГК РФ.

Наконец, понуждение аффилированного лица к исполнению договорного обязательства за должника только лишь в силу факта установления между ними отношений аффилированности противоречило бы абзацу 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ, в силу которого юридическое лицо действует в гражданском обороте своей волей и в своем интересе (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Законодатель наделяет юридическое лицо его собственным интересом, который не сводится к интересам его учредителей (участников), а также иных лиц, в том числе находящихся с юридическим лицом в отношениях аффилированности. В литературе интерес рассматривается в качестве материальной предпосылки возникновения и осуществления субъективного гражданского права³⁷. В основе самостоятельных интересов юридического лица лежит ключевое предназначение института юридического лица. Как писал известный отечественный цивилист профессор Б. Б. Черепахин, «основной задачей института юридического лица является создание субъекта прав и обязанностей, существующего и действующего независимо от смены (частичной или даже полной) его людского субстрата. В этом важное свойство юридического лица. Чем дальше продвинулся процесс обособления юридического лица и его имущества от входящих в него людей с их личным имуществом, тем совершеннее юридическое лицо, тем устойчивее его служение поставленным перед ним целям»³⁸.

³⁶ Абз. 3 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

³⁷ См., например: *Грибанов В. П.* Интерес в гражданском праве // *Осуществление и защита гражданских прав.* М.: Статут, 2000. С. 241–244.

О собственном интересе юридического лица говорится, в частности, в п. 3 ст. 53, п. 1, 3 ст. 53.1, п. 1 ст. 55, п. 4 ст. 62, п. 4, 5 ст. 67.1 ГК РФ, п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³⁹, п. 2 ст. 69, п. 1 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» и т.д.

Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом (п. 1 ст. 53 ГК РФ). Таким образом, вопрос о добровольном исполнении обязательства юридическим лицом за аффилированного с ним должника в этом обязательстве должны решать органы такого юридического лица в соответствии со своей компетенцией.

Согласно п. 3 ст. 53 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.).

В свою очередь, статья 53.1 ГК РФ предусматривает ответственность членов органов управления юридического лица за нарушение указанной выше обязанности. Убытки, причиненные юридическому лицу таким нарушением, должны быть возмещены в полном объеме. Сходные положения об ответственности лиц, входящих в органы управления акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью, предусмотрены соответственно в ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Таким образом, основная обязанность членов органов управления юридического лица, даже находящегося в отношениях аффилированности, — действовать разумно и добросовестно в интересах самого юридического лица.

Правомерность добровольного исполнения аффилированным юридическим лицом обяза-

тельства за должника, который его не исполняет, определяется тем, насколько такое исполнение соответствует интересам указанного юридического лица. Произвольное исполнение, никак не связанное с собственными интересами юридического лица как самостоятельного субъекта права, действующего своей волей и в своем интересе (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ), однозначно следовало бы квалифицировать как не основанный ни на законе, ни на договоре вывод активов аффилированного юридического лица в пользу кредитора должника в обязательстве без всякого встречного предоставления. В результате такого действия у аффилированного юридического лица возникли бы убытки, за причинение которых лица, принявшие безосновательное решение о добровольном исполнении аффилированным юридическим лицом указанного выше обязательства, несли бы прямую ответственность. Таким образом, у органов управления юридического лица, не являющегося стороной в обязательстве, нет обязанности предпринимать действия по погашению задолженности должника в обязательстве, если это не соответствует интересам самого юридического лица.

Показательным в этом смысле является дело, приведенное в п. 28 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023): «Гражданское законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности... В то же время из существа конструкции юридического лица (корпорации) вытекает запрет на использование правовой формы юридического лица для причинения вреда независимым участникам оборота... Участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их “продолжением”. К недобросовестному поведению контролирующего лица с учетом всех обстоятельств дела может быть отнесено также избрание участ-

³⁸ Черепакин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 300.

³⁹ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁴⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 6.

⁴¹ СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

ником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исправно исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота...»⁴⁰.

Об интересах, которые прежде всего должны учитывать органы юридического лица, четко говорит и Конституционный Суд РФ. Так, в абз. 5 п. 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» подчеркивается, что «...из числа лиц, чьи интересы должны быть учтены и защищены, нет оснований исключать и кредиторов юридического лица»⁴¹.

Из вышеизложенного следует, что третье лицо не должно осуществлять исполнение обязательства за аффилированного с ним должника в этом обязательстве в пользу кредитора последнего, поскольку оно будет действовать не в своих интересах. Более того, если по каким-либо причинам решение об исполнении обязательства за должника будет принято аффилированным с ним третьим лицом, то данное обязательство будет исполнено в интересах именно должника. В таких обстоятельствах, с учетом суммы исполнения обязательства, в действиях должностных лиц третьего лица, принявших решение об исполнении, могут присутствовать и признаки состава преступления, предусмотренного статьей 201 Уголовного кодекса РФ, или по меньшей мере признаки гражданско-правового нарушения их обязанностей по соблюдению интересов юридического лица.

Следует учитывать также характер деятельности третьего лица, особенно когда оно осуществляет банковскую деятельность и является участником системы страхования вкладов. Здесь, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 23.12.2003 № 177 «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»⁴², целью третьего лица являются защита прав и законных интересов вкладчиков банков Российской

Федерации, укрепление доверия к банковской системе Российской Федерации и стимулирование привлечения денежных средств в банковскую систему Российской Федерации. Таким образом, действия банков — участников системы страхования вкладов рассматриваются не только через призму частного права как регулятора гражданского оборота, но и на предмет соответствия публично-правовым началам, обеспечивающим стабильность основ экономики страны и ее «кровеносной системы» — банковских структур.

К участникам системы страхования вкладов предъявляются особые требования. Например, они обязаны вести ежедневный учет обязательств банка перед вкладчиками и встречных требований банка к вкладчику, обеспечивающий готовность банка сформировать при наступлении страхового случая, а также на любой день по требованию Банка России реестр обязательств банка перед вкладчиками в порядке и по форме, которые устанавливаются Банком России (пп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»).

В отношении таких юридических лиц Банк России обладает значительными полномочиями как орган банковского регулирования и банковского надзора. Главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов (ст. 56 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁴³).

Таким образом, добровольное исполнение третьим лицом — банком обязательства за должника в этом обязательстве только лишь на основании вхождения должника и третьего лица в единую корпоративную структуру не только не имеет под собой частноправовых оснований, но и грубо нарушает публично-правовые нормы, служащие гарантией для вкладчиков и иных кредиторов коммерческих банков. В действиях же должностных лиц третьего лица — банка, если бы они приняли соответствующее решение, не только усматривались бы черты гражданско-правового деликта, но могли содержаться и признаки состава преступления. Соответственно, противоправные дейст-

⁴² СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

⁴³ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

вия такого рода, совершенные должностными лицами третьего лица — банка, помимо его собственных интересов, нарушают публичные интересы и интересы неопределенного круга лиц. Безосновательное установление приоритета интересов кредиторов одних участников единой корпоративной структуры над интересами кредиторов иных участников этой же структуры, тем более обладающих статусом банка, нарушает основополагающий принцип гражданского права — принцип равенства субъектов гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Кроме того, удовлетворение интересов кредитора в обязательстве за счет третьего лица — банка, пусть и находящегося с должником по такому обязательству в отношениях аффилированности, предоставит неоправданные и безосновательные преимущества кредиторам должника по сравнению с кредиторами аффилированного с ним третьего лица, за счет которого произойдет исполнение обязательства. Активы юридического лица призваны служить гарантией удовлетворения требований именно его кредиторов, а не кредиторов сторонних организаций, пусть и находящихся с юридическим лицом в отношениях аффилированности.

Именно вкладчики и иные кредиторы третьего лица — банка имеют право рассчитывать на его имущество в рамках правоотношений, где такое лицо выступает по отношению к ним в качестве должника. Кредиторов иных участников единой корпоративной структуры, в которую входит данное третье лицо, закон таким правом не наделяет. Иное означало бы произвольное переложение предпринимательского риска кредиторов «избранных» участников единой корпоративной структуры на кредиторов третьего лица — банка, такого же участника этой структуры, среди которых могут быть и вкладчики, слабые участники оборота, за счет интересов которых не могут удовлетворяться интересы профессиональных участников хозяйственного оборота — коммерсантов.

Утверждение о том, что третье лицо — банк может добровольно и беспрепятственно погашать в отсутствие юридического основания долг за должника в обязательстве, пусть и входящего с ним в единую корпоративную структуру, поскольку предназначение участников указанной структуры якобы заключается в представлении интересов всей корпоративной структуры, противоречит принципам устройства и функционирования банковской системы Российской Федерации. В основе банковской

деятельности лежит исключительное право банка осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц; размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»). В связи с этим очевидно, что «размещение» банковских активов посредством погашения долгов иных юридических лиц, хотя бы и образующих с банком единую корпоративную структуру, никак не соответствует природе банковской деятельности.

Кроме того, вхождение третьего лица — банка в единую корпоративную структуру само по себе не лишает его самостоятельности ни де-юре, ни де-факто, не свидетельствует о том, что он, наряду с иными участниками единой корпоративной структуры, действует не в собственных интересах, а функционирует для достижения цели, единой для всей корпоративной структуры.

Соответственно, отказ третьего лица — банка исполнять обязательство за входящего с ним в единую корпоративную структуру должника правомерен, поскольку полностью основан на нормах российского законодательства, как частного, так и публичного. Ответственность за такое правомерное поведение законом не предусмотрена (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Следовательно, в данном случае в действиях третьего лица отсутствует состав деликтного правонарушения и оно не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда кредитору в обязательстве, должником в котором выступает аффилированная с третьим лицом организация.

Заключение

Завершить оценку судебной практики по делам подобного рода можно кратким выводом о том, что ее, увы, сложно признать основанной на законе и способствующей стабильности и предсказуемости современного гражданского оборота.

Во-первых, судебная практика грубо нарушает принцип независимости и самостоятельности юридического лица.

Во-вторых, не соответствует постулату относительности обязательственного правоотноше-

ния, в силу которого обязательство не может создавать обязанности для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон.

В-третьих, в силу данной практики необходимым и достаточным условием применения мер гражданско-правовой ответственности к участникам единой корпоративной структуры признается факт вхождения в эту структуру (от-

ношения аффилированности), а не элементы состава гражданского правонарушения.

Наконец, в-четвертых, ее следствием является искажение легального стандарта поведения субъектов, входящих в состав органов управления юридического лица, в силу которого они должны действовать добросовестно и разумно в интересах самого юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2 : Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М. : Статут, 2012.

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940.

Аристова Е. А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2014.

Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М. : Статут, 2003.

Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.

Габов А. В. Официальные разъяснения по вопросам применения антисанкционных нормативных правовых актов: теоретические и практические вопросы // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 36–80.

Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023.

Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.

Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, 2019.

Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–454 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017.

Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 212–241 ; № 5. С. 233–255 ; № 6. С. 154–193 ; 2022. № 1. С. 200–229.

Захаров А. Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 32–62.

Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избранные труды : в 4 т. Т. 3 : Обязательственное право. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004.

Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.

Комаров А. С. Ответственность в коммерческом обороте. М. : Юридическая литература, 1991.

Лихтер П. Л. Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 8–10.

Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 9. С. 6–33.

Ломакин Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 93–110.

Ломакин Д. В. Развитие корпоративного законодательства в современных политико-экономических условиях на примере хозяйственных обществ // Законодательство. 2023. № 3. С. 18–25.

Модельные правила европейского частного права : пер. с англ. / науч. ред.: Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013.

- Паккиони Д. Понятие обязательства от Ф. К. фон Савиньи до Германского гражданского уложения // Древнее право : научно-практический журнал. 2016. № 2 (34). С. 184–207.
- Паращук С. А. Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 61–69.
- Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов (и др.) ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2022.
- Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. Т. 1. М. : Статут, 2011.
- Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие / Исслед. центр частн. права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2017.
- Синицын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 7–44.
- Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014.
- Черепакхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001.
- Bacon K. M. The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing // Louisiana Law Review. 2002. Vol. 63. No. 1. P. 75–112.
- Bainbridge S. M. Corporate Law. 2nd ed. New York : Foundation Press / Thomson West, 2009.
- Hamilton R. W. The Law of Corporations in a Nutshell. 5th ed. St. Paul, Minn. : West Group., 2000.
- Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Law and the Rise of the Firm // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119. No. 5.
- Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago : Callaghan, 1931.

REFERENCES

- Agarkov MM. Obligation under Soviet civil law. In: Selected works on civil law: in 2 vols. Vol. 2: General doctrine of obligations and its individual types. Moscow: Statute Publ.; 2012. (In Russ.).
- Agarkov MM. Obligation under Soviet civil law. Moscow: Legal publishing house of the NKYu of the USSR; 1940. (In Russ.).
- Aristova EA. Responsibility of cross-border corporate groups: theory and practice. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2014. (In Russ.).
- Arhipova AG, Baybak VV, Gromov SA, et al. Karapetov AG (ed.). Change of persons in the obligation and responsibility for violation of the obligation: commentary to articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statute; 2022. (In Russ.).
- Bacon KM. The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing. *Louisiana Law Review*. 2002;63(1):75-112.
- Bainbridge SM. Corporate Law. 2nd ed. New York: Foundation Press; Thomson West; 2009.
- Cherepakhin BB. Will formation and expression of the will of a legal entity. In: Works on Civil Law. Moscow: Statute, 2001. (In Russ.).
- Gabov AV. Anti-sanction measures in Russian law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2023;18:96-141. (In Russ.).
- Gabov AV. Official explanations on the application of anti-sanction regulatory legal acts: theoretical and practical issues. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2024;19(1):36-80. (In Russ.).
- Gribanov VP. Interest in civil law. Exercise and protection of civil rights. M.: Statute; 2000. (In Russ.).
- Gutnikov OV. Corporate liability in civil law. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation; 2019. (In Russ.).
- Gutnikov OV. Tort liability for violation of relative rights: development prospects in Russian law. *Zakon*. 2017;1:22-37. (In Russ.).
- Hamilton RW. The Law of Corporations in a Nutshell. 5th ed. St. Paul, Minn.: West Group.; 2000.
- Hansmann H, Kraakman R, Squire R. Law and the Rise of the Firm. *Harvard Law Review*. 2006;119(5).
- Ioffe OS. General doctrine of obligations. Selected works: in 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations. St. Petersburg: Legal Center-Press Publ.; 2004. (In Russ.).
- Ioffe OS. Responsibility under Soviet civil law. Selected works: in 4 vols. Vol. 1: Legal relations under Soviet civil law. Soviet civil law liability. St. Petersburg: Legal Center-Press Publ.; 2003. (In Russ.).

- Jourdan P. Principles of Civil Liability. *Civil Law Herald*. 2021;4:212-241; 5:233-255; 6:154-193; 2022:1:200-229. (In Russ.).
- Karapetov AG. Contractual Law and Law of Obligations (general part): article-by-article commentary to articles 307–454 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
- Komarov AS. Responsibility in commercial turnover. Moscow: Juridicheskaya literature Publ.; 1991. (In Russ.).
- Lichter PL. Penetrating (unifying) responsibility in the light of conflicts of principles of civil law. *Russian Justice*. 2019;6:8-10. (In Russ.).
- Lomakin DV. Development of Corporate Legislation in Current Political and Economic Conditions and Its Impact on Companies. *Zakonodatelstvo*. 2023;3:18-25. (In Russ.).
- Lomakin DV. The concept of corporate cover removal: implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012;9:6-33. (In Russ.).
- Lomakin DV. The principle of independent responsibility of a legal entity: rule and exceptions. *Herald of Civil Law*. 2020;1:93-110. (In Russ.).
- Pacchioni D. The concept of obligation from F.K. von Savigny to the German Civil Code. *Ancient Law: Scientific and Practical Journal*. 2016;2(34):184-207. (In Russ.).
- Parashchuk S A. The Legal Regulation of a Group of Persons as a Single Economic Entity under Russian Laws. *Entrepreneurial Law*. 2024;2:61-69. (In Russ.).
- Powell FJ. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago: Callaghan; 1931.
- Rasskazov NYu (academic editor). Model Rules of European Private Law. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).
- Sarbash SV. Elementary dogma of obligations. Sergey Alekseev Research Center for Private Law, Russian School of Private Law. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).
- Savigny FK. von. Kutateladze O, Zubarya V (eds). System of modern Roman law. Vol. 1. Trans. from German by Zhigulin G. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).
- Sinitsyn SA. Absolute protection of relative rights: reasons, consequences and relationship with the accepted classification of subjective rights. *Herald of Civil Law*. 2015;1:7-44. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil Law Textbook. In 4 vols. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sukhanov EA. Comparative corporate law. Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).
- Vaskovsky EV. Civil Law Textbook. Moscow: Statute Publ., 2003. (In Russ.).
- Zakharov AN. Some issues of removing the corporate veil: American experience and the possibilities of using it in Russian law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2014;10:32-62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломакин Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ имени М.В.Ломоносова)
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
lawyer@lomakindv.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Lomakin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil Law, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation
lawyer@lomakindv.ru

Материал поступил в редакцию 1 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 01.10.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.038-049

Б. А. ШахназаровМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовое обеспечение международных расчетов в современных условиях

Резюме. В условиях глобализации, даже в контексте экономических кризисов, направленность на увеличение корпоративных доходов, сохранение и увеличение капитала побуждает компании по всему миру анализировать динамично меняющиеся возможности географического присутствия, операционной деятельности, потенциал международных расчетов, включая различные расчетные инструменты, напрямую влияющие на осуществление и развитие бизнеса. Необходимо также принимать во внимание современные условия экономических ограничений, которые имеют широкое распространение и затрагивают финансовые, банковские, в том числе расчетные, правоотношения. Санкции оказывают серьезное влияние на структуру трансграничных расчетных отношений, валютные операции по всему миру. Доступ к платежным системам имеет решающее значение для банков и других поставщиков платежных услуг в обеспечении безопасного и эффективного предоставления трансграничных платежных услуг. Власти и операторы должны сопоставить эти преимущества с потенциальными барьерами и рисками. Заинтересованные стороны в экосистеме международных расчетов, такие как небанковские организации, инфраструктуры финансового рынка и иностранные банки, могут столкнуться с проблемами при получении прямого доступа к платежной системе. Таким образом, у разных юрисдикций есть опция рассмотрения возможности улучшения доступа к системам валовых расчетов в реальном времени и другим ключевым платежным системам, которые производят расчеты в валюте центрального банка. Оптимизация обеспечения доступа к внутренним платежным системам может способствовать развитию систем международных (трансграничных) расчетов за счет решения таких ключевых проблем, как длинные цепочки транзакций, высокие затраты на финансирование, низкий уровень конкуренции и устаревшие технологии. В частности, расширенный доступ к разного рода решениям в сфере трансграничных расчетов может способствовать усилению конкуренции и развитию инноваций, что в итоге отражает интересы потребителей, влияет на стоимость конечной продукции на рынках разных стран. Финансовая система в более широком смысле могла бы получить пользу от более эффективного снижения расчетных рисков и потенциальных выгод для финансовой стабильности за счет сокращения многоуровневых механизмов и создания более разнообразной и устойчивой экосистемы.

Ключевые слова: международные расчеты; правовое обеспечение; цифровые инструменты; криптовалюта; цифровые права; цифровые финансовые активы; цифровой рубль; неттинг; санкции; платежные системы

Для цитирования: Шахназаров Б. А. Правовое обеспечение международных расчетов в современных условиях. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 38–49. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.038-049

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Support of International Settlements in Modern Conditions

Beniamin A. Shakhnazarov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. In the context of globalization, even in the context of economic crises, the focus on increasing corporate income and maintaining and increasing capital encourages companies around the world to analyze dynamically changing opportunities for geographical presence, operational activities, the potential for international settlements, including various settlement tools that directly affect the implementation and development of business. It is also necessary to take into account the current conditions of economic restrictions that are widespread and affect financial, banking, including settlements and legal relations. Sanctions have a serious impact on the modern structure of cross-border settlement relations, foreign exchange transactions around the world. Access to payment systems is critical for banks and other payment service providers in ensuring safe and efficient cross-border payment services. Authorities and operators must weigh these benefits against potential barriers and risks. Stakeholders in the international settlement ecosystem, such as non-banks, financial market infrastructures and foreign banks, may face challenges in gaining direct access to the payment system. Thus, different jurisdictions have the option of improving access to real-time gross settlement systems and other key payment systems that make settlements in central bank currency. Optimized access to domestic payment systems can contribute to the development of international (cross-border) settlement systems by addressing key issues such as long transaction chains, high financing costs, low competition and outdated technologies. In particular, increased access to various solutions in the field of cross-border settlements can contribute to increased competition and the development of innovations, which ultimately reflects the interests of consumers and affects the cost of final products in the markets of different countries. In a broader sense, the financial system could benefit from better mitigating estimated risks and potential benefits to financial stability by reducing many-tier arrangements and creating a more diverse and sustainable ecosystem.

Keywords: international settlements; legal support; digital tools; cryptocurrency; digital rights; digital financial assets; digital ruble; netting; sanctions; payment systems

Cite as: Shakhnazarov BA. Legal Support of International Settlements in Modern Conditions. *Lex russica*. 2025;78(1):38-49. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.038-049

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

В условиях глобализации, даже в контексте экономических кризисов, направленность на увеличение корпоративных доходов, сохранение и увеличение капитала побуждает компании по всему миру анализировать динамично меняющиеся возможности географического присутствия, операционной деятельности, потенциал международных торговых сделок, сделок слияний и поглощений (M&A) и других инструментов по развитию бизнеса. Оценивая зарубежные рынки, в частности иностранные операционные инструменты, компании могут оптимизировать вывод своей деятельности с до-

рогостоящих рынков труда, обогащая развивающиеся регионы и находя новые возможности для развития за пределами перенасыщенных локальных рынков¹.

Кроме того, необходимо принимать во внимание современные условия экономических ограничений, которые имеют широкое распространение и затрагивают финансовые, банковские, в том числе расчетные, правоотношения. Санкции оказывают серьезное влияние на структуру трансграничных расчетных отношений, валютные операции по всему миру.

Более быстрые, дешевые, прозрачные и более инклюзивные услуги в сфере трансграничных платежей могут принести большие

¹ См.: Cameron S. Legal Aspects of Cross Border Transactions: Trends, Challenges and Opportunities // URL: https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/blog/wp-content/uploads/sites/14/2016/10/Trends-in-cross-border_Report.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

доходы субъектам и государствам во всем мире, способствуя экономическому росту, развитию международной торговли, глобальному развитию и доступности финансов в целом². В обозначенном контексте еще в 2020 г. «Большая двадцатка» одобрила дорожную карту по улучшению трансграничных платежей. Дорожная карта была разработана Советом по финансовой стабильности (Financial Stability Board) в координации с Комитетом по платежам и рыночной инфраструктуре Банка международных расчетов³ (Committee on Payments and Market Infrastructures) и другими соответствующими международными организациями и органами, устанавливающими стандарты. Программа трансграничных платежей «Большой двадцатки» направлена на решение сохраняющихся проблем на рынке трансграничных платежей, включая высокие затраты, низкую скорость, ограниченный доступ и недостаточную прозрачность. Программа содержит необходимые элементы глобально скоординированных мер реагирования в форме набора инструментов. Такого рода документы обычно направлены на расширение возможностей трансграничных платежей и разрабатываются в рамках деятельности по улучшению прямого доступа к платежным системам банков, небанковских организаций и платежных инфраструктур.

Доступ к платежным системам имеет решающее значение для банков и других поставщиков платежных услуг (payment service providers) в обеспечении безопасного и эффективного предоставления трансграничных платежных услуг. Власти и операторы должны сопоставить эти преимущества с потенциальными барьерами и рисками.

Доступ к платежным системам может быть прямым или косвенным в зависимости от потребностей участников, а также институциональной структуры, существующей для конкретной платежной системы. Прямой доступ обычно означает, что организация имеет возможность давать указания, осуществлять клиринг и расчеты по платежам от своего имени. Для такого доступа обычно требуется, чтобы у

организации был расчетный счет в центральном банке. Напротив, косвенный доступ предполагает участие прямого участника в качестве посредника, тем самым предлагая альтернативу прямому доступу к платежной системе. Глобальный опрос центральных банков показал, что лишь немногие платежные системы в настоящее время предоставляют прямой доступ организациям, отличным от отечественных банков. Следовательно, стороны, заинтересованные в экосистеме трансграничных платежей, такие как небанковские организации, инфраструктуры финансового рынка и иностранные банки, могут столкнуться с проблемами при получении прямого доступа к платежной системе. Таким образом, у разных юрисдикций есть опция рассмотрения возможности улучшения доступа к системам валовых расчетов в реальном времени (Real Time Gross Settlement) и другим ключевым платежным системам, которые производят расчеты в валюте центрального банка.

Оптимизация обеспечения доступа к внутренним платежным системам может способствовать развитию систем трансграничных платежей за счет решения таких ключевых проблем, как длинные цепочки транзакций, высокие затраты на финансирование, низкий уровень конкуренции и устаревшие технологии. В частности, расширенный доступ к разного рода решениям в сфере трансграничных расчетов может способствовать усилению конкуренции и развитию инноваций, что в итоге отражает интересы потребителей и влияет на стоимость конечной продукции на рынках разных стран. Финансовая система в широком смысле могла бы получить пользу от более эффективного снижения расчетных рисков и потенциальных выгод для финансовой стабильности за счет сокращения многоуровневых механизмов и создания более разнообразной и устойчивой экосистемы. При этом расширенный доступ к трансграничным платежным инструментам может повлечь ряд проблем, рисков, включая кредитные, залоговые риски, репутационные риски государства и операторов систем, например в случае возникновения

² Bank for International Settlements. Committee on Payments and Market Infrastructures. Improving access to payment systems for cross-border payments: best practices for self-assessments. May 2022 // URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d202.pdf> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Банк международных расчетов представляет собой международную финансовую организацию, в функции которой входят содействие сотрудничеству между центральными банками и облегчение международных финансовых расчетов, а также исследование экономических и кредитно-денежных отношений.

проблем с организацией, к которой власти предоставили прямой доступ⁴.

Особенности правового регулирования трансграничных расчетных отношений в условиях санкций

В современных условиях выстраивание системы трансграничных расчетов также предполагает проведение санкционного комплаенса в части выявления и учета действия финансовых санкций, экономических ограничений, направленных на осуществление расчетов, на оборот валюты, и др. Требования, вытекающие из финансовых санкций, могут предполагать запрет частным субъектам вести дела с конкретным лицом или организацией, в отношении которых введены санкционные ограничения. В некоторых случаях финансовые санкции могут быть направлены на ограничение предоставления финансовых услуг подсанкционным лицам.

Эти меры могут варьироваться от полного запрета на перевод любых средств субъектам или на счета в определенном государстве, в отношении которого введены санкции, замораживания активов, прежде всего денежных средств, такого государства, его юридических лиц и резидентов до целенаправленного замораживания активов конкретных физических/юридических лиц (в контексте персональных санкций)⁵.

Физическое или юридическое лицо может столкнуться с санкциями в различных форматах, в том числе когда субъект прямо указан в санкционном списке; предприятие может подвергнуться косвенным санкциям через бенефициарного владельца / контролера / акционера; лица, являющиеся руководителями или сотрудниками предприятий, могут быть внесены в санкционный список.

Несоблюдение финансовых санкций может привести к риску наступления правовой ответственности, в том числе уголовной, если у учреждений нет соответствующей лицензии или разрешения соответствующего ведомства государства, которое ввело санкции, например Управления по осуществлению финансовых

санкций Великобритании (Office of Financial Sanctions Implementation, OFSI). Наименования организаций и имена физических лиц, попавших под санкции, перечислены, как правило, на открытых ресурсах ведомств, ответственных за ведение санкционных списков. Санкционные списки обычно публикуются вводящими их государствами. Например, OFSI модерирует и публикует информацию о текущих финансовых санкциях, включая полный список всех лиц, активы которых подлежат замораживанию или которые подвергаются действиям иных санкций в соответствии с законодательством Великобритании.

Соответствующие санкционные списки, направленные на борьбу с отмыванием денежных средств, также известные как «контрольные списки», представляют собой совокупность нескольких списков, включая глобальные списки, нормативной и расширенной комплексной проверки всех основных санкционных органов по всему миру, таких как Управление по контролю за иностранными активами США (Office of Foreign Assets Control, OFAC), санкционных мер ООН, санкций Европейского Союза, Казначейства Ее Величества и списков политически значимых лиц (politically exposed person), а также внутригосударственных списков.

Здесь важно понимать, что правительство того или иного государства в целях изменения политического курса третьего государства может вводить финансовые санкции в отношении физических и юридических лиц, связанных с таким государством, а также в отношении самого третьего государства.

Ведомство, ответственное за введение и администрирование санкционных ограничений, обычно контролирует внедрение, администрирование и обеспечение соблюдения режима финансовых санкций. При этом финансовые санкции применяются ко всем сделкам, транзакциям; денежный минимум по транзакциям, как правило, не устанавливается.

Если в качестве примера рассматривать британский подход, то большинство фигурирующих в перечне физических и юридических лиц знают, что они включены в общедоступный сводный список политически значимых лиц,

⁴ Bank for International Settlements. Committee on Payments and Market Infrastructures. Improving access to payment systems for cross-border payments.

⁵ См.: What, How & Why Sanction Checks in Cross-Border Payments. 08.11.2022 // URL: <https://www.macroglobel.co.uk/blog/financial-technology/sanction-checks-in-cross-border-payments/> (дата обращения: 07.05.2024).

составленный OFSI. В результате вопрос «информирования» (как это определено в Законе о доходах от преступной деятельности 2002 г.) не должен возникать в большинстве случаев.

Клиенты не проверяются по сводному списку OFSI в рамках стандартных проверок на предмет отмывания денежных средств. Компании не должны путать режим финансовых санкций правительства с процедурами по борьбе с отмыванием денежных средств. Эти санкционные списки не статичны, они меняются по мере изменения правил и статуса субъектов.

Осуществление деятельности с субъектами, включенными в санкционные списки, может иметь правовые последствия. Для любых организаций, занимающихся трансграничными платежами, крайне важно иметь эффективную систему проверки соответствия финансовым санкциям, которая обеспечивает соблюдение законодательства и снижает риск осуществления неправомерной деятельности, в том числе использования незаконных средств, попадающих в платежный процесс.

Проверка бенефициаров платежей при этом представляет собой контроль, используемый финансовыми учреждениями для выявления, мониторинга и предотвращения санкционных рисков. Проверка бенефициаров имеет решающее значение для гарантий того, что финансовое учреждение не сотрудничает с субъектом, находящимся под санкциями, и соответствует требованиям, предъявляемым к трансграничным платежам.

Для достижения своих целей большинство финансовых учреждений могут использовать два основных механизма проверки на предмет соответствия деятельности санкционным требованиям. Речь идет прежде всего о проверке транзакций, представляющей собой метод обнаружения транзакций с участием конкретных физических лиц или организаций. Кроме того, целесообразно осуществлять проверку клиентов. Во время регистрации или жизненного цикла отношений клиента с тем или иным финансовым учреждением проверка клиента используется для выявления персональных санкций, подсанкционных физических или юридических лиц.

Проверки транзакций и клиентов должны осуществляться как совокупность мер с тем, чтобы создать надежный набор инструментов обнаружения и анализа санкционных ограничений. Следует понимать, что способ управления этими средствами контроля имеет ряд ограни-

чений и что их всегда следует использовать как часть более широкой программы по борьбе с финансовыми правонарушениями, а также для оптимизации и легитимации расчетных инструментов.

Такой мониторинг должен быть постоянным ввиду высокой динамики в современных условиях обновлений и изменений санкционных ограничений.

Физическое лицо, организация или правительство обязаны гарантировать то, что они и их система могут снизить риск финансовых правонарушений, в том числе путем принятия соответствующих мер, которые позволяют соблюдать обязательства по финансовым санкциям. Возможно, эти правила должны отличаться от тех, которые применяются в целях борьбы с отмыванием денежных средств, поскольку соблюдение санкций требует принимать во внимание то, кто получает платежи и поступают ли средства из полностью правомерного источника.

Чтобы гарантировать, что бизнес получает средства из законного источника, следует проверять личность отправителя, проводить комплексную проверку и системно следить за санкционными списками.

Если речь идет о взаимодействии с «международными клиентами» или частными лицами, целесообразно достоверно убедиться, что они не включены в какие-либо санкционные списки. В их число входят политически значимые лица, лица, которые занимают высокие общественные должности, а также их семьи, аффилированные лица. Через призму санкционной риторики эти люди с большей вероятностью могут быть вовлечены в осуществление неправомерной деятельности ввиду своего положения и влияния.

Необходимо учитывать разницу между проверкой внутренних и международных платежей. Транзакции, которые происходят полностью внутри страны, являются внутренними платежами с собственным регулированием. И отправляющие, и получающие финансовые учреждения находятся в одной юрисдикции и, следовательно, связаны одними и теми же нормативными требованиями и стандартами при работе с клиентами.

Трансграничные платежи предполагают транзакции между сторонами, находящимися в двух или более странах. При этом корреспондентские отношения как процесс, при котором иностранный и отечественный банк заключают

соглашение и в одном банке создается корреспондентский счет для другого, в современных условиях имеют определенные сложности. Корреспондентская деятельность предполагает открытие взаимных счетов между двумя банками, что позволяет отечественному банку осуществлять платежи или денежные переводы от имени иностранного банка, а также иностранному банку обрабатывать международные финансовые операции для клиентов.

Что касается проверки соответствия, то основное отличие состоит в том, что трансграничные платежи, несомненно, проверяются на предмет риска и контролируются с большей детальностью. Это связано с тем, что многие иностранные предприятия торгуют с использованием платежей в долларах США и, следовательно, подпадают под строгие требования и юрисдикционные ограничения OFAC. Поскольку финансовым учреждениям приходится иметь дело с международными и зарубежными нормативными требованиями за пределами своей нормативной базы, соответствующие платежи труднее отслеживать.

Эта проблема осложняется процессами международного банковского взаимодействия, где в большинстве случаев используются корреспондентские отношения, которые не вовлекают клиентов в значительную часть платежей, и клиентам в обозначенном контексте доступна ограниченная информация, не всегда позволяющая выяснить, имеет ли платеж риски распространения в его отношении санкционных ограничений.

Трансграничные платежи были и остаются строго регламентированными и безопасными транзакциями. Каждая страна в сети транзакций имеет свои нормативные правовые требования, а также протоколы соответствия и безопасности.

Если какие-либо финансовые учреждения обнаружат своего клиента или плательщиков в санкционном списке, об этом, как правило, требуется сообщить регуляторам. Невыполнение этого требования приводит к повышенному риску возможных правовых последствий, риску привлечения к ответственности со стороны регулирующих органов. Это может привести к крупным штрафам и репутационному ущербу, что подтверждается примерами привлечения к ответственности глобальных банков. Кроме того, необходимо дополнительно изучить пред-

упреждения, полученные в результате проверки деятельности на предмет соответствия санкционным, антисанкционным требованиям, и оценить потенциальные риски санкций.

Учреждения, не соблюдающие требования, могут быть подвергнуты долгосрочному мониторингу. Происходит мониторинг со стороны независимых экспертов, которые изучают культуру, системы и процессы компании, прежде чем давать рекомендации и выносить предписания. В наиболее серьезных случаях это может привести к потере банком лицензии на операции с определенными валютами. Даже после отмены соответствующих решений банк может быть проверен в любое время и должен всегда следовать указаниям аудитора.

Деятельность по борьбе с нарушениями нормативных требований сокращает ресурсы и затрудняет набор и сохранение компетентных специалистов, вызывая при этом существенные риски отставания в плане инноваций.

С другой стороны, поставщики платежных услуг и кредитные организации в целом не могут себе позволить экономить на обслуживании клиентов. Принятие быстрых решений имеет первостепенное значение, поскольку задержка правомерных платежей может привести к финансовым штрафам и потере лояльности клиентов.

Таким образом, поскольку процесс обеспечения соответствия ограничительным требованиям играет важную роль при осуществлении трансграничных платежей, крайне важно выбрать и использовать оптимальные финтех-решения для проверок ограничений, действующих в сфере отмыывания денежных средств (Anti-Money Laundering, AML), которые должны сочетаться с платформой трансграничных платежей⁶. При этом необходимо понимать, что автоматизированный процесс «проверка соответствия» — это не просто сопоставление имен, он включает в себя различную бизнес-логику и алгоритмы, основанные на рисках, для получения желаемых результатов в соответствии с требованиями регулирующих органов. Например, Macro Global, лидер в области RegTech, а также финтех-решений, создала NetRemit — пакет трансграничных платежей с автоматизированной проверкой eKYC, интегрированной в продукт. NetRemit также включает проверку AML и санкций с тем, чтобы обеспечить беспрепятственный доступ к клиентской базе.

⁶ What, How & Why Sanction Checks in Cross-Border Payments.

Функция интегрированной проверки транзакций NetRemit тщательно проверяет отправителя и получателя, предотвращая отмывание денег и финансовые преступления до начала цикла обработки, экономя банкам значительную сумму.

Для обеспечения соответствия требованиям санкционных и анτισанкционных ограничений, в целях оптимизации бизнес-процессов NetRemit от Macro Global предоставляет широкие возможности автоматизации процессов. Сервис генерирует более 30 аналитических и управленческих отчетов, таких как отчеты о подозрениях на мошенничество, отчеты расширенной комплексной проверки, отчеты о соответствии и отчеты по санкционным спискам, что позволяет заинтересованным сторонам функционировать легитимно.

NetRemit предоставляет трансграничные решения, решения в режиме реального времени и оперативные решения для расчетов в сфере услуг B2B, B2C и P2P, позволяющие осуществлять немедленные и быстрые платежи на банковские счета и сторонние онлайн-кошельки.

Сервис представляет собой по сути комплексное решение для управления, мониторинга и улучшения бизнес-процессов, позволяющее компаниям завершить жизненный цикл процесса на единой платформе. Сервис как глобальный продукт включает настраиваемые модули анализа данных и бизнес-аналитики, а также импровизированные уведомления через искусственный интеллект и машинное обучение, которые направлены на обеспечение интересов клиента.

Таким образом, автоматизация процессов обеспечения соответствия финансовым требованиям может служить эффективным инструментом достижения легитимности и устойчивости трансграничной коммерческой деятельности, сопровождаемой системой трансграничных платежей, в условиях широко распространяющихся экономических ограничений. С учетом отсутствия единой глобальной базы данных по санкциям, большого количества разрозненных санкционных списков и часто обновляемых санкционных мер, ответных анτισанкционных ограничений в сфере финансовых правоотношений особую актуальность приобретают решения по автоматизации мони-

торинга информации, автоматизированная аналитика на основе систем машинного обучения и искусственного интеллекта. При этом важно понимать, что эффективная реализация любой программы соответствия санкционным, анτισанкционным требованиям всегда должна быть целенаправленной и адаптированной к конкретным особенностям субъекта трансграничной коммерческой деятельности.

Оценка эффективности финансовых санкций

Эффективность финансовых санкций, включая ограничение SWIFT, несмотря на продолжающуюся санкционную риторику, всё еще является предметом дискуссий, и очевидной здесь является сложность оценки того, привели ли санкции в конечном итоге к изменению политики страны, подвергшейся санкциям⁷. Потенциальные проблемы включают определение точной цели санкций, того, что квалифицируется как изменение политики, и оценку степени, в которой санкции фактически способствовали этому изменению. Однако даже аналитика, использующая более простой подход и направленная на изучение воздействия санкций на целевую трансграничную деятельность, должна учитывать ряд проблем. Во-первых, санкции часто разрабатываются с учетом направленности на конкретные решения, организации или отдельных лиц, что затрудняет определение их совокупного эффекта и характера воздействия. Более того, последствия санкций, вероятно, будут различаться также на уровне конкретных ограничений и зависеть, например, от типа применяемых ограничений.

Хотя финансовые санкции обычно направлены на введение ограничений на трансграничную финансовую деятельность, включая доступ к финансовым рынкам, фондам, ресурсам и услугам, диапазон мер, которые реализуются на практике, часто широк и разнообразен. Например, ЕС ввел ограничительные меры в отношении ряда определенных банков в России. Поскольку российские банки, сталкивающиеся с ограничениями, четко идентифицированы, возможно различать попавшие и не попавшие под санкции организации в стране, на которую распространяются санкции. Помимо этого, санк-

⁷ Drott C., Goldbach S., Nitsch V. The effects of sanctions on Russian banks in TARGET2 transactions data // Journal of Economic Behavior & Organization. 2024. Vol. 219. P. 38–51. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268123004651> (дата обращения: 08.05.2024).

ционные меры различаются в зависимости от банка, характера финансовых отношений, они также модифицировались (усиливались) с течением времени. В результате существуют значительные различия в применении ограничений к потокам капитала и платежным операциям. Кроме того, данные о банковских транзакциях доступны в оперативном порядке, что помогает выявить прямое воздействие санкций. Это также позволяет изучить возможные эффекты ожидания между объявлением санкционных мер и их фактической реализацией. Наконец, ввиду того, что данные о платежах доступны за достаточно длительный период, возможно сравнить последствия финансовых санкций, введенных в отношении российских банков в 2014 и в 2022 гг.

Анализ современных санкционных ограничений показывает, что финансовые санкции существенно сокращают платежные потоки со счетов российских банков, попавших под санкции. Что еще более важно, последствия различаются в зависимости от типа финансовых ограничений и оказываются значительно сильнее при более строгих и жестких мерах, что также может объяснить то обстоятельство, что влияние санкций 2022 г. и давление на финансовые потоки сильнее, чем влияние санкций 2014 г. на российские банки. Финансовые ограничения, действительно, серьезно сдерживают финансовую деятельность целевых финансовых учреждений.

Впрочем, субъекты трансграничных коммерческих отношений, связанных с российским рынком, не прекращают осуществлять расчеты; используются доступные и современные платежные инструменты, включая неттинг (зачет встречных обязательств и требований по ценным бумагам и (или) денежным средствам), расчеты в дружественных валютах, в «мягких» валютах (soft currency — неконвертируемая или ограниченно конвертируемая валюта, которая подвержена относительно большим колебаниям ввиду экономических и политических факторов (индийская рупия, турецкая лира, валюты стран СНГ, Африки и Латинской Америки)), использование цифровых прав, цифровых финансовых активов, цифровой валюты, криптовалюты и др.

С учетом поддержания с помощью обозначенных инструментов трансграничных коммер-

ческих транзакций, связанных с российским рынком, всё же финансовые санкционные ограничения имеют измеримый экономический эффект. Анализируя довольно дезагрегированные данные о ежедневных платежах, обрабатываемых различными платежными системами, можно заключить, что финансовые санкции сокращают платежные потоки по счетам с попавшими под санкции российскими банками, в том числе в контексте ограничения SWIFT⁸. При этом важно отметить, что отключение от SWIFT не блокирует денежные переводы внутри России, поскольку в России есть национальная альтернатива SWIFT — Система передачи финансовых сообщений (СПФС). К данной системе уже подключено большинство российских банков. Что касается международных денежных переводов, банки, которые больше не могут использовать SWIFT, могут применять другие средства передачи данных (например, электронную почту, телекс и т.д.) при условии, что банки, участвующие в денежных переводах с обеих сторон, согласны с такими альтернативами. Использование таких альтернативных средств может замедлить продолжительность платежных операций по сравнению с использованием SWIFT и привести к увеличению банковских комиссий, но всё же не блокирует соответствующую возможность.

Кроме того, банки с международным присутствием могут не одобрить использование устаревших средств передачи данных и отказаться осуществлять денежные переводы, если к ним будут привлечены российские банки, отключенные от SWIFT.

Каждый случай проведения платежей через банки, отключенные от SWIFT и подпадающие под санкции, оценивается с точки зрения потенциальной ответственности за нарушение санкций. В случае сомнений зачастую целесообразно перейти на взаимодействие с альтернативными банками, не попавшими под санкции.

Стоит отметить, что некоторые банки были подключены к СПФС за пределами России, что обеспечивает альтернативу в ситуациях, когда использовать SWIFT более невозможно (Швейцария: Gazprombank (Switzerland) AG; Казахстан: АО «ДБ «Альфа-Банк»» (Казахстан), ДОО АО «Банк ВТБ»; Беларусь: 27 местных банков; Армения: два местных банка⁹).

⁸ Sanctions against Russia: frequently asked questions // URL: <https://schneider-group.com/en/insights/legal-tax-consulting/sanctions-against-russia-frequently-asked-questions/> (дата обращения: 08.05.2024).

⁹ Sanctions against Russia: frequently asked questions.

Правовые режимы цифровых и иных расчетных инструментов в условиях экономических ограничений

После отключения некоторых российских банков и финансовых учреждений от системы платежных сообщений SWIFT российские частные лица могут использовать криптовалюты для осуществления трансграничных платежей.

Потенциальная роль криптовалют как средства осуществления трансграничных расчетов в условиях действия финансовых санкций против России возросла. Действительно криптовалюты потенциально позволяют совершать транзакции без участия какого-либо посредника. Статистика в целом подтверждает эту гипотезу: объемы торговли между рублем и биткоином, а также рублем и Tether резко возросли после объявления западных санкций.

Многие законодатели и регулирующие органы анализируют использование такой возможности. Так, в Европейском Союзе Европейский центральный банк призывает к созданию нормативной базы в сфере криптовалют, намекая на то, что не позволит России обойти экономические санкции¹⁰. При этом дискуссионным остается вопрос о том, является ли уклонение от санкций с помощью криптовалюты реальной возможностью или нет. Инсайдеры и практики криптоиндустрии отрицают такую возможность. Основные аргументы сводятся к тому, что криптоиндустрия слишком мала, поскольку у нее нет достаточной ликвидности для удовлетворения потребностей суверенного государства.

Тем временем Министерство юстиции США сформировало позицию, согласно которой оно будет осуществлять расследование и привлекать к ответственности в судебном порядке частных субъектов и финансовые учреждения, включая криптобиржи, которые помогают россиянам скрывать свои активы от санкций.

Как следствие, некоторые из так называемых анонимных (конфиденциальных) криптовалют, таких как Monero, которые, в отличие от традиционных криптовалют, используют криптографический процесс, гарантирующий, что транзакции не могут быть связаны с владельцами кошельков и не отслеживаются, подверглись большому скачку цен, что объясняется и реакцией рынка на события в криптовалютной индустрии, связанные с западными

санкциями. Кроме того, самый большой рост цен, зарегистрированный в мире криптовалют, произошел с алгоритмическим стейблкоином Terra Luna (UST), привязанным к доллару, цена которого выросла на 114 % с конца февраля до конца марта 2022 г. Будучи алгоритмическим стейблкоином, Terra Luna децентрализована (стейблкоины обычно управляются центральной организацией), и это свойство, судя по всему, в последнее время поддерживается инвесторами.

В условиях экономических, в том числе финансовых, ограничений в России были приняты некоторые меры, направленные на обеспечение возможности использования цифровых финансовых активов, цифровых валют в гражданском обороте и трансграничных отношениях. Так, был принят Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обеспечивающий правовую основу введения и использования цифрового рубля в России. Россия при этом стала одним из немногих государств, запустивших цифровую национальную валюту. Были внесены изменения и в налоговое законодательство, предусматривающие возможность использования счета цифрового рубля. Порядок налогообложения операций по данному счету аналогичен порядку налогообложения операций с банковским счетом, а сам счет цифрового рубля фактически приравнивается к банковскому счету для целей налогового законодательства. При этом важно отметить, что цифровой рубль не является криптовалютой как таковой, поскольку представляет собой цифровую форму российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег.

Федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил возможность использования цифровых прав в качестве средства платежа при осуществлении внешнеэкономической деятельности. Под цифровыми правами понимаются цифровые финансовые активы (ЦФА), утилитарные цифровые права, а также цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права (гибридные цифровые права). Расчеты с

¹⁰ Cryptocurrencies: a way to evade sanctions? // URL: <https://baffi.unibocconi.eu/research-units/mints-alternative-monies/newsletter/issue-0/cryptocurrencies-way-evade-sanctions> (дата обращения: 08.05.2024).

использованием цифровых прав допускаются только между резидентами и нерезидентами, определяемыми в соответствии с валютным законодательством, и исключительно по внешне-торговым сделкам, если такие цифровые права выступают в качестве средства платежа за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, передаваемую информацию и результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них. Расчеты с использованием цифровых прав признаются валютными операциями. Отдельно стоит отметить, что соответствующая валютная операция между резидентом и нерезидентом в контексте законодательства о противодействии отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма подлежит обязательному контролю, если сумма операции по передаче цифровых прав, на которую она совершается, равна или превышает 1 млн руб. или эквивалент такой суммы в иностранной валюте. Операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторы обмена цифровых финансовых активов обязаны передавать информацию о таких операциях в Росфинмониторинг.

Таким образом, хотя цифровые права (включая ЦФА) не являются криптовалютой, в России появилась нормативно определенная возможность трансграничного оборота цифровых прав, что может быть эффективно использовано для целей трансграничных расчетов по внешне-торговым сделкам. Однако важно с помощью выверенной системы гарантий обеспечения цифровых прав повышать доверие к использованию таковых в трансграничных расчетах, в том числе субъектов трансграничной коммерческой деятельности в условиях экономических ограничений, что остается серьезным вызовом. При этом в планах Банка России также использование цифрового рубля в трансграничных расчетах в будущем при взаимодействии с цифровыми валютами центробанков других стран.

22 апреля 2024 г. в Государственную Думу ФС РФ была внесена новая редакция законопроекта № 341257-8 о трансграничных расчетах с использованием криптовалют¹¹. Проект закона позволит Банку России уже с 1 сентября

2024 г. приступить к созданию экспериментальной площадки в обозначенных целях. Предыдущий проект объединял эксперимент по внешним расчетам как в криптовалюте, так и в ЦФА, но позднее ЦФА вынесли в отдельный документ. Этапы и конкретные меры по проведению эксперимента — установлению экспериментального правового режима — ЦБ РФ должен будет согласовывать с Росфинмониторингом, ФСБ России и Минфином России. В новой редакции документа, в частности, уточняются правила проведения операций с цифровыми валютами, в том числе их использования в качестве средства платежа по внешне-торговым сделкам, заключенным между резидентами и нерезидентами. Помимо этого, в тексте проекта говорится о правах и обязанностях органов и агентов валютного контроля. Также вносятся пояснения о правах и обязанностях резидентов и нерезидентов при осуществлении валютных операций с цифровой валютой¹².

В пояснительной записке отмечается, что одной из основных целей законопроекта является устранение запрета на использование криптовалюты как встречного предоставления за товары, работы, услуги.

Еще одним инструментом трансграничных расчетов в современных условиях является неттинг.

Существует несколько способов, с помощью которых компании могут осуществлять неттинг в сфере финансов, но основными методами являются расчетный неттинг, новационный неттинг, многосторонний неттинг и ликвидационный неттинг. Неттинг как зачет встречных обязательств и требований по ценным бумагам и (или) денежным средствам представляет собой метод снижения кредитных, расчетных и других финансовых обязательств по контрактам путем агрегирования (объединения) двух или более обязательств для достижения уменьшенного чистого обязательства. В сфере трансграничных расчетов, помимо неттинга для импортеров (исполнение обязательств без классических расчетов), в ряде случаев могут быть использованы и другие варианты расчетов (факторинг, аккредитивы, договоры цессии и др.).

Помимо этого, в современных условиях разрабатываются различного рода решения,

¹¹ Лузгин А. «Нет самого интересного». Что изменит закон о криптовалюте для ВЭД // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133?from=copyhttps://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133> (дата обращения: 11.05.2024).

¹² Лузгин А. Указ. соч.

которые заслуживают внимания. Так, например, Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования предложена система безопасных расчетов со странами-партнерами на основе распределенного реестра, осуществляющего эмиссию цифровой валюты (стейблкоинов) и учет транзакций с ней. Для гарантирования исполнения обязательств страны-участницы должны сформировать резервный фонд, в котором хранятся «залоговые» активы — золото или обеспеченные этим драгметаллом токены (non-fungible token, NFT)¹³. Стоимость такой единицы цифровой валюты устанавливается исходя из стоимости золота к индикативной валюте (например, доллару или рублю). При этом центральные банки государств — участников системы в рамках предлагаемого подхода должны быть ответственны за эмиссию цифровой валюты по требованию компаний-импортеров с участием местных коммерческих банков. Клиринговый центр может выдавать стране-участнице кредит, номинированный в стейблкоинах, на два года в пределах установленного лимита. Ставки по таким займам могут быть существенно ниже рыночных, также можно вводить беспроцентные периоды. Импортер в рамках системы при посредничестве коммерческого банка приобретает у центрального банка стейблкоины за национальную валюту, после чего кредитная организация проводит процедуру проверки по законодательству в сфере отмыывания и осуществляет этот платеж

в адрес экспортера. Затем стейблкоины автоматически конвертируются местным центробанком в национальную валюту, а средства зачисляются на счет компании в коммерческом банке. При этом необходимо ежемесячно осуществлять неттинг (взаимозачет) сформированных в стейблкоинах активов и обязательств каждого центрального банка — участника системы, чтобы оптимизировать число обращающихся цифровых активов. Кроме того, центральные банки должны ежегодно погашать накопленную чистую задолженность за счет уменьшения взноса в резервный фонд. Центральный банк страны-кредитора может конвертировать принадлежащие ему стейблкоины в права на золото либо в токен.

Таким образом, в современных условиях широкого распространения финансовых ограничений нестандартные инструменты трансграничных расчетов, в том числе построенные на современных информационных технологиях (прежде всего блокчейн-технологиях), дистанционных инструментах, позволяющих оперативно совершать финансовые транзакции одновременно в нескольких странах, играют всё более важную роль в обеспечении устойчивости мировой экономики, а также имеют высокий потенциал развития финансовых правоотношений наряду с банковскими инструментами или дополнительно к классическим банковским инструментам, будучи реализованными в рамках межбанковского взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лузгин А. «Нет самого интересного». Что изменит закон о криптовалюте для ВЭД // URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133?from=copyhttps://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133> (дата обращения: 11.05.2024).

Солнцев О. Эксперты предложили систему безопасных расчетов со странами-партнерами // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/04/03/1029522-eksperti-predlozhili-sistemu-bezopasnih-raschetov-so-stranami-partnerami> (дата обращения: 11.05.2024).

Cameron S. Legal Aspects of Cross Border Transactions: Trends, Challenges and Opportunities // URL: https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/blog/wp-content/uploads/sites/14/2016/10/Trends-in-cross-border_Report.pdf (дата обращения: 05.05.2024).

Drott C., Goldbach S., Nitsch V. The effects of sanctions on Russian banks in TARGET2 transactions data // Journal of Economic Behavior & Organization. 2024. Vol. 219. P. 38–51. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268123004651> (дата обращения: 08.05.2024).

¹³ См.: Солнцев О. Эксперты предложили систему безопасных расчетов со странами-партнерами // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/04/03/1029522-eksperti-predlozhili-sistemu-bezopasnih-raschetov-so-stranami-partnerami> (дата обращения: 11.05.2024).

REFERENCES

Cameron S. Legal Aspects of Cross Border Transactions: Trends, Challenges and Opportunities. Available at: https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/blog/wp-content/uploads/sites/14/2016/10/Trends-in-cross-border_Report.pdf (Accessed: 05.05.2024).

Drott C, Goldbach S, Nitsch V. The effects of sanctions on Russian banks in TARGET2 transactions data. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2024;219:38-51. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268123004651> (Accessed: 08.05.2024).

Luzgin A. «The most interesting thing does not exist». What will change the law on cryptocurrency for foreign economic activity? Available at: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133?from=copyhttps://www.rbc.ru/crypto/news/66293ac09a79474a6f79a133> (Accessed: 11.05.2024). (In Russ.).

Solntsev O. Experts proposed a system of safe settlements with partner countries. Available at: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/04/03/1029522-eksperti-predlozhili-sistemu-bezopasnih-raschetov-so-stranami-partnerami> (Accessed: 11.05.2024). (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шахназаров Бениамин Александрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
bashahnazarov@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Beniamin A. Shakhnazarov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Private International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
bashahnazarov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 7 июня 2024 г.

Статья получена после рецензирования 9 июня 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 07.06.2024.

Revised 09.06.2024.

Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.050-058

А. В. ЛатынцевНаучно-исследовательский институт
правовых экспертиз и комплексных исследований
г. Москва, Российская Федерация

Соотношение правовых институтов патентного права и регулирования обращения лекарственных средств

Резюме. Фармацевтика — одна из сфер, где патентная охрана результатов интеллектуальной деятельности наиболее востребована и получила наибольшее развитие, что обусловлено спецификой отрасли, но патентное право и правовое регулирование обращения лекарственных средств развиваются фактически параллельно, что вызывает множество вопросов на практике. В статье рассмотрена проблема нескоординированности данных областей права, в частности по вопросам терминологии, конкретизированы точки пересечения установленных в них правовых механизмов. Рассмотрены особенности пролонгации патентной защиты в отношении изобретения, относящегося к лекарственному средству как к продукту, а также взаимосвязи данной пролонгации с государственной регистрацией соответствующего лекарства. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам о целесообразности введения в российскую правовую систему распространенного в зарубежном праве инструментария так называемой патентной увязки и положений Болар при регулировании оборота лекарственных средств. Представлены также разработанные на основании анализа судебной практики, иностранного и отечественного опыта поиска правового компромисса между интересами дженериковых компаний и патентообладателей — производителей оригинальных лекарственных препаратов предложения по внесению соответствующих изменений в российское право.

Ключевые слова: патенты; результаты интеллектуальной деятельности; лекарственные средства; регистрация лекарственных препаратов; патентная увязка; положения Болар; регистрация патента; фармацевтика

Для цитирования: Латынцев А. В. Соотношение правовых институтов патентного права и регулирования обращения лекарственных средств. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 50–58. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.050-058

Correlation between Legal Institutions of Patent Law and Regulation of Medicinal Products Circulation

Alexander V. LatyntsevResearch Institute for Legal Expertise
and Comprehensive Research
Moscow, Russian Federation

Abstract. Due to the specifics of the industry, pharmaceuticals belongs to one of the areas where patent protection of the results of intellectual activity is most in demand and has received the greatest development. However, patent law and legal regulation of the circulation of medicines are developing in fact in parallel, which raises many questions in practice. The paper examines the problems of incoordination of these areas of law, in particular on issues of terminology, specifies the points of intersection between the legal mechanisms established in them. The author elucidates the features of prolongation of patent protection of the invention relating to the drug as a product, as well as the relationship of this prolongation with the state registration of

© Латынцев А. В., 2025

the drug under consideration. Particular attention is paid to discussion issues on the advisability of introducing into the Russian legal system the so-called patent linkage and the Bolar provisions in the legal regulation of the circulation of medicines commonly applied in foreign law. The author makes proposals on the basis of an analysis of judicial practice, foreign and domestic experience in finding a legal compromise between the interests of generic companies and patent holders — manufacturers of original drugs — to facilitate appropriate changes to Russian law.

Keywords: patents; results of intellectual activity; medicinal products; registration of medicinal products; patent linkage; Bolar provisions; patent registration; pharmaceuticals; patent linkage

Cite as: Latyntsev AV. Correlation between Legal Institutions of Patent Law and Regulation of Medicinal Products Circulation. *Lex russica*. 2025;78(1):50-58. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.050-058

Введение

Фармацевтика относится к сферам, где патентная охрана результатов интеллектуальной деятельности наиболее востребована и получила наибольшее развитие, что обусловлено спецификой отрасли, но патентное право и правовое регулирование обращения лекарственных средств развиваются фактически параллельно, что вызывает множество вопросов на практике.

По результатам анализа правового регулирования в фармацевтической сфере С. А. Сеницын приходит к обоснованному выводу о нескоординированности в российской правовой системе концепции Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее — Закон о лекарственном обороте) и законодательства о защите интеллектуальной собственности¹.

Основные особенности правоотношений по вопросам интеллектуальной собственности в фармацевтической сфере связаны со спецификой коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности, имеющих отношение к лекарственным препаратам для медицинского применения, обусловленной высокой социальной значимостью данной продукции и ее влиянием на обеспечение охраны здоровья. Это, в частности:

1) тщательное (одно из наиболее подробных во всей правовой системе и во многом громоздкое) регулирование процедур подтверждения безопасности, эффективности и качества лекарственных препаратов, предшествующих и необходимых для их регистрации. При этом соблюдение всех установленных процедур (доклинических и клинических исследований, экспертизы качества, эффективности и безопасности и др.), необходимых для регистра-

ции оригинального лекарственного препарата, требует больших материальных и временных затрат (обычно несколько лет);

2) требования по лицензированию производства лекарственных средств и фармацевтической деятельности (гл. 4 Закона о лекарственном обороте и ст. 8 Федерального закона от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности») с периодическим подтверждением лицензиатом соответствия установленным требованиям.

Отдельного внимания заслуживают затраты участников фармацевтического рынка, необходимые для соблюдения правил надлежащих практик: производственной (Good Manufacturing Practices), лабораторной (Good Laboratory Practice), клинической (Good Clinical Practice), хранения и перевозки медицинских лекарственных препаратов и др.

Необходимость соблюдения всех установленных процедур, предшествующих выходу лекарства на рынок, их существенная продолжительность и соответствующие большие инвестиционные затраты обычно являются основанием для закрепления в национальных правовых системах, в том числе в Российской Федерации, дополнительных механизмов защиты интересов патентообладателей в данной сфере. При этом в контексте осуществления интеллектуальных прав фармацевтическая сфера заслуживает повышенного внимания не только в качестве одной из наиболее востребованных патентообладателями и наиболее проработанных с практической точки зрения, а главным образом в свете высокой социальной значимости инновационного лекарственного обеспечения.

Бесспорно, применение патентования в качестве правовых механизмов защиты интересов инвесторов является одним из факто-

¹ Сеницын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы / ИЗИСП при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2022. С. 290.

ров повышения инвестиционной активности при разработке новых, потенциально широко востребованных лекарств, спрос на которые обычно неэластичен, и поэтому потенциальный рынок весьма привлекателен для фармацевтических компаний. Но также нельзя отрицать, что механизмы патентной монополии для максимизации прибыли могут применяться игроками фармацевтического рынка в ущерб общественным интересам, для поддержания монопольных, необоснованно завышенных цен, а также в борьбе с конкурентами, что может приводить к снижению возможно максимальной доступности лекарственных средств и ограничению конкурентного развития новых технологий.

С учетом вышеизложенного правовое регулирование фармацевтической сферы во взаимосвязи с патентным правом заслуживает повышенного внимания, особенно в контексте поиска баланса частных и публичных интересов, а именно интересов патентообладателей с одной стороны, государственных регистрирующих и контролирующих органов — с другой и, конечно, потребителей (пациентов, нуждающихся в инновационном лекарственном обеспечении) — с третьей.

О нескоординированности патентного права и правового регулирования обращения лекарственных средств

В первую очередь можно обратить внимание на различие используемой терминологии в патентном праве и в Законе о лекарственном обороте. Так, в силу п. 26.1 ст. 4 Закона о лекарственном обороте разработчиком лекарственного средства признается не изобретатель, а держатель или владелец регистрационного удостоверения. При этом согласно терминологии, закрепленной в Законе о лекарственном обороте, лекарственный препарат является частным случаем лекарственного средства, т.е. «лекарственные средства» — это родовое понятие, включающее в себя как фармацевтические субстанции, так и лекарственные препараты².

Закон о лекарственном обороте разделяет оригинальные и воспроизведенные лекарственные препараты. При этом в оригинальном препарате могут и не применяться результаты

интеллектуальной деятельности, охраняемые патентом (патентами).

С точки зрения Закона о лекарственном обороте, отраженной в п. 10.1 ст. 4, для отнесения препарата к данному виду значение имеет:

1) наличие в нем нового действующего вещества;

2) его первенство при регистрации (при это не имеет значения, в России либо за рубежом).

Более того, исходя из контекста данного Закона, основной акцент делается именно на первенстве регистрации, являющейся подтверждением соблюдения требований к безопасности, качеству и эффективности лекарственного препарата.

Закрепление в рассматриваемой правовой норме Закона о лекарственном обороте критерия новизны действующего вещества позволяет проводить определенные параллели с патентным правом, а с учетом того, что новые вещества в фармацевтике в подавляющем большинстве патентуются, то во многих научных и практических работах часто отождествляются понятия «оригинальный лекарственный препарат» и «лекарственный препарат, в котором использованы запатентованные изобретения». Несмотря на теоретические различия (например, наличие нового вещества в оригинальном препарате не означает автоматическое наличие патента на него), с практической точки зрения такое отождествление в большинстве случаев оправданно.

Оригинальный лекарственный препарат обычно также является референтным лекарственным препаратом для медицинского применения, хотя пункт 11 ст. 4 Закона о лекарственном обороте допускает наличие ситуаций, когда воспроизведенный или биоаналоговый (биоподобный) лекарственный препарат при соблюдении указанных в Законе условий может быть признан референтным, если оригинальный препарат не зарегистрирован или не находится в обороте. Воспроизведенный лекарственный препарат может быть признан как референтным, так и эквивалентным референтному.

В свою очередь, с учетом закрепленного в п. 12 ст. 4 Закона о лекарственном обороте для воспроизведенных лекарственных препаратов критерия эквивалентности референтному препарату можно отождествить понятия «вос-

² Сергеев Ю. Д., Мохов А. А., Мохова И. Н. Референтный лекарственный препарат как новая категория законодательства об обращении лекарственных средств // Медицинское право. 2016. № 3. С. 3–6.

произведенные лекарственные препараты» и «лекарственные препараты, в которых применяются вещества (их композиции и т.п.) с истекшим сроком патентной охраны». Конечно, данное отождествление может быть подвергнуто критике с точки зрения неполной совместимости по всем теоретическим параметрам, но с практической точки зрения данное отождествление также вполне оправданно.

В научной и научно-практической литературе (в том числе юридической) вместо терминов «воспроизведенный лекарственный препарат» или «биоаналог» достаточно часто используется заимствованный из зарубежных источников термин «дженерик» (также используются термины-аналоги: «дженерический препарат», «генерик», «генерический препарат» и т.п.), под которым обычно понимается лекарственный препарат, идентичный или биоэквивалентный по отношению к оригинальному препарату³.

Ю. Д. Сергеев и А. А. Мохов обращают внимание на то, что словосочетания «референтный лекарственный препарат» и «оригинальный лекарственный препарат» до 1 января 2016 г. использовались как синонимичные⁴.

Можно также отметить, что в ранее действовавшем Федеральном законе от 22.06.1998 № 86-ФЗ «О лекарственных средствах» были закреплены определения оригинальных и воспроизведенных лекарственных средств с указанием на их патентоспособность⁵. Так, воспроизведенными считались лекарственные средства, поступившие в обращение после истечения срока действия исключительных патентных прав на оригинальные лекарственные средства. Также был закреплен термин «патентованные лекарственные средства», под которыми понимались лекарства, право на производство и продажу которых охранялось гражданским законодательством. С вступлением в силу Закона о лекарственном обороте действовавшая ранее достаточно жесткая патентная увязка при правовом регулировании фармацевтической сферы была существенно ослаблена.

О введении патентной увязки при правовом регулировании оборота лекарственных средств

Закон о лекарственном обороте разделяет термин «государственная регистрация» в отношении соответствующей процедуры, регулируемой данным нормативным правовым актом, и термин «регистрация» в случае ее регламентации международными договорами и актами ЕАЭС. В статье для терминологической оптимизации без ущерба для проводимого анализа исследуемых правовых механизмов термин «регистрация» может в зависимости от контекста подразумевать государственную регистрацию и/или регистрацию в понимании Закона о лекарственном обороте или вышеуказанных международных актов.

В направлении координации и гармонизации правового инструментария патентного права и законодательства об обороте лекарственных средств в отечественной и зарубежной научной литературе часто рассматриваются варианты применения правовых механизмов патентной увязки (patent linkage). Данная взаимосвязь, например, может включать возложение на регистрирующие лекарственные препараты государственные органы обязанностей по проверке отсутствия нарушения патентных прав⁶.

Можно условно выделить три основных вида патентной увязки:

- 1) «мягкая» патентная увязка, представляющая собой только уведомление патентообладателей о подаче заявок о регистрации дженерических версий их оригинальных лекарственных препаратов;
- 2) «средняя» патентная увязка — с установлением запрета на регистрацию дженерика на весь период действия патента на оригинальное лекарство;
- 3) «жесткая» патентная увязка, при которой устанавливается запрет на рассмотрение даже заявок на регистрацию дженерика в течение всего периода действия патента⁷.

³ Цомартова Ф. В. Государственные гарантии доступности лекарственных средств в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 161–170.

⁴ Сергеев Ю. Д., Мохов А. А., Мохова И. Н. Указ. соч.

⁵ Санникова Л. В., Харитонова Ю. С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 1. С. 121–145.

⁶ Цомартова Ф. В. Указ. соч.

⁷ Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / О. В. Гут-

Вопросы целесообразности внедрения различных форм патентной увязки в российской правовой системе анализируют в своих работах многие исследователи права⁸. Так, О. В. Гутников отмечает, что в нашей стране известный зарубежным правовым порядкам институт патентной увязки при выпуске в обращение лекарств только начинает внедряться. При этом его полноценное внедрение в российское законодательство требует тщательной проработки с учетом действующих норм на уровне как Российской Федерации, так и ЕАЭС⁹.

По результатам исследований соответствующих положений зарубежного права Ф. В. Цомартова выявила, что в европейских странах патентная увязка последовательно не признается, а в США наблюдается смягчение режима правовой взаимосвязи между регистрацией лекарственного препарата и статусом патента. С учетом изложенного Ф. В. Цомартова приходит к обоснованному выводу, что введение патентной увязки в отечественной правовой системе несвоевременно и нецелесообразно, т.к. исключительные права патентообладателей могут быть обеспечены в судебном порядке¹⁰.

Соглашаясь с данной позицией, можно отметить, что *обременять и без того весьма громоздкую и одну из наиболее административно зарегулированных систем регистрации лекарственных препаратов необходимостью соблюдения и подтверждения прав интеллектуальной собственности нецелесообразно*, т.к. это может привести к еще большему затягиванию соответствующих административных процедур и, как следствие, к еще большей отсрочке выхода на рынок востребованных лекарств.

Согласно п. 7 ст. 32 Закона о лекарственном обороте судебное решение о нарушении интеллектуальных прав является основанием для отмены государственной регистрации лекарственного препарата. Таким образом, в российском законодательстве закреплена *правовой механизм оспоримости государственной регистрации лекарственного препарата при нарушении прав патентообладателя*.

Данного правового механизма оспоримости государственной регистрации лекарственных препаратов при нарушении прав патентообладателей (в первую очередь по их инициативе) достаточно для обеспечения гарантий их интересов, тем более что законодательством предусмотрены меры оперативного реагирования по ограничению и изъятию из оборота контрафактной продукции, а также иные дополнительные меры правовой защиты интересов правообладателей. При этом необходимы меры по усовершенствованию данного правового инструментария.

На взгляд автора, для российской правовой системы в настоящее время *наиболее целесообразен «мягкий» вариант патентной увязки*, не обременяющий обе вышеуказанные правовые системы (патентную и административно-разрешительную) не свойственными им функциями, но при этом помогающий в обеспечении гарантий как частных прав патентообладателей, так и публичных прав на доступность качественных, безопасных и эффективных лекарств.

В «мягком» варианте патентной увязки предлагается:

1) отказаться от возложения на регистрирующие государственные органы несвойственных им функций, в частности по проверке отсутствия нарушения патентных прав — на Министерство здравоохранения РФ и по проверке наличия регистрации лекарственных препаратов — на Роспатент соответственно;

2) ограничиться обязательностью публикации всех заявлений на государственную регистрацию лекарственных препаратов на соответствующем специализированном официальном информационном ресурсе (портале), что позволит заинтересованным лицам самостоятельно отслеживать потенциальные риски нарушений принадлежащих им интеллектуальных прав и оперативно реагировать по их усмотрению в рамках реализации правовых механизмов оспоримости государственной регистрации лекарственных препаратов при подтверждении данных нарушений.

ников, С. А. Сеницын, А. А. Аюрова, Ф. В. Цомартова ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Сеницын. М. : ИЗИСП, Контракт, 2019.

⁸ Право граждан на лекарственное обеспечение : монография / Н. В. Путило, Н. С. Волкова, Ф. В. Цомартова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Путило. М. : ИЗИСП, Контракт, 2017.

⁹ Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах.

¹⁰ Цомартова Ф. В. Указ. соч.

Особенности пролонгации исключительного права на изобретения в отношении зарегистрированных лекарственных препаратов

Предусмотренный статьей 1363 ГК РФ правовой институт пролонгации патента на изобретение, относящегося к лекарственному средству как к продукту, непосредственно связан с государственной регистрацией соответствующего лекарства. Более того, в научной доктрине обычно необходимость данной пролонгации объясняется невозможностью реализации правообладателем своих исключительных прав в полном объеме в связи с необходимостью соблюдения долговременных и дорогостоящих обязательных процедур (доклинических, клинических и иных исследований, государственной регистрации и т.п.), предшествующих и необходимых для государственной регистрации лекарственных препаратов.

Устанавливая общий 20-летний срок действия исключительных прав на изобретение, статья 1363 ГК РФ предусматривает возможность его пролонгации до пяти лет, если запатентованным продуктом является лекарственное средство, пестицид или агрохимикат при соблюдении, в частности, следующих условий:

1) для применения запатентованного продукта требуется получение разрешений в порядке, установленном действующим законодательством;

2) с даты подачи заявки на выдачу патента до даты получения первого данного разрешения прошло более пяти лет. Для лекарственного препарата датой рассматриваемого разрешения является указанная в регистрационном удостоверении лекарственного препарата дата его регистрации. Высший Арбитражный Суд РФ в решении от 01.11.2012 № ВАС-3927/12 обращал внимание на то, что только первому разрешению на применение изобретения придается правовое значение, т.к. именно с даты его получения патентообладатель вправе осуществлять исключительное право тем способом, который он выбрал по своему усмотрению¹¹;

3) формула изобретения, в отношении которого запрашивается дополнительный срок патентной защиты, должна содержать совокуп-

ность признаков, характеризующую продукт, на применение которого получено разрешение;

4) патентообладателем подано в период действия патента заявление о его продлении в срок не позднее шести месяцев с даты получения первого разрешения на применение продукта или с даты выдачи патента (учитывается срок, который истекает позднее);

5) в случае получения предусмотренного законом запроса патентообладатель в течение трех месяцев с даты его получения должен представить дополнительные запрошенные материалы либо ходатайство о продлении данного срока (срок представления допматериалов может быть продлен уполномоченным государственным органом до 10 месяцев).

При соблюдении всех вышеперечисленных условий патентообладателем по его заявлению действие исключительного права на данный запатентованный результат интеллектуальной деятельности подлежит пролонгации на срок до пяти лет, а именно в пределах данного срока на период с даты подачи заявки на выдачу патента до дня получения первого разрешения на применение продукта, за вычетом пяти лет.

Можно отметить, что, кроме лекарственных средств, возможности пролонгации патентной охраны для других патентуемых объектов сферы здравоохранения (например, изобретений, применяемых в медицинских изделиях, или иной продукции для охраны здоровья) действующее российское законодательство не предусматривает. При этом даже если объектом патентной охраны является изобретение, связанное с применением лекарственного средства (способ, механизм, устройство для его применения), то пролонгация срока действия патента на данное изобретение российским правом также не предусмотрена, в отличие, например, от ст. L611-3 Кодекса Франции об интеллектуальной собственности¹², согласно которой владелец патента на изобретение, предметом которого являются лекарство, способ получения лекарства, продукт, необходимый для получения этого лекарства, или процесс производства такого продукта, когда они используются для производства фармацевтического препарата, подлежащего регистрации

¹¹ Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калятин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Норма, 2014.

¹² URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069414/LEGISCTA000006179050/?anchor=LEGIARTI000041573176#LEGIARTI000041573176 (дата обращения: 24.06.2024).

в соответствии со ст. L.601 или L.617-1 Кодекса Франции об общественном здравоохранении, может при соблюдении требований действующего законодательства получить свидетельство о дополнительной охране в отношении тех частей патента, которые соответствуют этой регистрации.

В силу п. 2 ст. 1363 ГК РФ патентная охрана может быть продлена, только если формула изобретения в дополнительном патенте содержит совокупность признаков, характеризующую продукт, на применение которого получено разрешение. Таким образом, дополнительный патент должен содержать *новую, за частую усеченную по сравнению с первоначальной формулу изобретений, соответствующую зарегистрированному лекарственному препарату*, т.е. удостоверить исключительные права в отношении нового объекта патентной защиты — конкретного продукта, на применение которого получено первое разрешение.

Как отмечает О. В. Гутников, данное уточнение в отношении формулы изобретения в дополнительном патенте было введено в ГК РФ в 2014 г. с целью уменьшения риска злоупотреблений со стороны патентообладателей по получению патентной защиты целиком на изобретение, безотносительно к тому, касалось ли регистрационное удостоверение на лекарственный препарат всех компонентов изобретения или только их части. Соответственно, были лишены права на пролонгацию патенты в части, не относящейся к действующим веществам, в связи с использованием которых произведена регистрация лекарственного препарата¹³.

Таким образом, после вступления в силу в 2015 г. изменений российского законодательства исключительное право может быть продлено только на определенное соединение или композицию с доказанной клинической эффективностью и безопасностью, в отношении которых было осуществлена государственная регистрация или регистрация лекарственного препарата.

К вопросу о применении положений Болар в российской правовой системе

В качестве отдельного правового механизма, направленного на достижение баланса интересов патентообладателей и дженериковых компаний, необходимо рассмотреть применение правовых подходов, формирующих концепцию (положения) Болар. При этом нужно учитывать, что интересы дженериковых компаний во многом совпадают с публичными интересами в сфере обеспечения лекарственной доступности, т.к. дженерики обычно намного дешевле оригинальных лекарственных препаратов, поэтому национальные системы здравоохранения обычно заинтересованы в скорейшем выходе на их рынки дженериковых аналогов.

Многие правовые вопросы по подготовке дженериковых компаний к выводу на рынок своей продукции, в которой используются изобретения, связанные с патентами с истекающими сроками действия, обычно принято соотносить с положениями Болар, получившими наименование в честь одного из участников процесса (дженериковой компании) в американском суде (дело Roche Products Inc. v. Bolar Pharmaceutical Co.). Суть судебного спора состояла в решении вопроса, являются ли нарушением патентных прав действия дженериковой компании, направленные на подготовку к выводу на рынок ее продукции, в которой используется изобретение, исключительные права на которое принадлежат патентообладателю¹⁴.

А. С. Ворожевич подчеркивает, что, несмотря на внедрение положений Болар, в США регистрация дженерика не происходит в течение срока действия соответствующего патента. Производители дженериков вправе только подать заявку на их регистрацию, но решение по ней не принимается, пока действует патент¹⁵.

Подобные положения были закреплены в пункте 6 ст. 10 Директивы Европейского Союза № 2004/27/ЕС, в силу которого не является нарушением патентных прав проведение исследований в отношении лекарств, в которых используются защищенные действующими

¹³ Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах.

¹⁴ Залесов А. В. Защита от косвенного нарушения патента: регулирование маркировки лекарственных средств в праве США // Патенты и лицензии. 2022. № 1. С. 48–56.

¹⁵ Ворожевич А. С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты : монография. М. : Статут, 2020.

патентами результаты интеллектуальной деятельности¹⁶.

В российской правовой системе данные правила, входящие в концепцию Болар, частично отражены в п. 2 статьи 1359 ГК РФ, в частности, не признающей нарушением прав патентообладателя осуществление научных исследований в отношении запатентованного результата интеллектуальной деятельности.

В отсутствие соответствующей детализации в российском законодательстве наибольшие споры вызывает, в частности, возможность регистрации лекарственного препарата до истечения срока действия патентной охраны соответствующего изобретения. Российская судебная практика по данному вопросу достаточно противоречива, но большое количество решений принимается в духе концепции Болар. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 16.06.2009 № 2578/09 пришел к выводу, что подача документов для получения разрешения с целью использования изобретения после истечения срока действия патента *не нарушает исключительных прав, т.к. данные действия не являются использованием* и могут быть квалифицированы только как подготовка к использованию этого препарата. В то же время суд посчитал нарушением исключительных прав изготовление продукта с целью его последующей продажи до истечения данного периода. Подобное мнение было также изложено в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.01.2012 № 11025/11.

Заключение

С учетом вышеизложенного можно признать целесообразным дополнение ст. 1359 ГК РФ нормами, соответствующими концепции Болар, в частности, закрепляющими, что не следует признавать нарушением прав патентообладателя осуществление подготовительных и иных действий, необходимых для регистрации лекарственного препарата. Подобные положения уже закреплены во многих зарубежных правовых системах¹⁷.

Кроме того, представляется целесообразным внедрение в российскую правовую систему возможности государственной регистрации дженерика *с отложенным вводом его в гражданский оборот* после истечения срока действия соответствующего патента. В этих случаях будет возможна государственная регистрация, но без права реализации соответствующего дженерикового лекарственного препарата в период действия патента¹⁸.

При введении данного варианта регистрации за заявителем при подаче заявления на регистрацию лекарственного препарата целесообразно закрепить обязанность декларирования отказа от продажи соответствующего лекарства до истечения срока действия патента. При этом после регистрации дженерикового лекарственного препарата с отложенным вводом его в гражданский оборот заявителю может быть предоставлено право налаживания его производства, контроля качества, хранения и т.п. (без права продажи либо иного распространения), а также осуществления маркетинговых, информационных, предварительных рекламных и иных действий, предшествующих выходу продукции на рынок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ворожевич А. С. Защита исключительных прав на патентоохраняемые объекты : монография. М. : Статут, 2020. 179 с.

Залесов А. В. Защита от косвенного нарушения патента: регулирование маркировки лекарственных средств в праве США // Патенты и лицензии. 2022. № 1. С. 48–56.

Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах: проблемы правового регулирования и направления совершенствования законодательства : монография / О. В. Гутников, С. А. Синицын, А. А. Аюрова, Ф. В. Цомартова ; отв. ред. О. В. Гутников, С. А. Синицын. М. : ИЗиСП, Контракт, 2019.

Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калютин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова [и др.] ; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М. : Норма, 2014. 480 с.

¹⁶ URL: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-I/dir_2004_27/dir_2004_27_en.pdf (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁷ Пиличева А. В. Лекарственные средства как объекты патентных прав. М. : Инфотропик Медиа, 2016.

¹⁸ Защита исключительных прав на изобретения, используемые в лекарственных препаратах.

- Пиличева А. В. Лекарственные средства как объекты патентных прав. М. : Инфотропик Медиа, 2016. 184 с.
- Право граждан на лекарственное обеспечение : монография / Н. В. Путило, Н. С. Волкова, Ф. В. Цомартова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Путило. М. : ИЗиСП, Контракт, 2017. 216 с.
- Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Защита прав патентообладателей при коллизии патентов на лекарственные препараты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 1. С. 121–145.
- Сергеев Ю. Д., Мохов А. А., Мохова И. Н. Референтный лекарственный препарат как новая категория законодательства об обращении лекарственных средств // Медицинское право. 2016. № 3. С. 3–6.
- Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы / ИЗиСП при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 416 с.
- Цомартова Ф. В. Государственные гарантии доступности лекарственных средств в России и за рубежом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 161–170.

REFERENCES

- Gutnikov OV, Sinitsyn SA, Ayurova AA, Tsomartova FV. Gutnikov OV, Sinitsyn SA (eds.). Protection of exclusive rights to inventions used in medicines: problems of legal regulation and directions for improving legislation: monograph. Moscow: IZiSP Publ.; Kontrakt Publ.; 2019. (In Russ.).
- Kalyatin OV, Murzin DV, Novoselova LA, et al. Novoselova LA (ed.). Scientific and practical commentary on judicial practice in the field of protection of intellectual rights. Moscow: Norma Publ., 2014. (In Russ.).
- Pilicheva AV. Medicines as objects of patent rights. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2016. (In Russ.).
- Putilo NV, Volkova NS, Tsomartova FV, et al. Putilo NV (ed.). Citizens' right to drug provision. Moscow: IZiSP Publ.; Kontrakt Publ.; 2017. (In Russ.).
- Sannikova LV, Kharitonova YuS. Protection of Patent Holders' Rights under a Conflict of Drug Patents. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;1:121-145. (In Russ.).
- Sergeev YuD, Mokhov AA, Mokhova IN. Reference Medicine as a New Category of Legislation on Medicine Circulation. *Medical Law*. 2016;3:3-6. (In Russ.).
- Sinitsyn SA. Comparative patent law: current problems. IZiSP under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2022. (In Russ.).
- Tsomartova FV. State guarantees of availability of drugs in Russia and abroad. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;4:161-170. (In Russ.).
- Vorozhevich AS. Protection of exclusive rights to patented objects: monograph. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
- Zalesov AV. Enforcement against Indirect Patent Infringement: Regulation of Drug Labeling in US. *Patents and Licenses*. 2022;1:48-56. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований д. 11, стр. 1, Новый Арбат ул., г. Москва 119019, Российская Федерация
alatyntsev@niilex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Head of the Research Institute for Legal Expertise and Comprehensive Research, Moscow, Russian Federation
alatyntsev@niilex.ru

Материал поступил в редакцию 13 июля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 25 октября 2024 г.
Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 13.07.2024.
Revised 25.10.2024.
Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.059-070

А. Я. Ахмедов
Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Идеология оспаривания брачного договора

Резюме. В статье исследована возможность применения к имущественным и личным отношениям супругов положений о договоре простого товарищества. Автор присоединяется к сторонникам договорной природы брака, при этом осознавая слабые места этого подхода и то, что отношения супругов не ограничиваются товарищеским соглашением. Тем не менее на основании сравнительно-правового анализа регулирования отношений сторон договора простого товарищества и отношений супругов удается продемонстрировать принципиальное сходство подходов законодателя к их нормативному правовому регулированию. Супруги, так же как стороны договора простого товарищества, имеют общую цель, объединяют вклады, вместе несут общие расходы, делят между собой прибыль, становятся сособственниками приобретенного в браке имущества. Отношениям супругов присущ доверительный характер, каждый из супругов вправе распоряжаться общим имуществом, порождать правовые последствия для другого супруга.

В связи с обозначенным сходством нормативного правового регулирования отношений из договора простого товарищества и отношений супругов предпринята попытка обосновать недействительность и прекращение брачного договора, а также допустимость заключения супругами договора дарения на основании положений о договоре простого товарищества. Так, оспоримость брачного договора, содержащего условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, объясняется не только принципами справедливости и равенства супругов, но и запретом «львиных товариществ». Брачный договор, выступая соглашением, изменяющим диспозитивное регулирование товарищеского соглашения супругов, прекращается с расторжением договора супругами и не распространяется на вновь заключенные браки между этими же лицами.

Ключевые слова: заключение брака; договор простого товарищества; брачный договор; распорядительная сделка; недействительность брачного договора; непротивопоставимость брачного договора кредиторам; условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение; львиное товарищество; дарение между супругами

Для цитирования: Ахмедов А. Я. Идеология оспаривания брачного договора. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 59–70. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.059-070

The Ideology of Challenging a Marriage Contract

Arsen Ya. Akhmedov
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper investigated the possibility of applying provisions of a simple partnership contract to the property and personal relations of spouses. The author joins supporters of the contractual nature of marriage, while realizing the weaknesses of this approach and that relationships between the spouses is not limited to an amicable agreement. Nevertheless, on the basis of a comparative legal analysis of the regulation of relations between the parties to a simple partnership agreement and the relations of spouses, it is possible to demonstrate the fundamental similarity of the legislator's approaches to their normative regulation. Spouses, just like the parties to a partnership agreement, have a common goal, combine deposits, bear common expenses, share profits, and become co-owners of property acquired in marriage. The relationship between the spouses is of a

© Ахмедов А. Я., 2025

trusting nature, each of the spouses has the right to dispose of common property, to establish legal consequences for the other spouse.

In connection with the indicated similarity of the normative regulation of relations under the contract of a simple partnership and relations between spouses, the author endeavored to justify the invalidity and termination of the marriage contract, as well as admissibility of the spouses concluding a gift agreement on the basis of the provisions regulating the contract of a simple partnership. Thus, the contestability of a marriage contract containing conditions that put one of the spouses in an extremely unfavorable position is explained not only by the principles of justice and equality of spouses, but also by the prohibition of «leonine partnerships.» The nuptial agreement, acting as an agreement changing the dispositive regulation of the matrimonial agreement of the spouses, terminates when the spouses terminate the agreement and does not apply to newly concluded marriages between the same persons.

Keywords: marriage celebration; simple partnership agreement; nuptial agreement; dispositive transaction; invalidity of the marriage contract; non-opposability of the marriage contract to creditors; conditions that put one spouse in an extremely unfavorable position; leonine partnership; gift between spouses

Cite as: Akhmedov AYа. The Ideology of Challenging a Marriage Contract. *Lex russica*. 2025;78(1):59-70. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.059-070

Введение

Статья 40 СК РФ определяет, что брачным договором признается соглашение вступающих в брак лиц или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Брачный договор представляет собой договор, включающий обязательственный и распорядительный элементы. В связи с тем, что одним из главных последствий квалификации юридического факта как сделки является возможность признания его недействительным, т.к. правила о недействительности сделок — значительная и значимая часть норм о сделках, вызывают интерес регулирование недействительности брачного договора законом и практика его применения.

Зачастую брачный договор определяет лишь принадлежность имущества в браке и в случае его расторжения, т.е. представляет собой распорядительную сделку — сделку, оформляющую передачу прав на объекты от одного лица другому¹. Условием действительности распорядительных сделок, помимо четырех известных условий действительности обязывающих сделок, является наличие распорядительной власти у лица, выражающего волю на распоряжение (в случае с брачным договором — у лиц, т.к. распоряжаются общим имуществом оба супруга).

В соответствии со ст. 4 СК РФ к отношениям между членами семьи, не урегулированным

семейным законодательством, если это не противоречит существу семейных отношений, применяется гражданское законодательство. Очевидно, что основания недействительности сделок, предусмотренные статьями 168–179 ГК РФ, применимы к брачному договору. Несмотря на это, согласно п. 1 ст. 44 СК РФ брачный договор может быть признан недействительным по основаниям, предусмотренным ГК РФ. При этом показательно, что брачный договор может быть признан недействительной сделкой по банкротным основаниям, хотя СК РФ прямо и не предусмотрел возможность оспаривания брачного договора на основании Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Согласно п. 2 ст. 44 СК РФ суд может признать брачный договор недействительным по требованию одного из супругов, если его условия ставят в крайне неблагоприятное положение этого супруга. Условия брачного договора, нарушающие другие требования п. 3 ст. 42 СК РФ, ничтожны. При этом невозможно не отметить того, что вопросу недействительности брачного договора уделяется крайне мало внимания в юридической литературе. Не изучены на должном уровне не только специальные семейно-правовые основания недействительности брачного договора, но и особенности применения к брачному договору общих гражданско-правовых оснований недействительности сделок.

Таким образом, СК РФ предусматривает ряд оснований ничтожности брачного договора, а

¹ Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.

также одно основание его оспоримости. Единственным основанием оспоримости брачного договора является крайне неблагоприятное положение, в которое ставят одного из супругов условия брачного договора. Правовые последствия брачного договора как распорядительной сделки могут наступить через десятки лет после его заключения. В связи с этим актуальным становится ex post контроль справедливости условий брачного договора. Представляется, что именно для этой цели в п. 3 ст. 42 СК РФ предусмотрен запрет на включение в брачный договор условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Выглядевшее справедливым условие брачного договора о том, что нажитое в браке имущество в случае расторжения брака будет принадлежать тому из супругов, на имя которого оно оформлено, может приводить к очевидно несправедливому распределению общего имущества на момент расторжения брака.

Предметом исследования данной статьи являются отдельные специальные основания недействительности брачного договора. Автор предлагает обсудить идеи, лежащие в основе оспаривания брачного договора. Главное внимание будет уделено условиям, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Очевидно, что сохранение крайне неблагоприятного положения, в которое ставят условия брачного договора одного из супругов, противоречило бы принципам справедливости и равенства супругов. Однако можно ли найти иное правовое обоснование указанного основания оспоримости брачного договора?

Оспаривание брачного договора, содержащего условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, в связи с запретом «львиных товариществ»

В последние несколько лет наметилась тенденция распространения практики применения положений о договоре простого товарищества

к отношениям с участием различных неправосубъектных образований, участники которых формально не заключали договора о совместной деятельности. Так, известны примеры подобной практики в отношении участников общества с ограниченной ответственностью² и конкурсных кредиторов при банкротстве должника³. При этом можно обсуждать отнесение к договорному простому товариществу синдиката кредиторов в договоре синдицированного кредита, страховых пулов, иных договорных объединений коммерсантов.

Представляется, что правила о простом товариществе следует распространить и на иные отношения с участием различных субъектов, образующих и не образующих гражданско-правовые сообщества, для достижения общих целей. Причиной применения положений о договоре простого товарищества к определенным отношениям при отсутствии формально заключенного договора является соответствие квалифицирующим признакам договора простого товарищества, а именно наличие общей цели у субъектов, внесение ими вкладов, которыми может выступать и деятельность одной из сторон договора. Вероятно, указанные правила можно распространить и на отношения супругов. В юридической литературе один из подходов к пониманию брака заключается в том, что брак признают союзом, основанным на гражданско-правовом соглашении⁴.

Наличие общих целей у супругов не вызывает сомнения. Очевидно, что каждый из супругов может преследовать свои личные цели при заключении брака, что при этом не отменяет наличия общей цели создания семьи и распространения норм семейного и наследственного права на отношения супругов. СК РФ определяет личные неимущественные и имущественные права и обязанности супругов. ГК РФ указывает, что супруги являются наследниками первой очереди друг после друга.

Каждый из супругов за время супружеских отношений вносит вклад в общее дело для достижения общей цели. Природе супружеских

² См.: определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 ; от 14.07.2020 № 309-ЭС18-12370 по делу № А34-3532/2015 ; от 03.09.2024 № 305-ЭС23-30144 по делу № А40-265796/2022 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.11.2022 № 307-ЭС17-10793 (26–28) по делу № А56-45590/2015.

⁴ См., например: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права. 8-е изд. СПб., 1910. С. 620–642 ; *Антокольская М. В.* Семейное право. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. С. 126.

отношений соответствует предусмотренная пунктом 1 ст. 1042 ГК РФ возможность внесения в качестве вклада в общее дело профессиональных и иных знаний, навыков и умений. При этом вклад может быть выражен не в имуществе, а в труде, направленном на воспитание и обучение детей, решение хозяйственных проблем семьи. Соответственно, вклад одного из супругов может быть выражен не только в заработной плате и иных доходах, но и в домашних хлопотах. Кроме того, в случае с супругами, для которых личные неимущественные отношения имеют куда большее, чем имущественные, значение, очевидно, что вклад может выражаться в действиях в интересах другого супруга или в общих для супругов интересах.

Одной из причин применения норм о простом товариществе к тем или иным отношениям является попытка обоснования фидуциарного их характера и фидуциарных обязанностей их участников. Отношения между супругами, безусловно, являются фидуциарными. Каждый из супругов вправе совершать сделки по распоряжению общим имуществом супругов. При этом оспаривание сделки, совершенной без согласия другого супруга, представляется маловероятным, т.к. ограничено случаями недобросовестного поведения третьего лица, что свидетельствует о связанности обоих супругов правовыми последствиями сделки, совершенной одним из них. Каждый из супругов вправе заключить договор, обязательства из которого могут быть признаны общими обязательствами супругов, если они возникли в интересах семьи. Таким образом, каждый из супругов наделен властью распоряжаться общим имуществом и порождать общие долги. Соответственно, супруги принимают риск того, что поведение супруга будет противоречить интересам семьи. При этом согласно п. 3 ст. 31 СК РФ супруги обязаны строить отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей. Следовательно, при совершении сделок каждый из супругов должен руководствоваться не только своими интересами, но и интересами второго супруга, способствовать удовлетворению его личных потребностей, т.е. общими для семьи интересами.

Супруги должны прикладывать усилия для достижения общей цели и воздерживаться от поведения, препятствующего достижению общей цели. Потеря доверия может стать при-

чиной расторжения договора простого товарищества (в том числе товарищеского соглашения участников корпорации), а также расторжения брака.

Именно в связи с этим законодатель предусматривает отдельные способы защиты прав супругов. Так, согласно п. 3 ст. 35 СК РФ для заключения одним из супругов сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Квалифицированная письменная форма согласия защищает супругов от совершения необдуманных сделок, ориентирует их на необходимость достижения ими соглашения об условиях сделки с третьим лицом.

Кроме того, согласно п. 2 ст. 39 СК РФ суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе в случае, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или совершал недобросовестные действия, которые привели к уменьшению общего имущества супругов, в том числе совершал без необходимого в силу п. 3 ст. 35 СК РФ согласия другого супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супруга. Приведенная норма позволяет сделать вывод, что последствием нарушения фидуциарных обязанностей одним из супругов может стать уменьшение его доли в общем имуществе супругов. Данная санкция экономически очень похожа на возмещение убытков потерпевшему супругу. Для договора простого товарищества (в том числе для отношений участников корпорации) характерно возмещение убытков одним из товарищей, причинившим вред участникам договора простого товарищества.

Необходимо отметить и действие презумпции личного характера обязательств супругов (п. 2 ст. 45 СК РФ), защищающей супруга от обращения взыскания на его имущество, а также его долю в общем имуществе супругов по долгам другого супруга. Показательно, что в отношении общих договорных обязательств абзац 1 п. 1 ст. 1047 ГК РФ и пункт 2 ст. 45 СК РФ предусматривают разные виды ответственности: долевую и солидарную соответственно. Правило

абз. 1 п. 1 ст. 1047 ГК РФ, согласно которому каждый товарищ отвечает по общим договорным обязательствам всем своим имуществом пропорционально стоимости его вклада в общее дело, если договор простого товарищества не связан с осуществлением его участниками предпринимательской деятельности, вызывает серьезные сомнения.

Несмотря на очевидность фидуциарного характера отношений супругов, Московский городской суд в апелляционном определении от 04.06.2024 № 33-498/2024 посчитал, что сокрытие существенной части нажитого в период брака имущества в случае установления в брачном договоре того, что нажитое в браке имущество является собственностью того из супругов, на имя которого оно будет оформлено, не имеет правового значения. Кроме того, суд сослался на то, что супруга не запрашивала имеющуюся в открытом доступе информацию об участии ответчика в каких-либо обществах и оформленном на его имя имуществе, хотя имела такую возможность.

Примечательно в этой связи то, что в англосаксонских странах и ряде штатов США, а также в Единообразном законе США о добрых и брачных соглашениях к условиям действительности брачного договора суды относят раскрытие супругами информации о своем имущественном положении⁵. В целом представляется обоснованным то, что лица, заключающие брак, обязаны раскрыть друг другу всю информацию, которая может иметь значение для последующего построения семьи. Подобное правило можно выводить из правил о договоре простого товарищества.

В силу п. 3 ст. 307 ГК РФ при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию. В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 179 ГК РФ обманом считается также намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота. Представляется, что с учетом фидуциарного характера отношений супругов, обязанности супругов раскрывать информацию, в получении которой второй супруг по условиям

оборота и в силу специфики конкретных супружеских отношений заинтересован, п. 3 ст. 31 СК РФ есть основание считать, что сокрытие информации о нажитом в браке имуществе является недобросовестным поведением, влекущим возможность неприменения судом положений брачного договора в силу ст. 10 ГК РФ и определения размера долей супругов или имущества, принадлежащего каждому из супругов, без учета положений брачного договора в связи с нарушением супругом фидуциарных обязанностей. Сокрытие информации о нажитом в браке имуществе могло лишить супругу возможности согласовать с супругом оформление части имущества на ее имя, хотя в данном конкретном деле все долги и имущество, связанные с осуществлением супругом предпринимательской деятельности, имели личный характер.

Тем более странным выглядит то, что суд не вменяет в обязанность супругам раскрытие всей информации о приобретенном имуществе и совершенных сделках, но при этом вменяет им в обязанность поиск имеющейся в открытом доступе информации об участии ответчика в каких-либо обществах и оформленном на его имя имуществе.

Вторая причина применения правил о простом товариществе заключается в необходимости обеспечения участия всех субъектов правоотношения в распределении прибыли. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 отмечается, что существо законодательного регулирования товарищеского соглашения заключается, помимо прочего, в недопустимости ситуации, при которой участнику запрещается выход из общества без возможности возврата своих инвестиций. За счет установления цены реализации преимущественного права в размере номинальной стоимости доли участник вынужденно остается в обществе. Приведенные два обстоятельства противоречат сути товарищеского соглашения, поскольку нарушают фундаментальный запрет полностью лишать участия в прибыли от общего дела (ст. 1048 ГК РФ).

Через вклады независимых кредиторов посредством инвестирования юридического лица обосновывается право конкурсных кредиторов на участие в распределении конкурсной массы.

⁵ Хазова О. А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // Закон. 2020. № 10. С. 154–165.

Представляется, что приведенную идею можно распространить и на супружеские отношения. Доли супругов в общем имуществе предполагаются равными. Однако пункт 2 ст. 39 СК РФ позволяет прийти к выводу, что каждый из супругов должен иметь уважительные причины того, что он не получал доходов, т.е. не вносил выраженного в имуществе вклада в общее дело семьи. При этом согласно абз. 1 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 под заслуживающими внимания интересами одного из супругов следует, в частности, понимать не только случаи, когда супруг без уважительных причин не получал доходов либо расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи, но и случаи, когда один из супругов по состоянию здоровья или по иным, не зависящим от него обстоятельствам лишен возможности получать доход от трудовой деятельности⁶. Таким образом, трудовая деятельность или иная деятельность, направленная на достижение общих целей супругами, на удовлетворение общих потребностей супругов, рассматривается в качестве вклада каждого из супругов в общее дело. Его невнесение может влечь негативные последствия для супруга-нарушителя (уменьшение размера его доли в общем имуществе супругов). Подобное отношение к неполучению доходов, однако не должно свидетельствовать об обесценивании иной деятельности, соответствующей интересам семьи, а именно воспитания детей, ведения домашнего хозяйства и т.д.

Супруги, надлежащим образом исполнявшие обязанности по внесению вкладов в общее дело, вправе на равных участвовать в распределении доходов. Участия в доходах проявляется не только в приобретении имущества и удовлетворении иных материальных потребностей в браке, но и в получении части нажитого в браке в случае его расторжения. Показательно в этой связи то, что согласно абз. 3 п. 1 ст. 42 СК РФ супруги вправе определить в брачном договоре способы участия в доходах друг друга. Независимо от того, насколько велико для супругов значение личных неимущественных отношений, насколько сильны чувства и насколько

нематериальные интересы преобладают над материальными, каждый из супругов при наличии у них доходов должен принять участие в их распределении.

Таким образом, каждый из супругов, который внес имущественный или неимущественный вклад в общее дело, вправе рассчитывать на участие в распределении прибыли (общего имущества супругов). Расторжение брака по общему правилу является свободным (исключение предусмотрено статьей 17 СК РФ), и добросовестные супруги в случае приобретения супругами имущества в браке имеют право на долю в общем имуществе. Ни один из супругов, которые прикладывали усилия для достижения общих для семьи целей, не должен быть лишен имущества в результате расторжения брака, а условие брачного договора о том, что супруг лишается всего совместно нажитого в браке имущества, не должно вынуждать его сохранять супружеские отношения.

Несмотря на отличие конструкции договора простого товарищества по ГК РФ и режима совместной собственности по ГК РФ и СК РФ от аналогичных институтов германского и швейцарского права, симптоматично, что совместная собственность возникает по германскому и швейцарскому праву в простом товариществе, в хозяйственных товариществах, при общности имущества супругов и в ряде иных случаев. А. В. Егоров отмечает, что субъектом совместной собственности должно быть особое гражданско-правовое сообщество (в случае с супругами это семья), а не супруги по отдельности (как при общей долевой собственности)⁷. В этой связи становятся еще более актуальными вышеприведенные рассуждения о собрании участников юридического лица и собрании кредиторов как гражданско-правовых сообществах. В связи с этим статус гражданско-правовых сообществ нуждается в детальном изучении. В целом причины, в силу которых заключение договора простого товарищества не приводит к возникновению гражданско-правового сообщества, неочевидны.

Запрет устранения кого-либо из товарищей от участия в прибыли и несении убытков, пред-

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 № 15 (ред. от 06.02.2007) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 1.

⁷ Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020. С. 232–294.

усмотренный отечественным законодательством, по мнению А. А. Горевой, основан на классическом запрете «львиных товариществ» (товариществ, в которых один из товарищей получает львиную долю прибыли, а другие товарищи несут исключительно расходы)⁸.

Представляется, что лишение одного из супругов доли в праве общей совместной собственности недопустимо ни в случае, если супруги предусмотрели лишение одного из супругов прав на общее имущество при расторжении брака по его инициативе либо в результате его недостойного поведения (супружеской измены и т.п.)⁹, ни в случае осуществления супругом предпринимательской деятельности и согласования в связи с этим того, что каждому из супругов принадлежит то имущество, которое будет оформлено на его имя¹⁰. Супруг не может быть лишен имущества в результате расторжения брака. При этом отрицать возможность наличия у супругов разных целей в связи с заключением брака было бы глупо.

Лишение одного из супругов полностью права на имущество, нажитого в период брака, и существенная непропорциональность долей в общем имуществе признаются Верховным Судом РФ условиями брачного договора, ставящими одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Кажется абсолютно недопустимой ситуация, когда по прошествии продолжительного периода брака бывшая супруга, занимавшаяся воспитанием общих детей, не имеет в собственности жилья для проживания с детьми, тогда как бывший супруг в браке приобрел право собственности на несколько жилых помещений. Ни один из супругов, которые на протяжении продолжительного срока преследовали общие цели, не должен оставаться без имущества и средств к существованию после расторжения брака.

Другое дело, что несоразмерность выделенного каждому из супругов имущества сама по

себе не является основанием для признания брачного договора недействительным. Апелляционным определением Московского городского суда от 04.06.2024 № 33-498/2024 было отказано в удовлетворении требования о признании брачного договора недействительным в связи с тем, что истец не представила доказательств того, что всё имущество, нажитое в браке, принадлежит только супругу, что она полностью лишена прав на общее имущество, хотя значительная часть имущества, приобретенного в браке и связанного с осуществлением супругом предпринимательской деятельности, принадлежала исключительно ему. Кроме того, в силу условий брачного договора в связи с расторжением брака супруг передал супруге денежную сумму в определенном брачным договором размере. При этом и Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ в своих определениях неоднократно обращали внимание на то, что использование такой оценочной характеристики, как наличие в брачном договоре условий, ставящих одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу индивидуальных правовых ситуаций; вопрос же о том, ставят ли условия конкретного брачного договора одну из сторон в крайне неблагоприятное положение, разрешается в каждом случае судом с учетом конкретных обстоятельств. Одним из последних таких актов является определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1271-О¹¹.

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о том, что между супругами в силу совершенных ими волеизъявлений возникают отношения, соответствующие квалифицирующим признакам договора простого товарищества. Заключение брака является подтверждением заключения договора простого товарищества на условиях, предусмотренных законом, и служит цели обеспечения публичности полномо-

⁸ Горева А. А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 59.

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.12.2016 № 5-КГ16-174.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2020 № 78-КГ20-14.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1271-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прокудина Василия Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 163 и статьей 174.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, пунктом 3 статьи 42 и пунктом 2 статьи 44 Семейного кодекса Российской Федерации, частью 4 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», а также частями первой — четвертой статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

чий каждого из супругов действовать от имени обоих супругов в общих интересах. Заключение брака и его расторжение могут являться фиктивными сделками. Брачный договор вносит изменения в определенные законом условия договора простого товарищества, заключенного супругами, и определяет порядок принятия супругами решений, касающихся общих дел (п. 5 ст. 1044 ГК РФ), порядок покрытия общих расходов и убытков супругами (ст. 1046 ГК РФ), порядок распределения доходов супругов (ст. 1048 ГК РФ) и т.д. При этом очевидно, что отношения супругов не ограничиваются договорными правоотношениями.

Расторжение брака свидетельствует о расторжении договора простого товарищества. Не в последнюю очередь в связи с этим согласно п. 3 ст. 43 СК РФ действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака, за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака. В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20.02.2024 № 24-КГ23-26-К4 отмечено, что условия брачного договора о режиме приобретаемого супругами в период брака имущества не распространяются на последующий их брак, т.к. брачный договор прекратил действие в связи с прекращением первого брака. Вывод о том, что супруги распространили положения брачного договора на период нового брака, не основан на законе. Перед заключением второго брака супруги достигли соглашения о новых условиях совместной деятельности, отличных от условий договора простого товарищества, который по прошествии непродолжительного периода был расторгнут ими. Соответственно, по умолчанию распространять положения одного договора на отношения, возникшие из другого договора между этими же лицами, было бы совсем несправедливо.

Обоснование непротивопоставимости условий брачного договора требованиям кредиторов

Супруг обязан уведомить своих кредиторов о заключении, изменении или расторжении брачного договора. При невыполнении этой обязанности он отвечает по своим обязательствам независимо от содержания брачного договора (п. 1 ст. 46 СК РФ). Представляется, что целью данной нормы является закрепление непро-

тивопоставимости брачного договора требованиям лиц, которых своевременно не уведомили о заключении, изменении или расторжении брачного договора, независимо от того, до или после заключения, изменения или расторжения брачного договора возникло обязательственное отношение с кредитором.

Целью данной нормы является ограничение конкуренции имущественных прав супругов с имущественными правами кредиторов. Супруги выступают как объединение лиц, заключивших договор простого товарищества. В связи с этим они не должны конкурировать при разделе общего имущества с кредиторами, которые при совершении сделок исходили из видимости принадлежности контрагенту имущества определенной стоимости и презумпции равенства долей супругов, если долг является личным долгом одного из супругов, т.е. сделка совершена не в интересах («не от имени») товарищества (обоих супругов), а в интересах («от имени») одного из супругов.

Неисполнение обязанности по уведомлению кредитора о наличии заключенного брачного договора, о заключении, изменении или расторжении брачного договора лишает кредитора возможности оценить вероятность нарушения обязательства.

Аналогичным образом не может быть противопоставлено требованию кредитора, не уведомленного о наличии брачного договора, его заключении, изменении и расторжении, условие брачного договора, закрепляющее, что обязанность по возврату используемых кредитных средств является личной обязанностью того супруга, на чье имя они выдавались. Не должны внутренние отношения супругов как участников товарищеского соглашения ухудшать положение кредиторов одного из них, если денежные средства были использованы на нужды семьи. Кроме того, очевидно, что суды будут руководствоваться более высоким стандартом доказывания целесообразности и необходимости заключения брачного договора в соответствующий момент и на определенных условиях.

Возможность совершения супругами договора дарения

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.07.2024 № 117-КГ24-7-К4 было признано допустимым совершение между супругами договора даре-

ния. Верховный Суд РФ отказался от подхода, господствовавшего на протяжении нескольких десятилетий, и решил, что определять принадлежность одному из супругов имущества, приобретенного в браке на общие для супругов денежные средства, можно не только на основании брачного договора, но и на основании договора дарения. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обращает внимание на то, что супруги как субъекты, наделенные гражданской правосубъектностью, вправе заключать между собой любые сделки, не противоречащие закону. При этом законом не предусмотрено каких-либо запретов или ограничений на заключение договора дарения супругами. Таким образом, супруг вправе подарить как принадлежащее ему личное имущество, так и причитающуюся ему долю в общем совместном имуществе другому супругу.

Если посмотреть на данную сделку с позиции договора простого товарищества, становится очевидным, что товарищи наделены правом совершать любые гражданско-правовые сделки друг с другом. Следовательно, аналогичной возможностью должны обладать и супруги.

В случае с общими обязательствами супругов в связи с солидарной ответственностью супругов по таким обязательствам третьи лица не нуждаются в дополнительной защите при совершении супругами договора дарения друг с другом. Кредиторы по личному обязательству одного из супругов будут наделены правом оспорить такой договор дарения, в связи с чем логично распространить на договор дарения, заключенный супругами, ряд правил о брачном договоре. Во-первых, предметом спора может являться дата совершения договора дарения супругами. Она может быть подтверждена посредством нотариального удостоверения данного договора. Нотариус выступит третьим независимым лицом, удостоверяющим договор дарения и ликвидирующим споры относительно того, когда договор дарения был совершен и не совершен ли он задним числом. Важно отметить, что 10 декабря 2024 г. в третьем чтении был принят законопроект № 498499-8¹², предусматривающий совершение договоров дарения недвижимого имущества между гражданами в

нотариальной форме. Таким образом, эта проблема уже решена законодателем.

Во-вторых, если допускать совершение супругами договоров дарения, необходимо обеспечить информирование кредиторов каждого из супругов о совершенных договорах дарения и раскрытие несоответствия видимой имущественной массы супруга-контрагента (например, если в качестве собственника автомобиля в ГИБДД указан супруг — контрагент третьего лица, но он был подарен другому супругу или третье лицо считает, что имущество, зарегистрированное на имя супруги его контрагента, фактически является общим имуществом супругов) реальному положению дел по аналогии со ст. 46 СК РФ.

Эти два уточнения несколько сблизят конструкции договора дарения и брачного договора в части эффекта против третьих лиц, но сохранят отличия в правовых последствиях для самих супругов.

Какие нормы о договоре простого товарищества (договоре о совместной деятельности) применимы к отношениям супругов и к брачному договору?

Есть основания полагать, что брак соответствует квалифицирующим признакам договора простого товарищества, отраженным в п. 1 ст. 1041 ГК РФ. В случае с гражданским товариществом не является обязательным наличие статуса индивидуального предпринимателя у сторон договора простого товарищества. Заключение брака и супружество предполагают внесение вкладов супругами, которые главным образом выражены не в имуществе. При этом эти вклады предполагаются равными, если иное не будет согласовано супругами либо судом не будут установлены основания для отступления от начала равенства долей супругов, что позволяет прийти к выводу, что вклады супругами вносятся перманентно на протяжении супружества, что суд вправе учесть соответствие поведения каждого из супругов интересам семьи и оценить размер вкладов обоих супругов и ту прибыль, на которую каждый из них вправе рассчитывать (ст. 1048 ГК РФ). При этом зачастую брак

¹² Законопроект № 498499-8 «О внесении изменения в статью 574 части второй Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/498499-8>.

не предполагает распределения прибыли до его расторжения. Участие в разделе общего имущества супругов является основным способом участия в прибыли супругов.

Заключение брака, так же как и заключение договора простого товарищества, предполагает возникновение общей собственности (общей долевой в случае с договором простого товарищества и общей совместной в случае с браком), совместное разрешение вопросов о пользовании и содержании имущества (ст. 1043 ГК РФ).

Каждый из супругов обладает полномочием совершать сделки, правовые последствия которых распространяются на обоих супругов. При этом каждый из супругов обязан согласовывать совершаемые им сделки с другим супругом, а в случае со сделками, направленными на распоряжение общим имуществом супругов, для защиты третьих лиц действует презумпция согласия супругов. В целом, с отдельными изъятиями, нормы ГК РФ и СК РФ об общем имуществе и обязательствах супругов соответствуют правилам ст. 1044 ГК РФ.

Не меньшее, если не большее, значение для супружеских отношений имеет право супругов на информацию. Сокрытие и оформление супругом имущества на себя в ситуации, когда брачный договор предусматривает принадлежность каждому из супругов того имущества, которое будет оформлено на его имя, могут быть признаны обманом и должны учитываться судом в случае оспаривания брачного договора одним из супругов. Сокрытие имущества и оформление прав на него третьих лиц должны влечь учет данного имущества при разделе либо уменьшение размера доли злоупотребившего супруга в общем имуществе. Право на информацию императивно закреплено статьей 1045 ГК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 1046 ГК РФ порядок покрытия расходов и убытков, связанных с совместной деятельностью товарищей, определяется их соглашением. При отсутствии такого соглашения каждый товарищ несет расходы и убытки пропорционально стоимости его вклада в общее дело. Соглашение, полностью освобождающее кого-либо из товарищей от участия в покрытии общих расходов или убытков, ничтожно. В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 42 СК РФ супруги вправе определить в брачном договоре порядок несения каждым из них семейных расходов. При отсутствии такого соглашения семейные расходы покрываются за счет общих денежных средств супругов.

Пунктом 1 ст. 1047 ГК РФ закреплено регулирование ответственности товарищей по общим обязательствам, возникшим в связи с исполнением договора простого товарищества, не связанного с осуществлением его участниками предпринимательской деятельности. По непонятной причине в случае с договорными обязательствами предусмотрена долевая ответственность товарищей. Куда более логичной выглядит солидарная ответственность товарищей по деликтным обязательствам. Согласно абз. 1 п. 2 ст. 45 СК РФ при недостаточности общего имущества супругов супруги несут по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано на нужды семьи, солидарную ответственность имуществом каждого из них. Таким образом, в отношении супругов законодатель устанавливает более справедливое регулирование, чем в отношении товарищей, т.к. участники договора должны принимать риски неплатежеспособности, заключая договоры в общих интересах с третьими лицами.

Статья 1049 ГК РФ и пункт 1 ст. 45 СК РФ предусматривают право кредиторов одного из товарищей и одного из супругов по личному долгу указанных лиц заявить требование о выделе доли в общем имуществе товарищей и супругов соответственно.

Статьей 1051 ГК РФ и пунктом 2 ст. 16 СК РФ императивно предусмотрена возможность расторжения бессрочного договора простого товарищества и брака в одностороннем порядке.

Заключение

Таким образом, абсолютное большинство норм о договоре простого товарищества *mutatis mutandis* применимы к супружеским отношениям и брачному договору. Различия подходов законодателя к брачному договору и договору простого товарищества порождают вопросы об обоснованности дифференциации правового регулирования. Возможно более логичным и справедливым было бы регулирование, предусматривающее солидарную ответственность товарищей по всем обязательствам, общую совместную собственность товарищей, хотя стоит признать, что общая совместная собственность супругов практически не имеет принципиальных отличий от общей долевой собственности.

Впрочем, для целей настоящего исследования данный вывод имеет другое практическое значение. В соответствии со ст. 1048 ГК РФ соглашение об устранении кого-либо из товарищей от участия в прибыли ничтожно. Соответственно, приведенная в указанной норме идея о запрете «львиных товариществ» может являться основанием оспаривания брачного договора, содержащего условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Право не должно допускать лишения кого бы то ни было имущества, которое было приобретено (могло бы быть приобретено) в связи с совместной деятельностью (жизнедеятельностью), осуществляемой на протяжении длительного периода.

Если заключение брака свидетельствует о заключении договора простого товарищества на условиях, предусмотренных СК РФ, то заключение брачного договора приводит к изменению диспозитивного регулирования товарищеского соглашения супругов. В этой связи абсолютно логично, что брачный договор прекращает действие с расторжением брака супругами и не

распространяется на вновь заключенные браки между этими же лицами. Условия товарищеского соглашения при заключении первого и последующих браков могут принципиально различаться.

Супруги, являясь сторонами товарищеского соглашения, могут заключать друг с другом и иные договоры, например договор дарения. Принципиальным становится обеспечение защиты кредиторов супругов, которые не всегда понимают из содержания соглашения, личным или общим будет долг из заключенного договора, на какое имущество они смогут рассчитывать в случае нарушения обязательства контрагентом. Непротивопоставимость условий брачного договора требованиям третьих лиц обусловлена раскрытием кредиторам наличия действующего брачного договора и его актуального содержания. Однако даже в этом случае действительность условия о личном характере того или иного долга может вызывать сомнения, т.к. судом может быть установлено, что всё, полученное по договору одним из супругов, было использовано на нужды семьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антокольская М. В. Семейное право. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2010. 431 с.
- Горева А. А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30–66.
- Егоров А. В. Распорядительные сделки: выйти из сумрака // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 51–107.
- Егоров А. В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства : сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М. : Статут, 2020. С. 232–294.
- Хазова О. А. К вопросу о брачных договорах и брачных соглашениях за рубежом // Закон. 2020. № 10. С. 154–165.
- Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. 8-е изд. СПб., 1910. 879 с.

REFERENCES

- Antokolskaya MV. Family Law. 3rd ed. Moscow: Norma Publ., 2010. (In Russ.).
- Egorov AV. Administrative transactions: get out of dusk. *Herald of Civil Law*. 2019;6:51-107. (In Russ.).
- Egorov AV. Joint property of spouses: at a crossroads. In: Vitryansky VV, Sukhanov EA. Civil law of the social state: a collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of Professor A. L. Makovsky (1930–2020). Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).
- Goreva AA. Agreement of a simple partnership and its types: Russian law in a comparative legal aspect. *Herald of Civil Law*. 2020;6:30-66. (In Russ.).
- Khazova OA. On the issue of marriage contracts and marriage agreements abroad. *Zakon*. 2020;10:154-165. (In Russ.).
- Shershenevich GF. Textbook of Russian civil law. 8th ed. St. Petersburg; 1910. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахмедов Арсен Ярахмедович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ahmedov.arsen@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arsen Ya. Akhmedov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
ahmedov.arsen@bk.ru

*Материал поступил в редакцию 28 сентября 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.
Принята к печати 15 декабря 2024 г.*

*Received 28.09.2024.
Revised 14.12.2024.
Accepted 15.12.2024.*

О нормативности актов судебной власти в англосаксонской системе права и становлении прецедентного права в современной национальной системе

Резюме. Анализируется содержание принципа *stare decisis*, выдвигаются основные аргументы в его пользу, рассматривается система прецедентного права, исследуются тенденции ее внедрения в российскую правовую систему. Сделаны выводы о том, что судебный прецедент, сыгравший историческую роль в формировании и развитии правовых систем общего права, постепенно меняет свое положение в системе источников. Установлено, что в англосаксонской правовой доктрине вопрос прецедента сейчас не является однозначным. Указано на отсутствие судебной политики в вопросе отмены прецедентов и доказывается, что призывы ученых отказаться от принципа *stare decisis* в сфере конституционного права небезосновательны. Установлено, что, несмотря на отрицание в российской правовой доктрине судебного прецедента и дискуссионность данного вопроса, в России судебный прецедент был мягко интегрирован в национальную правовую систему в форме прецедента толкования, что носит концептуальный характер и влечет за собой необходимость трансформации всей системы законодательства. Сделан вывод, что судебный прецедент не совпадает с актом судебной власти, а является лишь порядком мотивации этого акта, приобретающим обязательную силу при соблюдении судом этого порядка мотивации по аналогичным делам, и как источник права придает нормативную силу тем актам судебной власти, где он содержится. Отмечено, что не является верным полное отделение судебного прецедента от судебного решения, в котором он содержится, поскольку судебный прецедент привязан к фактическим обстоятельствам дела, изложенным в соответствующей части судебного решения.

Ключевые слова: судебный прецедент; правовая система; доктрина; судебное решение; коллизии в законодательстве; прецедент толкования; толкование правовых норм

Для цитирования: Росенко М. И., Скребец Е. В. О нормативности актов судебной власти в англосаксонской системе права и становлении прецедентного права в современной национальной системе. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 71–82. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.071-082

The Normativity of the Judiciary Acts in the Anglo-Saxon Legal System and Case Law Formation in a Modern National System

Maria I. Rosenko

Elena V. Skrebets

Sevastopol State University

Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the content of the *stare decisis* principle, provides the main arguments in its favor, examines the case law system, investigates the trends of its introduction into the Russian legal system. The authors conclude that the judicial precedent that played a historical role in the formation and development of the common law legal system is gradually changing its position in the system of sources of law. It has been established that in the Anglo-Saxon legal doctrine the question of precedent is now not unambiguous. It is pointed out that there is no judicial policy aimed at abolishment of precedents and it is proved that the calls of legal scholars to abandon the principle of *stare decisis* in the field of constitutional law are not unfounded.

It has been established that, despite the denial of judicial precedent in the Russian legal doctrine and a debatable nature of this issue, in Russia the judicial precedent was gently integrated into the national legal system in the form of an interpretation precedent, which is conceptual in nature and entails the need to transform the entire system of legislation. The authors conclude that the judicial precedent does not coincide with the act of the judiciary, but is only a procedure for motivating this act that acquires mandatory force subject to the court observing this procedure for motivating in similar cases, and, as a source of law, gives normative force to the acts of the judiciary where it is contained. It is noted that a complete separation of the judicial precedent from the judgment where it is given is not true, since judicial precedent is «tied» to the factual circumstances of the case in the relevant part of the judgment.

Keywords: judicial precedent; legal system; doctrine; judgment; conflicts of law; precedent of interpretation; interpretation of legal rules

Cite as: Rosenko MI, Skrebets EV. The Normativity of the Judiciary Acts in the Anglo-Saxon Legal System and Case Law Formation in a Modern National System. *Lex russica*. 2025;78(1):71-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.071-082

Введение

В теории государственного управления институт правового акта управления является одним из центральных, поскольку в его рамках осуществляются все важнейшие функции государственного управления. Являясь важнейшей правовой формой по реализации управленческих действий, акты управления принимаются органами судебной, исполнительной и законодательной власти.

Известно, что общий запрет судьям участвовать в формировании права происходит со времен кодификации Юстиниана и Великой французской революции, а также обусловлен основными идеологическими постулатами советской правовой системы. Представление о том, что суды должны только применять правовые нормы и не отклоняться от их буквального содержания, особенно во время их толкования, уже не соответствует уровню современного правового развития, сложившемуся в странах развитой демократии, в частности в европейских странах, особенно со второй половины XX столетия.

Согласно распространенным взглядам, в реализации правотворческой функции за судами не признается роль в формировании права даже в случае, когда во время осуществления правосудия путем принятия актов судебной власти заполняются пробелы и разрешаются коллизии в законодательстве, осуществляется толкование правовых норм.

В странах с англосаксонской правовой системой очевидна общая тенденция относительно понимания значимой роли суда в формировании права при осуществлении правосудия, которая достигается в результате признания нормативности актов судебной власти (судебный прецедент, судебная практика, правовая позиция). В этой связи актуально изучение нормативности актов судебной власти в системе актов управления, исторических причин возникновения и усиления влияния этой нормативности, а также юридической природы судебных актов с учетом существенной роли суда в процессе динамичного развития права.

При разработке теоретической основы исследуемого вопроса фундаментальное зна-

чение имели труды ученых, судей, адвокатов, таких как А. Белякова, Д. А. Савельев, В. С. Белых, Т. Морщакова, С. В. Сипулин, Л. П. Расказов, С. Пепеляев, Ю. Тай, Г. Чернышов, Л. Генд, М. Гейл, У. Блэкстоун, Р. Кросс, Т. Ли, Р. Шпрекер, М. Ларо и др. В то же время с учетом разноплановости и глубины проведенных исследований отдельного анализа требует сравнительная теоретико-правовая характеристика судебного прецедента и судебной практики в современных правовых системах, а также отличительные особенности исторических предпосылок и поступательного развития российской правовой системы.

В работе были использованы методы сравнения, обобщения и систематизации. Историко-правовой метод применялся при обобщении научных исследований и анализе юридической силы правового прецедента в различные исторические периоды. Сравнительно-правовой метод использовался для определения места и роли судебного прецедента в различных правовых системах. Формально-юридический метод применен при исследовании сущностных характеристик судебного прецедента и судебного решения. Посредством обработки больших баз данных изучались судебные решения на предмет наличия в них ссылки на решения по аналогичным делам.

Цель статьи заключается в научном анализе нормативности актов судебной власти в англосаксонской правовой системе и выявлении возможности применения правового прецедента как источника права при регулировании общественных отношений в российской судебной системе.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: исследовать нормативность актов судебной власти, основанных на принципе *stare decisis* в странах англосаксонского права; изучить трансформацию принципа *stare decisis* и основные аргументы в дискуссии о его сущностных характеристиках и возможности применения в дальнейшем в странах общего права; выявить особенности применения и становления прецедентного права в Англии и США; проанализировать аргументы о нормативности

актов судебной власти, основанных на принципе *stare decisis*, в Российской Федерации; изучить правовые акты касательно содержащихся в них рекомендациях по вынесению судебных решений по аналогии и правоприменительную практику вынесения судебных решений; исследовать возможность применения правового прецедента как источника права при регулировании общественных отношений в российской судебной системе.

Основная часть

В странах англосаксонского права нормативность актов судебной власти основана на принципе «*stare decisis et non quieta movere*», который переводится как «придерживаться того, что было уже решено, и не беспокоить то, что спокойно» (сокращенно — *stare decisis*). Американский судья Р. Шпрекер переводит этот принцип с латыни как «придерживаться решений и не поднимать уже решенные вопросы»¹. Другие авторы предоставляют такой перевод: «придерживаться прецедентов и не поднимать решенные вопросы»². Этот принцип обеспечивает обязательность прецедентного права.

Его содержание основано на исторической стабильности и разнообразии системы общего права, порядок действия которой основан на судебном прецеденте. Как указал американский судья Л. Гейл, общее право «представляет собой монумент, медленно выстраивавшийся, как коралловый риф, от маленьких надстроек предков, каждый из которых надстраивал те частицы, что были возведены их предшественниками, и, в свою очередь, оставлял фундамент, на котором работали его наследники»³.

Доктрина *stare decisis* — относительно недавнее явление. В начале XVIII в. М. Гейл в «Истории общего права Англии» писал: «Решения судов, хотя и являются обязательными в силу законов Королевства для сторон дела до момента их отмены в силу ошибки или согласно парламентскому постановлению, между прочим, не создают право в прямом смысле (поскольку только король и парламент могут

¹ *Sprecher R.* The Development of the Doctrine of Stare Decisis and the Extent to Which It Should Be Applied // American Bar Association Journal. 1945. Vol. 31. P. 501.

² *Kocourek A., Koven H.* Renovation of the Common Law through Stare Decisis // Illinois Law Review. 1935. Vol. 29. No. 8. P. 973.

³ *Heydon J.* Limits to the Powers of Ultimate Appellate Courts // Law Quarterly Review. 2006. No. 122. P. 403.

его создавать)»⁴. Хотя в Англии существовали случаи следования судьями своим ранее принятым решениям еще в XII в., современная доктрина *stare decisis* в виде обязательности прецедентов высших судов для низших и обязательности для судей своих ранее принятых решений, имеющих силу прецедента, начинает разрабатываться лишь в XVIII в.

До начала этого периода судьи не признавали за собой обязанность следовать ранее принятым решениям, исторические причины такого отношения к прецеденту можно проследить с XV по XIX в.⁵ В начале XVI в. появились специальные мастера, занимавшиеся хранением и ведением архива рассмотренных дел, однако решения утверждались исключительно самим канцлером. Особенностью судебных дел было то, что процесс по делу в суде канцлера осуществлялся свободно, а потому возникала возможность для создания новых правил рассмотрения и форм защиты нарушенных прав. Лорд-канцлер руководствовался общими представлениями о полезном и справедливом. Значительное влияние на эти представления оказало церковное право, в частности римское право, получившее в то время широкую известность и преподававшееся в университетах. Начиная с 1616 г. нормы права справедливости стали приобретать большую юридическую силу, чем нормы общего права, т.к. ему предоставляли приоритет в коллизионных вопросах.

Впрочем, уже во второй половине XVII и в XVIII в. и даже раньше (еще в XII в.) можно найти решения, следовавшие устоявшейся судебной практике, но теоретически даже в соответствующих отраслях права сохранялась тенденция не считать такое следование обязательным⁶. Уже в то время ранее принятые судебные решения рассматривались как до-

казательство существования определенного правового состояния, а принцип *stare decisis* происходит из декларативной теории общего права: оно рассматривалось уже существующим до соответствующего принятого решения суда, и любое судебное провозглашение права, которое считалось несовместимым с определенным идеалом общего права, не нуждалось в отмене и могло быть просто заменено в новом решении в соответствии с правом, являющимся правом с самого начала⁷. Пользуясь метафорой лорда Коука, декларативная теория исходила из того, что «функцией судьи является собственно не создание, а провозглашение права в соответствии с золотым мериллом права, а не кривым посохом дискреции»⁸. Таким образом, классическая декларативная теория оставляла за судами достаточно пространства для отклонения от предыдущей практики на основании фикции, что ранее принятые решения не составляли сами по себе право, а служили лишь доказательством существования такого права.

В XVIII — начале XIX в. английские суды начали разрабатывать концепцию «признанной обязанности следовать ранее принятым решениям»⁹. В условиях господства декларативной теории судьи считали себя обязанными приводить определенные основания для отклонения доказательств существующего права, изложенных в ранее принятых решениях¹⁰. В начале XVIII в. Блэкстоун уже указывал, что «в соответствии с признанным правилом следует придерживаться ранее принятых прецедентов, если подобные вопросы вновь возникают в производстве»¹¹. К слову, судья Блэкстоун в поддержку этого тезиса приводил немало аргументов, выдвигаемых и сейчас в поддержку доктрины *stare decisis*. По его мнению, у сторон в деле есть необходимость пола-

⁴ *Hale M. The History of the Common Law of England (1713) / C. M. Gray, ed. Chicago : University of Chicago Press, 1971. P. 45.*

⁵ *Potter H. Potter's Historical Introduction to English Law and its Institutions / A. K. R. Kiralfy, ed. 4th ed. London : Sweet & Maxwell, 1958. P. 275.*

⁶ *Potter H. Op. cit. P. 279.*

⁷ *Lee T. Stare Decisis in Historical Perspective: From the Founding Era to the Rehnquist Court // Vanderbilt Law Review. 1999. No. 52. P. 660.*

⁸ *Lee T. Op. cit. P. 660.*

⁹ *Савельев Д. А. «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов: аналитическая записка / под ред. Д. А. Скугаревского. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2021. (Аналитические записки по проблемам правоприменения. Вып. 1 (2021).)*

¹⁰ *Lee T. Op. cit. P. 661.*

¹¹ *Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Oxford : Clarendon Press, 1765. Vol. 1. P. 191.*

гаться на прецедент, существование системы прецедентов будет способствовать авторитетности судебной системы, а сам прецедент как источник права — стабильности, ведь отменить в быстром порядке определенный прецедент очень сложно¹². Соответственно, прецедент направлен на «удержание весов правосудия ровно и твердо, чтобы они не шатались с каждой мыслью, высказанной судьей»¹³. В настоящее время основой английской доктрины судебного прецедента является убеждение, что «каждый суд обязан следовать решению более высокого по положению суда, а апелляционные суды (кроме Палаты лордов) связаны своими ранее принятыми решениями»¹⁴.

Система прецедентного права построена на логических конструкциях от общего к конкретному. Как отмечал лорд Рейд, «оно было создано судьями, которые выносили общие суждения: оно структурировалось путем рационального распространения того, что уже существует, чтобы справедливо решать конкретные дела»¹⁵. Принцип *stare decisis* определяет такое направление развития: из конкретного дела выводятся общие принципы методом индукции, которые применяются в последующих делах через дедуктивный метод. Как указал английский суд в деле *Henderson v. John Stuart (Farms) Ltd.*¹⁶, «применять действующий и признанный принцип к новым обстоятельствам не означает узурпацию функции законодателя», ведь новые споры могут пролить новый свет на старый вопрос и вызвать модификацию нормы, которая уже считалась частью национального права.

Все основания для признания этого принципа были в той или иной степени и в США. Как писал один из отцов-основателей молодого американского государства, А. Гамильтон, «чтобы предотвратить произвольную дискрецию судей, необходимо обязать их строгими правилами и прецедентами, служащими для определения и очерчивания их обязанностей

по каждому конкретному делу, подаваемому на их рассмотрение...»¹⁷.

Д. Мэдисон считал, что доктрина *stare decisis* ограничена более важными политическими соображениями и исключениями. Так, в письме, в котором обосновывалось его согласие как президента на образование банка Соединенных Штатов, несмотря на его отрицание конституционности такого шага, он ссылаясь на судебные прецеденты, в которых были подтверждены полномочия Конгресса в этой сфере¹⁸. По его мнению, такие «прецеденты, сформированные в рамках надлежащей дискуссии и при надлежащем рассмотрении и сознательно подтвержденные в дальнейших разбирательствах и повторении, считаются имеющими обязательную силу или скорее силу авторитета при определении содержания закона»¹⁹. По мнению Д. Мэдисона, существует по крайней мере два политических обоснования обязательной силы или силы авторитета прецедента: 1) поскольку это разумная и признанная аксиома, что благо общества требует, чтобы правила поведения его членов были определены и известны, чего бы не могло быть, если бы судья, несмотря на решения своих предшественников, изменял бы требования закона в соответствии с собственным толкованием; 2) поскольку обнародование закона, принятого публично, предусматривает как справедливое следствие уполномочение тех, кто принял закон в лице своего законодательного органа, определять его содержание через свой судебный орган²⁰. Последнее обоснование Д. Мэдисона основывалось на его понимании учредительной власти народа, от которой исходит законодательная и судебная власть, и поэтому судьи могут прояснять содержание закона, поскольку такая деятельность является одной из форм реализации учредительной власти.

Подобное понимание действия принципа *stare decisis* в условиях дальнейшего развития законодательства и существования писаной

¹² *Blackstone W.* Op. cit. P. 192.

¹³ *Lee T.* Op. cit. P. 661.

¹⁴ *Кросс Р.* Прецедент в английском праве / под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М. : Юрид. лит., 1985. С. 25.

¹⁵ *Indyka v. Indyka // Appeal Cases Law Report.* 1969. No. 1. P. 44.

¹⁶ *Session Cases.* 1963. P. 248.

¹⁷ *Federalist and other Constitutional Papers / E. H. Scott, ed.* Chicago : Scott, Foresman & Co., 1898. P. 471.

¹⁸ *Megarry R. E.* Dissenting Reasons in the Judicial Committee // *Law Quarterly Review.* 1998. No. 114. P. 316.

¹⁹ *The Mind of the Founder: Sources of the Political Thought of James Madison / M. Meyers, ed.* Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1981. P. 391.

²⁰ *The Mind of the Founder.* P. 391.

Конституции сразу же определило довольно важную точку напряжения между общепризнанной необходимостью обеспечить стабильность и определенность в праве, что включало правило следования ранее принятым решениям, с одной стороны, и остатками декларативной теории общего права, которые были основаниями для определенного пересмотра таких предыдущих решений, с другой стороны. Собственно, нахождение компромисса между такими двумя тенденциями и характеризует первые десятилетия функционирования Верховного суда США.

Итак, при рассмотрении понятия и сущности судебного прецедента стоит отметить, что судебный прецедент является ведущим источником права именно в правовых системах англосаксонской правовой семьи. В упомянутой системе судебный прецедент создает норму права, которая имеет внешнюю форму выражения в нем как в источнике права.

В настоящее время в случае коллизии норм общего права и права правоприменения применяются нормы права справедливости. Право справедливости (Equity Law), как определено в «Большом юридическом словаре» под редакцией А. Сухарева, это часть прецедентного права, состоящая из совокупности решений и правил, производимых практикой суда канцлера²¹. В этом случае важно соблюдение критерия иерархичности судов. Следовательно, определяющими для судебного прецедента в англо-американской правовой семье являются нахождение судьей и соблюдение именно *ratio decidendi* как составной части судебного решения, а также соблюдение прецедента в соответствии с иерархией судов²².

Такое характерное историческое развитие и особенности, присущие английскому праву, стали причиной увеличения разрыва между современными правовыми системами, где право англо-американской правовой семьи определяется судьями и является методом урегулирования общественных отношений. Кроме того, общее (прецедентное) право характеризуется тем, что в англосаксонской системе права нет деления на частное и публичное, как в романо-германской правовой семье; для нее

характерно деление права на общее право и право справедливости.

Напротив, в странах романо-германской правовой семьи судебный прецедент не признается источником права, хотя в последнее время наблюдается его активное применение во многих странах, служит средством восполнения пробелов и преодоления противоречий.

В российской правовой науке ведутся дискуссии по вопросу роли судебного прецедента.

Позиция, базирующаяся на том, что судьи независимы и подчиняются только закону, становится базовой при отрицании необходимости использования судебного прецедента при принятии судебного решения.

Другая позиция основывается на том, что при рассмотрении дел в судах должны быть обеспечены законность, равенство всех перед законом, и, соответственно, необходимо единообразие в толковании и применении судами норм права. Такая задача может быть обеспечена высшими судебными органами.

В российской системе права прецедент находится в подчиненном положении по отношению к закону. Это проявляется, в частности, в том, что законом может быть отменено действие судебного прецедента. Любой законодательный акт, принятый уполномоченным на то органом и в соответствии с установленной процедурой, должен в обязательном порядке признаваться и применяться судами.

Суд же, принимая судебное решение, должен действовать в строгом соответствии с законом. Прецедентом являются решения, вынесенные по аналогичному делу, разрешенному в рамках аналогичного судопроизводства. Все последующие решения могут вносить отдельные изменения в ранее формировавшийся прецедент, который, в свою очередь, становится нормой права. В этом случае к прецеденту как источнику права должны применяться те принципы, которые есть в праве. В качестве примера можно привести принцип непридания обратной силы прецеденту.

Правовая система государства является исторически сложившимся наследием, которое в связи со сменяющимся государственным устройством, трансформацией общественных

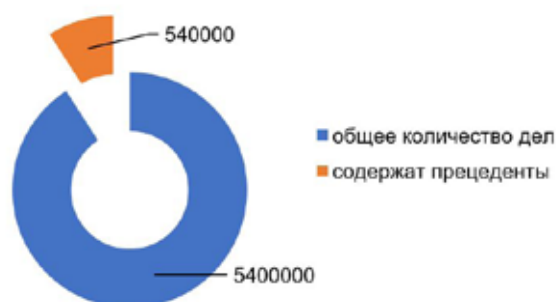
²¹ Сухарев А. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 523.

²² Петрова Н., Курило О. Сравнительный аспект применения судебного прецедента // Актуальные вопросы развития и взаимодействия публичного и частного права : материалы международной научно-практической конференции, г. Львов, 20–21 марта 2020 г. С. 120.

отношений, глобализацией видоизменяется и совершенствуется.

Российская судебная система в настоящее время уже содержит некоторые аналоги судебного прецедента. К таким можно отнести обзоры судебной практики, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ. Судебный прецедент предыдущих решений прямо закреплен в конституционном судопроизводстве Федеральным конституционным законом от 21.07.1994 № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» (п. 3 ст. 43, ст. 47.1 и п. 9 ст. 75). Организационно-правовым механизмом реализации указанной нормы являются постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Именно в правоприменительном механизме функционирования системы арбитражных судов в наибольшей степени присутствуют отдельные элементы, соответствующие категории «прецедентное право», что непосредственно отражается в судебных актах, содержащих отсылки к ранее принятым другими судами. В результате проведенного выборочного исследования мотивированных постановлений и решений арбитражных судов, вынесенных в 2009–2019 гг., было выявлено 540 тыс. дел, содержащих отсылки к правовым позициям, высказанным по результатам других производств, включая осуществленные в упрощенном порядке (см. диаграмму)²³. Так, в постановлении Десятого арбитражного апелляционного суда от 24.09.2024 по делу № А41-34824/2016 содержится отсылка к правовой позиции, высказанной в постановлении Арбитражного

Удельный вес дел, содержащих отсылки к правовым позициям, высказанным по другим делам, в общем количестве решений арбитражных судов за 2009–2019 гг.

суда Московского округа от 21.06.2023 № Ф05-15398/2023 по делу № А40-141849/2022, но сделано это в привязке к ст. 60 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что указывает на интерпретационный, а не правотворческий, характер цитируемого нижестоящим судом ранее принятого акта вышестоящего суда.

Иными словами, применение российскими арбитражными судами судебной практики при мотивировке постановлений и решений не является автономным от применения нормативных правовых актов, что препятствует полноценному признанию судебного прецедента источником права в российской правовой системе, поскольку судебные акты не порождают новых правовых норм, а лишь формируют инструментарий для единообразного понимания (толкования) различными судами нормативных правовых актов, которые, в свою очередь, и представляют в совокупности корпус источников права.

Таким образом, само по себе наличие отсылки к правовым позициям, высказанным судами по другим делам, еще не представляет собой судебный прецедент в строгом смысле, поскольку арбитражные суды обращаются к ранее вынесенным актам добровольно, а не в качестве обязательного преюдициального источника, кардинально изменившего свое качество с правоприменительного на правотворческое.

Более того, даже при обязательном применении постановлений высших судебных органов происходит применение актов толкования нормативных правовых актов, а не актов правотворчества. По обоснованному мнению А. Н. Верещагина, именно судебное толкование закона высшими судами фактически является обязательным для нижестоящих судов²⁴. Например, постановление Арбитражного суда Уральского округа от 25.09.2024 по делу № А47-1030/2023 содержит прямую ссылку на определение Верховного Суда РФ от 27.12.2018 № 305-ЭС17-4004 в части правовой позиции о том, что по результатам анализа и оценки доказательств суд разрешает спор в пользу стороны, чьи доказательства преобладают над доказательствами процессуального противника.

²³ Есть ли в России прецедентное право? // Адвокатская газета. 06.07.2021. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/est-li-v-Rossii-pretседentnoe-pravo/> (дата обращения: 17.07.2023).

²⁴ Верещагин А. Н. Пять мифов о прецедентном праве в России // Судья. 2011. № 1. С. 60–61.

В данном случае, как и в остальных подобных, Верховный Суд осуществил судебное толкование ст. 71 АПК РФ, а не произвел принципиально новую норму законодательства, занимающую самостоятельное положение относительно действующих. Напротив, принципиальное значение имеет корреляция правовой позиции Верховного Суда с законодательной нормой, за формально-юридические пределы которой российские суды, включая арбитражные, в отличие от англосаксонских, выйти не могут.

Таким образом, Верховный Суд, исходя из обстоятельств конкретного дела, сути спорных правоотношений и содержания исковых требований, предоставляет образец толкования нормативного предписания. Такую же роль в конституционно-правовых отношениях играют решения Конституционного Суда РФ. Этот образец, согласно принципу *stare decisis* («стоять на решенном»), обязателен для учета судами низших уровней при решении аналогичных дел. Единого мнения в российском научном сообществе относительно того, создает ли такое толкование новое нормативное предписание, нет²⁵. Ввиду приведенного утверждения такого рода толкование нормы права не создает, хотя и предусматривается возможность такого создания.

В этой связи можно согласиться с мнением, что российская арбитражная система давно существует в режиме прецедентного права, но именно в форме толкования нормативных правовых актов, выполняющего разъяснительную функцию для нижестоящих судов, а не правотворческую. Подобное мнение поддерживает Ю. Тай, который отмечает, что «в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ (постановление от 21.01.2010 № 1-П и др.)... это прямая реализация нормы ст. 126 Конституции РФ». Он обосновывает это утверждение тем, что федеральные законы и постановления пленумов Высшего Арбитражного и Верховного судов РФ давно ориентировали судей на необходимость изучения

судебной практики. При этом высказывается озабоченность по поводу существующей опасности прямого копирования судебных актов Верховного Суда РФ. То есть указывается на возможность «подгонки» правовой позиции по конкретному делу под имеющийся «прецедент», что может стать проблемой в работе судебных органов при вынесении судебных решений²⁶.

В странах континентального права обычно требуется консолидированный и согласованный ряд судебных решений по определенному вопросу (сложившаяся судебная практика) для того, чтобы определенная позиция имела значение. Конечно, это не препятствует силе решения, когда верховный суд принимает его впервые по соответствующему юридическому вопросу, практика в отношении которого еще не устоялась. Общепринятым является отсутствие формулы, согласно которой можно определить момент, с которого судебная практика может считаться устоявшейся.

Многие верховные суды в странах континентального права до сих пор уполномочены отбирать дела с целью установления стандартов, которые должны применяться в дальнейших делах²⁷, т.е. быть авторитетной судебной практикой, без отдельно созданного правила поведения. Такая же практика сложилась и в Российской Федерации. Что касается решений международных судебных органов, то практика их вынесения в последнее время демонстрирует сильную зависимость от политической конъюнктуры. Поэтому как создание консолидированного акта, содержащего ряд судебных решений по определенным вопросам, так и вынесение рекомендаций государствам по регулированию отдельных сфер правоприменения не обеспечивают приемлемость таких решений для государств. На невозможность безоговорочного следования рекомендациям наднациональных структур, а именно ЕСПЧ по вопросам конституционной юстиции России, обращает внимание В. Д. Зорькин²⁸.

²⁵ Hale M. Op. cit. P. 45.

²⁶ Есть ли в России прецедентное право?

²⁷ Opinion No. 20 (2017) on the role of courts with respect to uniform application of the law // URL: <https://www.coe.int/en/web/ccje/the-role-of-courts-with-respect-to-uniform-application-of-the-law> (дата обращения: 26.07.2023).

²⁸ Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика : доклад на международной конференции в Конституционном Суде РФ (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 7–30.

Некоторые исследователи считают, что прецедент в российское право «интегрирован, но не легитимирован»²⁹. В подтверждение можно привести ряд постановлений Пленума Верховного Суда РФ, в частности постановления от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» и № 12 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции», которыми установлено обязательное для нижестоящих судов требование руководствоваться при вынесении решений «практикой применения правовых норм, определенной постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по вопросам судебной практики, постановлениями Президиума Верховного Суда РФ и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, а также содержащейся в обзорах судебной практики, утвержденных Президиумом Верховного Суда Российской Федерации».

Тем не менее нельзя не согласиться с мнением, что место, роль и значение судебного прецедента в правовой доктрине России однозначно не определены³⁰.

Такие действия судей свидетельствуют о том, что они своими решениями интерпретируют, а не создают правовые нормы³¹, поскольку признание судебной практики как источника права обусловлено ее сущностными характеристиками, основными из которых являются 1) обобщение судебных решений по группе конкретных подобных споров; 2) интерпретационная деятельность; 3) прототип прецедентного права.

Следовательно, в российской правовой системе судебная практика пока играет факультативно-ориентировочную роль в процессе правового регулирования, что дает основание рассматривать элементы прецедентного права, применяемые в российском правосудии, имен-

но в качестве «прецедентов толкования», что, на наш взгляд, аргументируется с нескольких сторон.

Во-первых, именно разъяснительная, а не правотворческая, функция высших судов общей юрисдикции (Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ в части действующих постановлений после его институционального упразднения) является конституционной, основанной на ст. 126 Конституции РФ («дает разъяснения по вопросам судебной практики»). При этом в конституционной норме отсутствует прямое указание на юридическую обязательность таких разъяснений, как и на возможность осуществления правотворческой функции, означающей формулировку принципиально новых норм, органически не связанных с действующими. Аналогичным образом были закреплены и разъяснительные полномочия упраздненного Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ в отмененной ст. 127 Конституции.

Во-вторых, в решениях и постановлениях судов общей юрисдикции, включая арбитражные, отсылки к правовым позициям вышестоящих судов, как разъяснительным, так и вынесенным при разрешении споров по существу, сформулированы в неразрывном единстве с той или иной статьей действующего законодательства, на разъяснение либо формирование единообразной практики по которой направлены соответствующие отсылки, по внешним признакам имеющие отдельные элементы прецедентного права.

В-третьих, судебное правотворчество в российской правовой системе имеет относительный и условный характер, поскольку телеологически направлено не на создание новых правовых норм, а на обеспечение единообразного применения действующих, источниками которых являются нормативные правовые акты, а не судебные прецеденты в англосаксонском смысле.

В российской судебной системе суды чаще ссылаются на нормы законодательства, чем

²⁹ *Белякова А.* Прецедент в российском праве. О праве судов толковать закон и значении судебного прецедента в правовой системе // Адвокатская газета. 21.09.2023. URL: <https://www.advgazeta.ru/diskussii/pretsedent-v-rossijskom-prave/> (дата обращения: 17.07.2023).

³⁰ *Поляков С. Б.* Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex russica. 2015. № 3. С. 28–42.

³¹ *Спасибо-Фатеева И.* Некоторые подходы к понятию источников права: в порядке постановки проблемы // Проблемы законности : республиканский межведомственный научный сборник. Харьков, 2000. Т. 42. С. 54.

на судебные акты. Поэтому сложно пока дать характеристику и отнести судебные акты к нормотворчеству или прецедентному праву. Не исключено, что прецедентное право в российской правовой системе начнет стремительно развиваться. На такую особенность развития правовых систем указывается исследователями, которые считают, что определенные изменения, направленные на трансформацию, сначала отвергаются в определенных странах, потом возникает разрыв и смещение между правовыми системами стран, входящих в одну семью, а затем страна, воспринявшая трансформацию и готовая отклониться от традиции, неизбежно вырывается вперед³².

Заключение

В связи с вышеизложенным на современном этапе развития правового государства изучение проявлений нормативности актов судебной власти в системе актов управления является важным и необходимым для развития научной основы дальнейшего укрепления независимости судебной власти в России. Это требует переосмысления традиционных юридических конструкций и поиска новых правовых решений, а значит, и полного, комплексного анализа.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

1. Судебный прецедент, сыгравший историческую роль в формировании и развитии правовых систем общего права, постепенно меняет свое положение в системе источников.

В англосаксонской правовой доктрине вопрос прецедента сейчас не является однозначным. Ввиду отсутствия государственной судебной политики в вопросе отмены прецедентов спектр дискуссий и приводимых аргументов достаточно широк: от критики доктрины *stare decisis* и аргумента, что она стала «удобной доктриной как для консерваторов, так и для либералов», до призывов ученых отказаться от принципа *stare decisis*, хотя бы в сфере конституционного права.

В российской правовой доктрине судебного прецедента, несмотря на отрицание и дискусионность данного вопроса, трансформационные

процессы стремительно развиваются. В России судебный прецедент был «мягко» интегрирован в национальную правовую систему. Предпринимаются попытки определить содержание и возможные виды прецедентов. Проблема изучается как с теоретической точки зрения, так и с практической. Анализ правоприменения направлен на характеристику прецедента в России с точки зрения влияния на судопроизводство по отдельным категориям дел.

2. Внедрение судебного прецедента как одного из источников права в национальную правовую систему носит концептуальный характер, что влечет за собой необходимость трансформации всей системы законодательства. До настоящего времени место, роль и значение судебного прецедента в правовой доктрине России однозначно не определены, несмотря на фактическое интегрирование некоторых его механизмов в судебную систему посредством постановлений Пленума Верховного Суда РФ, сохранивших силу постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ.

3. Судебный прецедент не совпадает с актом судебной власти, а является лишь порядком мотивации этого акта, приобретающим обязательную силу при соблюдении судом этого порядка мотивации по аналогичным делам. Судебный прецедент как источник права придает нормативную силу тем актам судебной власти, где он содержится. Следует также отметить, что не является верным полное отделение судебного прецедента от судебного решения, в котором он содержится, поскольку судебный прецедент «привязан» к фактическим обстоятельствам дела, изложенным в соответствующей части судебного решения. Обязательность прецедента будет напрямую зависеть от места суда, принявшего соответствующий акт, в системе судебной власти.

4. В российской правовой системе применение отдельных элементов прецедентного права имеет правотолковательный (интерпретационный), а не правотворческий характер, преследуя цель формирования единообразного подхода судов общей юрисдикции к применению действующего законодательства, а не создания новых правовых норм, представляющего собой полноценный правотворческий процесс.

³² Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности : пер. с фр. М. : Международные отношения, 2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верещагин А. Н.* Пять мифов о прецедентном праве в России // Судья. 2011. № 1. С. 60–61.
- Зорькин В. Д.* Конституционная идентичность России: доктрина и практика : доклад на Международной конференции в Конституционном Суде Российской Федерации (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. 2017. № 12. С. 7–30.
- Кросс Р.* Прецедент в английском праве / под общ. ред. Ф. М. Решетникова. М. : Юрид. лит, 1985. 234 с.
- Петрова Н., Курило О.* Сравнительный аспект применения судебного прецедента // Актуальные вопросы развития и взаимодействия публичного и частного права : материалы международной научно-практической конференции, г. Львов, 20–21 марта 2020 г. С. 119–122.
- Поляков С. Б.* Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex russica. 2015. № 3. С. 28–42.
- Савельев Д. А.* «Аналогичная правовая позиция»: отсылки к другим делам в текстах судебных актов арбитражных судов : аналитическая записка / под ред. Д. А. Скугаревского. СПб. : Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2021. 17 с. (Аналитические записки по проблемам правоприменения. Вып. 1 (2021).)
- Савельев С. Л.* Прецедент в России. Унификационный потенциал практики Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ. М. : Статут, 2020. 272 с.
- Спасибо-Фатеева И.* Некоторые подходы к понятию источников права: в порядке постановки проблемы // Проблемы законности : республиканский межведомственный научный сборник. Т. 42. Харьков, 2000. С. 49–54.
- Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Oxford : Clarendon Press, 1765. 474 p.
- Federalist and other Constitutional Papers / E. H. Scott, ed.* Chicago : Scott, Foresman & Co., 1898. 816 p.
- Hale M.* The History of the Common Law of England (1713) / C. M. Gray, ed. Chicago : University of Chicago Press, 1971. 173 p.
- Heydon J.* Limits to the Powers of Ultimate Appellate Courts // Law Quarterly Review. 2006. No. 122. P. 399–425.
- Kocourek A., Koven H.* Renovation of the Common Law through Stare Decisis // Illinois Law Review. 1935. Vol. 29. No. 8. P. 971–999.
- Lee T.* Stare Decisis in Historical Perspective: From the Founding Era to the Rehnquist Court // Vanderbilt Law Review. 1999. No. 52. P. 647–735.
- Megarry R. E.* Dissenting Reasons in the Judicial Committee // Law Quarterly Review. 1998. No. 114. P. 574–578.
- Potter H.* Potter's Historical Introduction to English Law and its Institutions / A. K. R. Kiralfy, ed. 4th ed. London : Sweet & Maxwell, 1958. 675 p.
- Sprecher R.* The Development of the Doctrine of Stare Decisis and the Extent to Which It Should Be Applied // American Bar Association Journal. 1945. Vol. 31. P. 501–509.
- The Mind of the Founder: Sources of the Political Thought of James Madison / M. Meyers, ed.* Indianapolis : Bobbs-Merrill, 1981. 576 p.

REFERENCES

- Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press; 1765.
- Cross R, Reshetnikov FM (ed.). Precedent in English law. Moscow: Jurid. lit. Publ., 1985. (In Russ.).
- Hale M, Gray CM (eds.). The History of the Common Law of England (1713). Chicago: University of Chicago Press; 1971.
- Heydon J. Limits to the Powers of Ultimate Appellate Courts. *Law Quarterly Review*. 2006;122:399-425.
- Kocourek A, Koven H. Renovation of the Common Law through Stare Decisis. *Illinois Law Review*. 1935;29(8):971-999.
- Lee T. Stare Decisis in Historical Perspective: From the Founding Era to the Rehnquist Court. *Vanderbilt Law Review*. 1999;52:647-735.
- Megarry RE. Dissenting Reasons in the Judicial Committee. *Law Quarterly Review*. 1998;114:574-578.
- Meyers M (ed.). The Mind of the Founder: Sources of the Political Thought of James Madison. Indianapolis: Bobbs-Merrill; 1981.

Petrova N, Kurilo O. Comparative aspect of the application of judicial precedent. Topical issues of development and interaction of public and private law: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Lviv, March 20–21, 2020. (In Russ.).

Polyakov SB. *Judicial precedent in Russia: a form of law or arbitrariness? Lex russica. 2015;3:28-42. (In Russ.).*

Potter H, Kiralfy AKR (eds.). *Potter's Historical Introduction to English Law and its Institutions. 4th ed. London: Sweet & Maxwell; 1958.*

Savelyev DA. «Similar legal position»: references to other cases in the texts of judicial acts of arbitration courts: Policy Briefs. *Policy briefs on enforcement issues. 2021;1. (In Russ.).*

Savelyev SL. A precedent in Russia. Unification potential of the practice of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2020. (In Russ.).

Scott EH (ed.). *Federalist and other Constitutional Papers. Chicago: Scott, Foresman & Co.; 1898.*

Spasibo-Fateeva I. Some approaches to the concept of sources of law: The issue statement. Problems of legality: republican interdepartmental collection of works. Vol. 42. Kharkov; 2000.

Sprecher R. *The Development of the Doctrine of Stare Decisis and the Extent to Which It Should Be Applied. American Bar Association Journal. 1945;1(31):501-509.*

Vereshchagin AN. Five myths about case law in Russia. *The Judge. 2011;1:60-61. (In Russ.).*

Zorkin VD. Constitutional identity of Russia: Doctrine and practice. Report at the International Conference in the Constitutional Court of the Russian Federation (St. Petersburg, May 16, 2017). *Aktualnye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva. 2017;12:7-30. (In Russ.).*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Росенко Мария Ивановна, доктор наук государственного управления, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Юридического института Севастопольского государственного университета
д. 33, Университетская ул., г. Севастополь 299053, Российская Федерация
mariyair@mail.ru

Скребец Елена Владимировна, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета
д. 33, Университетская ул., г. Севастополь 299053, Российская Федерация
evskrebets@mail.sevsu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria I. Rosenko, Doctor of Public Administration, Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
mariyair@mail.ru

Elena V. Skrebets, Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
evskrebets@mail.sevsu.ru

Материал поступил в редакцию 26 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 19 ноября 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 26.07.2024.

Revised 19.11.2024.

Accepted 15.12.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.083-094

Е. И. Галяшина

К. М. Богатырев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга

Резюме. В статье с позиции юридино-лингвистического подхода рассматривается проблематика, связанная с закреплением в законодательстве Российской Федерации единого понятия травли (буллинга), определением субъектного состава и ответственности за совершение данного и иных, способствовавших его совершению деяний. Основная проблема усматривается в попытке внедрения в правовую материю и использования в правоприменительной деятельности заимствованных из других наук специальных неюридических терминов без их соотнесения с имеющимся правовым регулированием и юридической доктриной. Авторы предлагают теоретически обоснованные концептуальные подходы, касающиеся необходимости законодательного закрепления упомянутого единого понятия (но не в качестве обозначения нового состава преступления, а в качестве обобщающего термина), его выбора (предпочтение обоснованно отдается термину «травля»), характеристики существующих юридических составов, предусматривающих ответственность за деяния — отдельные проявления травли. Обосновывается, что предпочтительным направлением законодательного регулирования травли является совершенствование упомянутых составов с учетом системности предусмотренных ими мер ответственности. При юридическом определении травли рекомендуется ориентироваться на уже имеющиеся в законодательстве объемные категории, такие как «экстремистская деятельность». В качестве меры, направленной на превенцию противоправной деятельности (в том числе травли) в образовательных организациях, предлагается введение соответствующего отягчающего наказания обстоятельства.

Ключевые слова: травля; буллинг; кибербуллинг; агрессивное поведение; специально-юридический термин; криминализация травли; правовая коллизия; юридическая ответственность; криминалистика; криминология

Для цитирования: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 83–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.083-094

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Социоправо»).

Key Aspects in the Discussion on Legislative Regulation of Bullying

Elena I. Galyashina

Konstantin M. Bogatyrev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. From the perspective of a legal and linguistic approach, the paper examines the issues related to the consolidation of a single concept of bullying in the legislation of the Russian Federation, the definition of the parties and responsibility for the commission thereof and other acts that contributed to its commission. The main problem is seen in an attempt to introduce special non-legal terms borrowed from other sciences into the legal field and use them in law enforcement activities without mapping them with the existing legal regulation and legal doctrine. The authors propose theoretically sound conceptual approaches concerning the need for legislative consolidation of the mentioned single concept (but not as a designation of a new *corpus delicti*, but as a generalizing term), its choice (preference is reasonably given to the term «bullying»), characteristics of existing legal structures providing responsibility for acts—individual manifestations of bullying. It is proved that the preferred direction of legislative regulation of bullying is the improvement of the mentioned structures, taking into account the consistency of the liability measures provided for by them. When defining bullying in a legal way, it is recommended to focus on the voluminous terms already available in the legislation, such as «extremist activity». As a measure aimed at preventing illegal activities (including bullying) in educational institutions, it is proposed to introduce an appropriate aggravating circumstance.

Keywords: harassment; bullying; cyberbullying; aggressive behavior; special legal term; criminalization of bullying; legal conflict; legal responsibility; criminalistics; criminology

Cite as: Galyashina EI, Bogatyrev KM. Key Aspects in the Discussion on Legislative Regulation of Bullying. *Lex Russica*. 2025;78(1):83-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.083-094

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности России являются выявление и предотвращения угроз безопасности детей как категории населения, наиболее нуждающейся в защите. Данная потребность обусловлена, с одной стороны, их возрастом, подразумевающим меньшую степень самостоятельности, осведомленности и жизненного опыта, с другой — той определяющей ролью, которую они играют для будущего страны. В связи с этим в России реализуется комплекс мер, направленных на консолидацию усилий по устранению угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию. В частности, 2018–2027 годы объявлены Десятилетием детства, а Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358 принята Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Фе-

дерации на период до 2030 года. Хотя в последней и отмечаются положительные изменения по многим ключевым направлениям, говорить об успешном решении большей части существующих проблем преждевременно.

Ряд ученых отмечают наличие тенденции к распространению насилия в молодежной среде, увеличению его масштабов (что особенно заметно на примере общеобразовательных организаций)¹. Одним из проявлений данной проблемы представляется травля, являющаяся прямым нарушением ст. 21 Конституции РФ (достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию). Это явление (жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение) широко распространено в среде несовершеннолетних

¹ См., например: Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Осипова Е. В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 11–17.

(в первую очередь в образовательных организациях²) и может приводить к плачевным результатам — вплоть до самоубийств жертв (составляющих около 8 % от общего числа детских смертей) или, напротив, их нападения на обидчиков с использованием оружия (так называемых скулшутингов)³. В этой связи неудивительно, что профилактика травли и агрессивного поведения детей является одной из основных задач, предусмотренных пунктом 31 Стратегии.

Вместе с тем следует отметить, что жертвами такого рода деяний могут быть не только дети, но люди любого возраста (в том числе из-за своей беспомощности или инвалидности). В целом систематическое агрессивное поведение группы в отношении одного либо нескольких лиц является социально порицаемым и не соответствует не только букве и духу закона, но и традиционным российским духовно-нравственным ценностям, таким как (в числе прочих) достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение⁴. В той или иной форме подобное поведение критикуется с позиций всех религий, являющихся неотъемлемой частью российского духовного наследия; в частности, в православии, которому принадлежит особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей, уделяется пристальное внимание защите слабых и уязвимых (в том числе детей) от жестокости и несправедливости.

Обсуждая вопросы криминализации общественно порицаемых деяний (в том числе травли), недопустимо сосредотачивать внимание только на морально-этической проблематике в ущерб правовому анализу; вместе с тем этот компонент всё же должен быть надлежащим

образом учтен, как как он формирует сами предпосылки для конструирования новых уголовно-правовых запретов, принимаемых с целью защиты общества и его духовно-нравственных основ от разрушительного воздействия⁵.

Методология и методы исследования

Исследование носит комплексный характер, осуществляется в рамках юридуко-лингвистического подхода. Ввиду методологического плюрализма в качестве основы исследования принята философская методология позитивизма и постпозитивизма, как более проработанная и актуальная, с использованием по мере надобности общепринятого в криминалистической науке диалектического метода.

Методологическую основу настоящего исследования, осуществляемого в рамках постпозитивистской научной парадигмы, составляют аналитическая философская традиция наряду со всеобщим диалектическим методом и логическими приемами (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.); общенаучные (описание, сравнение, абстрагирование, систематизация, формализация и др.), а также частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правовой, лингвистический, семантический, контент-анализ и др.).

Предложение о законодательном урегулировании буллинга

На федеральном уровне данная проблема широко обсуждается на площадке Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁶.

² См.: Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90 ; Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 220–242.

³ См.: Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 4. С. 919.

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁵ См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 110–125.

⁶ Вячеслав Володин поручил профильным комитетам подготовить меры для предотвращения трагедий в школах // URL: <http://duma.gov.ru/news/58465/> (дата обращения: 29.01.2024).

Выдвигаются предложения по дополнительно законодательному урегулированию данной проблемы и формулированию связанных с этим концептуальных подходов: в частности, предлагается закрепить в законодательстве Российской Федерации единое понятие, обозначающее травлю («систематическое психологическое и/или физическое агрессивное поведение группы лиц или одного лица в отношении другого лица или лиц, осуществляемое в том числе с использованием электронных средств коммуникации»⁷), определить его субъектный состав и ответственность за совершение данного и иных деяний, способствовавших его совершению, в том числе в образовательных организациях и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Следует отметить, что обсуждение подобных законодательных предложений на федеральном уровне осуществляется как минимум с 2022 г.⁸; в текущей версии законопроекта, предполагающегося ко внесению и рассмотрению в ходе весенней сессии работы парламента, особое внимание уделяется повышению правовой определенности относительно возможных мер юридической ответственности и индивидуальной профилактической работы в отношении лиц, осуществляющих травлю⁹.

Обсуждение предложений по введению юридической ответственности за травлю и связанные с ней действия (в частности, ее сокрытие) ведется не только на федеральном уровне, но и на уровне парламентов регионов; например, на прошедшем в Курултае Башкирии заседании рабочей группы по вопросам про-

филактики и противодействия буллингу среди школьников особое внимание было обращено на множественность негативных последствий таких действий — не только для обучающихся, но и для преподавателей (которые также могут подвергаться травле со стороны обучающихся ввиду наличия у последних чувства безнаказанности)¹⁰.

Травля упоминается и в контексте иных законопроектов, рассматриваемых Государственной Думой (например, при обсуждении запрета на использование телефонов в школе)¹¹.

Длительный и тяжелый процесс подготовки законопроекта обусловлен комплексностью предмета правового регулирования, влекущей сложности в выборе оптимальных правовых средств и мер юридической ответственности. На наш взгляд, из отсутствия закрепленного в законодательстве специально-юридического термина для обозначения обсуждаемой проблемы не следует с необходимостью потребность во введении новых правовых составов, предусматривающих юридическую ответственность. Вместе с тем закрепление термина «травля» представляется желательным (с учетом изложенных нами далее аргументов).

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта

Общим местом как публичных дискуссий, так и научных исследований, посвященных проблематике травли (в том числе в молодежной среде), является указание на ее глобальный харак-

⁷ Законопроект о буллинге в школе обсудят на парламентских слушаниях до конца года // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/12/08/1009960-zakonoproekt-o-bullinge-v-shkole-obsudyat-na-parlamentskih-slushaniyah> (дата обращения: 29.01.2024).

⁸ В Госдуме подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах // URL: <https://rg.ru/2022/10/12/v-gosdume-podgotovlen-zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-detej-v-shkolah.html> (дата обращения: 19.06.2024) ; Законопроект о буллинге внесут в Госдуму на следующей неделе // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/14/945470-zakonoproekt-o-bullinge-vnesut-v-gosdumu> (дата обращения: 19.06.2024).

⁹ Артем Метелев: Безделье — главная причина преступлений // URL: <https://www.pnp.ru/politics/artem-metelev-bezdele-glavnaya-prichina-prestupleniy.html> (дата обращения: 19.06.2024) ; В Думе готовят законопроекты по профилактике подростковой травли // URL: <https://www.interfax.ru/russia/952941> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁰ Буллинг и думы // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6352808> (дата обращения: 19.06.2024).

¹¹ Стенограмма заседания от 16.11.2023 по вопросу о проекте федерального закона № 470837-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» (о совершенствовании взаимодействия участников образовательного процесса) // URL: cir.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=422220&QueryID=17631&HighlightQuery=17631&query_target=news (дата обращения: 29.01.2024).

тер, широкую распространенность в различных обществах. Формы, средства и способы осуществления травли могут различаться от страны к стране (исходя из конкретных культурных, экономических и политических реалий), однако сущность данного явления не претерпевает сколь-либо значительных изменений. По этой причине зарубежное правовое регулирование данной проблемы может представлять интерес в части возможного заимствования удачных практик с поправкой на различия правовых систем и с учетом уже имеющихся в России нормативных актов. Например, в США, где жертвой буллинга становится примерно каждый четвертый ребенок¹², в отсутствие федерального акта в каждом штате есть свой нормативный акт по противодействию данному негативному явлению¹³ (разделение законодательства, в том числе и уголовного, на федеральный уровень и уровень штатов, с одной стороны, приводит к несоответствиям и противоречиям в подходах и формулировках, с другой же — позволяет прийти к оптимальному варианту за счет проработки большего количества возможных вариантов правового регулирования, учтя при этом интересы жителей конкретной территории). При отсутствии единого подхода такой вариант всё же для данной страны оптимален, т.к. в существенных положениях данные акты по большей части соотносимы друг с другом, а само по себе явление хотя и характеризуется общественной опасностью, но всё же не в той степени, которая бы обуславливала необходимость принятия федерального акта (в отличие, например, от преступлений на почве ненависти, с которыми буллинг может пересекаться).

Специальные законы, запрещающие издевательства среди обучающихся и раскры-

вающие понятие «буллинг», приняты в таких странах, как Швеция, Япония, Республика Молдова¹⁴. Интересно отметить, что в Великобритании положения принятого Закона о борьбе с буллингом в школах (*Addressing Bullying in Schools Act (Northern Ireland)*) распространяются только на Северную Ирландию, в то время как для других частей Соединенного Королевства предусматриваются только подзаконные нормативные акты (рекомендации Департамента образования)¹⁵.

Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет опыт Франции, где недавно была введена уголовная ответственность за буллинг¹⁶. Санкции, предусмотренные за такого рода действия (до трех лет лишения свободы и штраф до 45 тыс. евро, а в случае тяжких последствий в виде суицида жертвы или его попытки — до десяти лет лишения свободы и штраф до 150 тыс. евро), делают Францию страной с самым суровым наказанием за буллинг в мире¹⁷. Вместе с тем строгость принятого закона не стала залогом полного и эффективного решения данной проблемы, и потребность в совершенствовании подходов к ней по-прежнему сохраняется¹⁸.

Анализ зарубежного опыта позволяет заключить, что, несмотря на принятие законодательных мер (в том числе связанных с закреплением обозначающего травлю термина или даже санкций за ее осуществление) ключевую роль в противодействии буллингу играют принятие подзаконных актов (в том числе стратегического характера) и организация системной профилактической деятельности (например, в таких странах, как Великобритания, Норвегия, Финляндия, подобным мерам в сравнении с законодательными отдается предпочтение).

¹² См.: *Albertson A. K. Criminalizing bullying: why Indiana should hold the bully responsible // Indiana Law Review. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 243.*

¹³ *Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 116.*

¹⁴ Как в разных странах мира борются со школьным буллингом // URL: <https://standard.kz/ru/post/kak-v-raznyx-stranax-mira-boriutsia-so-skolnym-bullingom-359> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁵ *Голованова Н. А. Указ. соч. С. 119.*

¹⁶ *New French law criminalises school and university bullying // URL: <https://www.coe.int/en/web/cyberviolence/-/new-french-law-criminalizes-school-and-university-bullying> (дата обращения: 19.06.2024).*

¹⁷ *School bullies to face jail under law approved by French MPs // URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/02/school-bullies-face-up-to-10-years-jail-under-law-approved-by-french-mps> (дата обращения: 19.06.2024).*

¹⁸ *French PM Borne unveils «uncompromising» strategy to combat bullying in schools // URL: <https://www.france24.com/en/france/20230927-france-pm-borne-unveils-uncompromising-strategy-combat-bullying-schools-cyber-harassment> (дата обращения: 19.06.2024).*

Терминологический аспект криминализации буллинга

Предложение закрепить в законодательстве Российской Федерации единое понятие травли (агрессивного поведения) подразумевает необходимость его рассмотрения с позиций юридической науки — как правовой категории, используемой при конструировании нормативных правовых актов. Если же анализировать данное понятие не как правовую категорию, а как категорию иного рода (например, этическую, культурологическую, политологическую и т.д.), то это существенно осложнит (если не сделает невозможным) эффективное и конструктивное осуществление законодательной и правоприменительной деятельности. Например, в Методических рекомендациях для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся¹⁹ (далее — Методические рекомендации) понятие «травля (буллинг)» (агрессивное поведение лиц) в широком смысле определяется как систематическое злоупотребление силой, т.е. повторяющаяся агрессия по отношению к определенному субъекту, включающая в себя принуждение и запугивание.

Отличительными чертами языка права, обусловленными спецификой поля его применения, являются краткость, концентрированность, однозначность и доступность для понимания; в силу этого необходимо избегать использования метафор, аллегорий, архаизмов, жаргонизмов, заимствованных иностранных слов (поэтому, в частности, не следует закреплять в качестве термина слово «буллинг»), а также любых средств выразительности. Соответственно, юридический язык характеризуется терминологической строгостью, единством и стабильностью используемых терминов, адекватным выражением в терминах воли законодателя, общепризнанностью используемых терминов и юридических понятий и т.д. Всё это необходимо для того, чтобы исключить возможность нетолкования, сделать норму права определенной, ясной, единообразной для применения.

При этом используемые в рамках понятийно-категориального аппарата юридической науки термины также различают по характеру и сфере употребления. Среди них можно выделить следующие виды:

— *общеупотребительные термины*, которые обозначают принятые в литературном языке категории (например, «жилище», «семья», «жизнь», «родители и дети» и др.);

— *специально-юридические термины*, используемые для обозначения юридических понятий (например — «истец», «ответчик», «правонарушение»);

— *специальные неюридические термины* или *специально-технические термины* (заимствованные из других наук и областей человеческой деятельности).

Представляется, что предложенные в Методических рекомендациях для обозначения рассматриваемого явления синонимичные термины («травля», «агрессивное поведение лиц», «буллинг») относятся к последней категории, являясь частью терминологического аппарата таких наук, как психология, педагогика, социология. Как указано выше, последнее обозначение («буллинг») не обладает свойством однозначности номинации, а потому не может быть введено в законодательство в качестве юридического термина. Кроме того, согласно ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»²⁰ иностранные слова не должны использоваться при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке. Очевидно, что таким общеупотребительным аналогом выступает слово «травля», в связи с чем англицизм «буллинг» не используется в законодательных инициативах.

Доводы в пользу того, что слово «буллинг», используемое для обозначения обсуждаемого феномена, якобы не имеет общеупотребительных аналогов в русском языке, следует признать несостоятельными. В качестве одного из аргументов иногда приводится указание на многозначность слова «травля» (существительного, производного от глагола «травить»), являющегося общеупотребительным русскоязычным аналогом «буллинга», но соответству-

¹⁹ Письмо Минобрнауки России от 13.12.2022 № МН-6/1873 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие) // Вестник образования России. 2023. № 4. Февраль.

²⁰ СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

ющего ему лишь в одном переносном значении («изводить, мучить нападениями, преследованиями»²¹). Следует отметить, что при любом переводе (в том числе при внедрении переводных терминов) ставится задача не найти такое же слово (точный аналог) в другом языке, а максимально полно и корректно передать его смысл (поэтому перевод — это производное произведение); хорошей иллюстрацией этого тезиса является термин «hate speech» (переводимый не буквально, как «речь ненависти», а по смысловому содержанию — как «язык вражды»).

Кроме того, обычные слова и юридические термины не вполне сопоставимы; последние при введении в оборот получают точное определение именно с юридических позиций, в связи с чем недопустимо оценивать их по общим правилам литературного языка (присутствующие в словарях значения не будут для юридического термина актуальными). В этой связи отсутствие полного соответствия семантики слов «травля» и «буллинг» не является надлежащим основанием для утверждения о том, что последний предпочтителен для использования в качестве юридического термина (даже при его надлежащем законодательном определении). Таким образом, в качестве юридического термина для обозначения феномена жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения с незащищенным или беспомощным лицом, в том числе ребенком, более подходящим является слово «травля» (на что указывает его присутствие в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года).

Содержание третьего понятия, «агрессивное поведение» (в котором слово «лиц», используемое в Методических рекомендациях для указания субъекта действия, является излишним), представляется более широким, нежели рассматриваемое явление, включающим множество разнородных (являющихся противоправ-

ными либо относящихся к антиобщественному поведению) действий. В связи с этим оно может использоваться только как родовое по отношению к обсуждаемому законодателем единому понятию травли как особой разновидности агрессивного поведения.

В связи с этим первое из рассматриваемых предложений законодателей является корректным в части предложенной терминологии. Вместе с тем лингвистический аспект важный, но не единственный: куда существеннее юридическая сторона вопроса — тот эффект, который будет иметь введение данного термина в юридический оборот как правового деяния, влекущего необходимость определения субъектного состава и ответственности за его совершение.

Целесообразность введения нового юридического термина

В юридической науке вопрос о необходимости законодательного закрепления единого понятия и ответственности за травлю, в том числе осуществляемую в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, является дискуссионным: исследователи выступают как за²², так и против такого решения²³ (хотя все без исключения авторы из числа тех, чьи работы были нами изучены, отмечают актуальность и распространенность данной проблемы). Вторая позиция представляется более обоснованной по следующим причинам.

«Травля» («буллинг») — это описательное обозначение, включающее в себя довольно широкий перечень различных проявлений психологического и физического насилия, на систематической основе осуществляемого непосредственно либо опосредованно в отношении потерпевшего отдельным лицом или группой лиц. Отмечается негативное влияние данного явления как на жертву, так и на самих обидчи-

²¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

²² См., например: Авдалян А. Я., Никонович С. Л., Магомедов Ф. Б. О правовом регулировании буллинга в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 116–118; Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97; Романов А. А., Левашова А. В., Сиденко К. О., Михайлова Е. А. Сущность буллинга как социально-правового явления // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 98–106.

²³ См., например: Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 95–102; Беднягина Ю. А. Буллинг: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 282–283.

ков (в частности, указывается высокая вероятность их дальнейшей криминализации). Это объединение в значительной степени условно и с юридической точки зрения неоправданно (хотя с этической, психологической, социологической, культурологической позиций вполне допустимо).

В публикациях ученых, выступающих за введение обозначающего травлю термина в юридический оборот, большее внимание уделено рассмотрению актуальности (частоты встречаемости и степени общественной опасности данного явления) и специально-теоретических вопросов, но никак не анализу этих терминов с юридических позиций (в частности, того, как урегулированы такие действия, как они могут быть квалифицированы). В тех же случаях, когда проблема рассматривается в строго юридическом контексте, исследователи приходят к выводу об урегулированности спорных общественных отношений и отсутствии необходимости в закреплении дополнительных терминов; так, отмечается, что «буллинг — это не правовое понятие, однако если опираться на исследования психологов и социологов, которые относят к буллингу такие действия, как унижения, физическое насилие, распространение ложной информации о жертве буллинга и другие, то, проанализировав российскую нормативную базу, приходим к выводу о том, что буллинг — это комплексное явление, охватывающее несколько отраслей права — гражданское, административное, уголовное»²⁴.

В Методических рекомендациях дается указание на широкий перечень действий, подразумевающих физическое или психологическое насилие над личностью: к первой категории относятся толчки, удары, пинки, побои, нанесение телесных повреждений, действия сексуального характера и др., ко второй — оскорбления, угрозы, преследование, запугивание, изоляция, вымогательство денег и ценных вещей, действия с имуществом жертвы (намеренное повреждение, воровство, грабеж). Данный комплекс действий, обозначаемых термином «травля», имеет сходный механизм, но дифференцированную уголовно- и административно-правовую характеристику.

Отдельно следует остановиться на термине «кибербуллинг»; он обозначает то же явление — совокупность различных агрессивных действий, однако совершаемых посредством цифровой электроники через информационно-телекоммуникационные сети²⁵. С точки зрения терминологической корректности к вышеприведенным проблемам добавляются вопросы, возникающие в связи с использованием компонента «кибер»: призванный указать на техническую сторону совершаемых действий, он не вполне адекватно отражает реальный механизм действий, заключающийся в компьютерно-опосредованной коммуникации (как чисто речевой, так и поликодовой). Особенности рассматриваемой разновидности данного явления подразумевают невозможность физического контакта, что предполагает реализацию агрессии преимущественно в речевой форме, однако в таком случае возникает вопрос, есть ли смысл объединять различные речевые действия (ответственность за которые уже и так предусмотрена в законе) под новым термином. Практической пользы в такого рода решении не усматривается. Кроме того, лишенное необходимости создание новых сущностей приводит к дальнейшей неопределенности: активное использование калькированного термина «кибербуллинг» повлекло за собой его вольный перевод — новый термин «киберзапугивание»²⁶, не только не охватывающий всю совокупность действий, охватываемых исходным термином (например, оскорбление и клевету), но и характеризующийся высокой степенью оценочности.

Квалификация травли по действующему законодательству

Хотя определения такого правонарушения, как травля (буллинг), законодательство Российской Федерации не содержит, имеющееся в настоящее время обширное правовое регулирование предусматривает ответственность практически за все (каждое) из этих проявлений по отдельности. С уголовно- и административно-правовыми мерами ответственности могут сочетаться меры гражданско-правовые (т.к. существующая

²⁴ Беднягина Ю. А. Указ. соч. С. 283.

²⁵ См.: Копылова О. П., Медведева С. В., Калашникова Ю. В. Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 97–103.

²⁶ Левашова О. В., Сотников И. Л. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве // Закон и право. 2022. № 11. С. 176.

система правовых мер предусматривает различные способы защиты и восстановления нарушенного права). Те деяния, которые имеют место, будут квалифицироваться по тем или иным существующим составам (возможно — по их совокупности). Предусмотрены следующие меры ответственности в зависимости от характера совершенных действий, составляющих объективную сторону травли (агрессивного поведения):

— административные (ст. 5.61, 5.61.1, 5.62, 7.17, 20.1, 20.3.1 КоАП РФ);

— уголовные (ст. 110–110.1, 115–117, 119, 128.1, 131–133, 137–138, 148, 213, 282 УК РФ);

— а также гражданско-правовые (ст. 150–152.1, гл. 59 ГК РФ).

В литературе со ссылками на зарубежный опыт рассматриваются два основных подхода к профилактике и борьбе с травлей (буллингом): принятие локальных либо законодательных нормативных актов (при этом последним, как позволяющим более тщательно и единообразно проработать проблему, отдается предпочтение)²⁷. Возможны следующие варианты правового регулирования противодействия травле: введение новых административных и/или уголовных статей либо совершенствование уже имеющегося правового регулирования.

Возможные направления совершенствования юридической ответственности за травлю

Встает вопрос о желательности и обоснованности первого варианта (принять новый закон, ввести новый термин — это простое решение, которое может разбалансировать существующую систему юридических составов, серьезно осложнить правоприменение по ним). Введение новых статей, предусматривающих юридическую ответственность за весь комплекс деяний, обозначаемых термином «травля», вероятнее всего, приведет к проблемам в их разграничении при квалификации совершенных деяний.

Представляется, что второе направление (совершенствование ответственности за отдельные действия, совокупно обозначаемые термином «травля») всё же более перспективное. Это

могут быть точечные поправки, предусматривающие квалифицирующие признаки для уже закрепленных в законе юридических составов. При этом рекомендуется дать в нормативном акте (это может быть уже имеющийся или новый закон либо подзаконный правовой акт, в том числе акт стратегического планирования) юридический термин «травля» и его развернутое толкование, что позволит обеспечить единство его понимания и выстроить непротиворечивую систему эффективных профилактических мер. Следует помнить, что данное понятие (ввиду множественности конкретных его проявлений) может быть громоздким либо не в полной мере отражающим обозначаемое явление; в связи с этим при его закреплении следует уделить особое внимание вопросу юридической техники, ориентируясь на уже имеющиеся в законодательстве объемные категории (хороший пример — понятие «экстремистская деятельность», закрепленное в соответствующем Законе).

Несмотря на то что некоторый интерес вызывают предложения о совершенствовании понятия хулиганства²⁸, следует заключить, что они не совсем корректны в свете правовой позиции Верховного Суда РФ (следует отграничивать хулиганство от других преступлений, в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий; под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода)²⁹.

Кроме того, нельзя согласиться с тем, что уголовно-правовые признаки травли (буллинга) полностью охватываются данным составом (т.к. личные неприязненные отношения и хулиганские побуждения зачастую являются взаимноисключающими), а сам термин «хулиганство» следует рассматривать как некорректный с юридической точки зрения перевод термина «буллинг». В этой связи лучшие перспективы

²⁷ См.: Голованова Н. А. Указ. соч. С. 113–123.

²⁸ См.: Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Указ. соч. С. 95–102.

²⁹ П. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. Январь.

могут усматриваться в оптимизации состава преступления, закрепленного статьей 117 УК РФ и предусматривающего ответственность за истязание.

Вариант с введением дополнительногоотягчающего обстоятельства, аналогичный принятому в законопроекте № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”))», представляется неприменимым, т.к. связанные с осуществлением травли обстоятельства уже закреплены в таком качестве (п. 3, 4 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ; п. «в», «е», «ж-и», «п», в дальнейшем — также п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Вместе с тем в качестве дополнительной меры, направленной на противодействие совершению противоправных действий (в том числе различных проявлений травли) в образовательных организациях, можно предусмотреть новое отягчающее обстоятельство — совершение административного правонарушения либо преступления в образовательной организации (в связи с тем, что это противоречит единым целям обучения и воспитания).

Заключение

Таким образом, термин «травля» представляется более удачным для юридического описания анализируемого явления, но не в качестве обозначения для нового состава преступления (введение которого может привести к правовым коллизиям), а в качестве обобщающего обозначения (номинации), характеризующего совокупность вышеперечисленных противоправных действий. Ответственность за такие действия, широко распространенные и характеризующиеся общественной опасностью, уже установлена действующим законодательством. Для эффективного противодействия травле на юридическом уровне в случае необходимости возможны точечное совершенствование и актуализация правовых составов, предусматривающих ответственность за отдельные проявления травли (при внесении любых изменений следует анализировать их эффект для всей системы соответствующих правовых норм).

Противодействие такому нежелательному явлению, как травля, является комплексным, должно строиться на эффективном сочетании запретительно-ограничительных мер и мер воспитательных, направленных на формирование высоконравственной культурной личности и обеспечение нулевой терпимости общества к агрессивному физическому и психологическому насилию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдалян А. Я., Никонович С. Л., Магомедов Ф. Б. О правовом регулировании буллинга в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 8 (176). С. 116–118.
- Беднягина Ю. А. Буллинг: уголовно-правовой и криминологический аспекты // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 10 (173). С. 282–283.
- Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97.
- Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Осипова Е. В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2022. № 4. С. 11–17.
- Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // *Журнал российского права*. 2018. № 8 (260). С. 113–123.
- Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы // *Вопросы образования*. 2021. № 4. С. 220–242.
- Копылова О. П., Медведева С. В., Калашникова Ю. В. Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования // *Право: история и современность*. 2021. № 1 (14). С. 97–103.
- Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022. Т. 13. № 4. С. 910–926.

Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 95–102.

Левашова О. В., Сотников И. Л. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве // Закон и право. 2022. № 11. С. 175–177.

Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90.

Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 110–125.

Романов А. А., Левашова А. В., Сиденко К. О., Михайлова Е. А. Сущность буллинга как социально-правового явления // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 98–106.

Albertson A. K. Criminalizing bullying: why Indiana should hold the bully responsible // Indiana Law Review. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 243–271.

REFERENCES

Albertson AK. Criminalizing bullying: Why Indiana should hold the bully responsible. *Indiana law review*. 2014;48(1):243-271.

Avdalyan AYа, Nikonovich SL, Magomedov FB. On the legal regulation of bullying in the Russian Federation. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. 2019;8(176):116-118. (In Russ.).

Bednyagina YuA. Bullying: Criminal law and criminological aspects. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2022;10(173):282-283. (In Russ.).

Bochkareva EV, Strenin DA. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2021;15(1):91-97. (In Russ.).

Golovanova NA. Problems of combating bullying: A legislative solution. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;8(260):113-123. (In Russ.).

Ivanyushina VA, Khodorenko DK, Aleksandrov DA. The prevalence of bullying: Age and gender differences, the importance of the size and type of school. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. 2021;4:220-242. (In Russ.).

Kochoi SM, Trapaidze KZ. Armed attacks and murders in educational institutions: Criminal law and criminological assessment. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2022;13(4):910-926. (In Russ.).

Kopylova OP, Medvedeva SV, Kalashnikova YuV. Cyberbullying in modern conditions: Possibilities of legal regulation. *Pravo: istoriya i sovremennost*. 2021;1(14):97-103. (In Russ.).

Kurbenkov VA, Novoseltsev AYu. Bullying in Russian schools: Legal problems of prevention. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;3:95-102. (In Russ.).

Levashova OV, Sotnikov IL. Cyberbullying in the modern Internet space. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2022;11:175-177. (In Russ.).

Novikova MA, Rean AA, Konovalov IA, Bullying in Russian schools: The experience of diagnosing the prevalence, gender and age characteristics and the relationship with the school climate. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. 2021;3:62-90. (In Russ.).

Pudovochkin YuE, Babaev MM. Modern rule-making as the basis for the formation of a new theory of criminalization. *Lex russica*. 2023;76(1):110-125. (In Russ.).

Romanov AA, Levashova AV, Sidenko KO, Mikhailova EA. The essence of bullying as a socio-legal phenomenon. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law]*. 2021;11(1A):98-106. (In Russ.).

Volchetskaya TS, Kozyreva IE, Osipova EV. Criminalistic and psychological features of violence in secondary schools. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Proceedings of the TSU. Economic and Legal Sciences]*. 2022;4:11-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галяшина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
eigalyashina@gmail.com

Богатырев Константин Михайлович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
kbog@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eigalyashina@gmail.com

Konstantin M. Bogatyrev, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kbog@rambler.ru

*Материал поступил в редакцию 22 июня 2024 г.
Статья получена после рецензирования 7 июля 2024 г.
Принята к печати 15 декабря 2024 г.*

*Received 22.06.2024.
Revised 07.07.2024.
Accepted 15.12.2024.*

В. А. Батырь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства

Резюме. В статье на основе исследования доктринальных источников, договорно-правового регулирования и материалов судебной практики определены правовые модели установления актов агрессии: нюрнбергско-токийская модель (как договорная, лишь констатирующая факт агрессивной войны и в определенной степени функциональная для целей установления индивидуальной уголовной ответственности) и универсальная модель ООН (или политико-правовая модель, связанная с установлением акта агрессии как нарушения территориальной неприкосновенности или политической независимости государств и с последующей передачей дела в Международный уголовный суд для привлечения к ответственности виновных лиц). Отмечена тенденция установления завышенной «международности» в определении актов агрессии посредством отстранения национальных юрисдикций от возможности квалификации актов вооруженного нападения через констатацию уставного полномочия Совета Безопасности ООН в определении совершенного акта агрессии (ст. 39 Устава ООН). Рассмотрены региональные и двусторонние модели противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств. Предложена объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий как субъективного вменения потерпевшим государством (группой государств) совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств), которая может быть реализована в законодательстве и правоприменительной практике России. Статья отражает основные тезисы выступления профессора В. А. Батыря 28 мая 2024 г. на круглом столе в Совете Федерации Федерального Собрания РФ на тему «Понятие “агрессия” в международном праве и российских доктринальных документах».

Ключевые слова: агрессия; агрессивная война; нюрнбергско-токийская модель; универсальная модель ООН; региональная, двусторонняя модель противодействия актам агрессии; объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий; преступление против мира; право на индивидуальную или коллективную самооборону; принципы международного права; Международный Суд ООН; Международный уголовный суд; Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации; военное положение; право военного времени

Для цитирования: Батырь В. А. Концептуальные подходы к международно-правовому определению понятия «агрессия» и проблемы совершенствования российского законодательства. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 95–116. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116

Conceptual Approaches to the International Legal Definition of the Concept of «Aggression» and the Problems of Improving Russian Legislation

Vyacheslav A. Batyr

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Based on the study of doctrinal sources, contractual legal regulation and judicial practice materials, the paper defines legal models for the establishment of acts of aggression: the Nuremberg-Tokyo model (as a contractual one, only stating the fact of aggressive war and to a certain extent functional for the purpose of establishing individual criminal responsibility) and the universal UN model (or a political and legal model related to the establishment of an act of aggression as a violation of the territorial integrity or political independence of states and with the subsequent transfer of the case to the International Criminal Court for prosecution to bring the perpetrators to justice). There is a tendency to overestimate the «internationality» in defining acts of aggression by removing national jurisdictions from the possibility of qualifying acts of armed attack by stating the statutory authority of the UN Security Council in determining the committed act of aggression (Article 39 of the UN Charter). The «regional» and «bilateral» models of countering acts of aggression within the framework of fulfilling allied obligations are considered. An objective model of suppressing an armed attack and its consequences is proposed as a subjective imputation by the injured state (group of states) of committing an act of aggression to the aggressor state (group of states), which can be implemented in the legislation and law enforcement practice of Russia. The paper reflects the main points from the speech delivered by Professor Batyr on May 28, 2024 at a round table in the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on the topic «The concept of aggression in international law and Russian doctrinal documents».

Keywords: aggression; war of aggression; Nuremberg-Tokyo model; United Nations universal model; regional, bilateral model of countering acts of aggression; objective model of suppression of armed attack and its consequences; crime against peace; right to individual or collective self-defense; principles of international law; International Court of Justice; International Criminal Court; Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; martial law; laws of war

Cite as: Batyr VA. Conceptual Approaches to the International Legal Definition of the Concept of «Aggression» and the Problems of Improving Russian Legislation. *Lex Russica*. 2025;78(1):95-116. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.095-116

Введение

Определение агрессии как политико-правового феномена справедливо относят к числу наиболее сложных вопросов современного международного права, а преступление агрессии считается наиболее тяжким деянием, направленным против международного мира, со времен Нюрнбергского трибунала¹, чем и объясняется потребность в их теоретико-методологическом осмыслении². Это обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, преобладающие в российской и зарубежной доктрине подходы позволяют констатировать, что совершение акта агрессии предполагает осуществление активных действий государства³ (в лице подконтрольных ему вооруженных сил, действующих от его имени и в его интересах), состоящих в применении вооруженного насилия против территории другого государства, его вооруженных сил (сухопутных, морских или воздушных) либо территориальных объектов (в том числе государственных морских и воздушных судов).

¹ Кибальник А. Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 300.

² Лобач Д. В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 38.

³ Понятие «государство» охватывает различные органы управления, а также представителей государства, действующих в таком качестве. См.: Конвенция ООН «О юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности», принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 02.12.2004 59/38. Подпункты (i) и (iv) п. 1(b) ст. 2 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml.

Во-вторых, с доктринальной точки зрения представляется возможным обозначить две достаточно четко определенные правовые модели установления актов агрессии: нюрнбергско-токийскую (как договорную, лишь констатирующую факт *агрессивной войны* и в определенной степени функциональную для целей установления индивидуальной уголовной ответственности) и универсальную модель ООН (или политико-правовую модель, связанную с установлением акта *агрессии* как нарушения территориальной неприкосновенности или политической независимости государств и последующей передачей дела в Международный уголовный суд для привлечения к ответственности виновных лиц). Полагаем, что основу такой дифференциации образует использование в первой модели производного от латинского слова «*aggressio*»

(«нападение») имени прилагательного, а во второй — имени существительного. Для противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств также разработаны, но в меньшей степени исследованы региональные и двусторонние модели.

В-третьих, предварительной констатации подлежит тот факт, что в советской⁴ и российской⁵, а также зарубежной⁶ литературе явно прослеживается тенденция установления завышенной «международности» в определении актов агрессии посредством отстранения национальных юрисдикций от возможности квалификации актов вооруженного нападения через констатацию уставного полномочия Совета Безопасности ООН в определении совершенного *акта агрессии* (ст. 39 Устава ООН). При этом инициализация привлечения индивидов к уголовной ответствен-

⁴ См.: Ромашкин П. С. Агрессия — тягчайшее преступление против мира и человечества // Советское государство и право 1963. № 1. С. 55–67; Оманидзе М. М. Об определении понятия агрессии // Правоведение. 1975. № 2. С. 119–125; Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия — тягчайшее международное преступление М.: Юридическая литература, 1980.

⁵ См.: Глотова С. В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 87–96; Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М.: Европейская комиссия, 2008. С. 164–186; Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 112–120; Тимошков С. Г. Формирование юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 136–141; Он же. Агрессия как международное преступление: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2017; Дзейтова Р. Б. Основание индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2024; Малахова О. В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ставрополь, 2003.

⁶ См.: Бьюньон Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2002. № 847. С. 205–233; Blokker N. The Crime of Aggression and the United Nations Security Council // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 867–894; Cassese A. On Some Problematical Aspects of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 841–849; Daboné Z. International law: armed groups in a state-centric system // International Review of the Red Cross. 2011. Vol. 93. Iss. 882. P. 395–423; Kamto M. L'agression en droit international. Paris: A. Pedone, 2010; Kramer R. C., Michalowski R. J. War, Aggression and State Crime: a Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq // British Journal of Criminology. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446–469; Kress C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 851–865; McDougall C. The Crime of Aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court. Cambridge Univ. Press, 2013; Muller-Schieke I. K. Defining the Crime of Aggression under the Statute of the International Criminal Court // Leiden Journal of International Law. 2001. Vol. 14. No. 2. P. 409–430; Zourek J. Enfin une définition de l'agression // Annuaire français de droit international. 1974. Vol. 20. P. 9–30; Pancraccio J. P. Un mutant juridique: l'agression internationale // Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire — IRSEM. 2011. № 7; Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime // The Emerging Practice of the International Criminal Court / ed. by C. Stahn and G. Sluiter. Leiden; Boston, 2009. P. 725–754.

ности также напрямую связана с установлением юридического факта агрессии, т.е. отнесена к надгосударственному уровню.

В связи с существующими угрозами совершения актов агрессии, имеющими целью разрушение российской государственности, вполне уместна и своевременна постановка проблемы, связанной с определением целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве Российской Федерации в целях адекватного реагирования на военные угрозы и превентивного воздействия на источники таких угроз.

Основная часть

«Агрессивная» как имя прилагательное используется в *нюрнбергско-токийской* договорной правовой модели⁷ и является частью речи, с помощью которой обозначают признак предмета, его качество и свойство; в частности, в словосочетании «агрессивная война» именем существительным будет слово «война». Такой подход к установлению противоправности войны основан на толковании термина в узком смысле, предполагающем масштабные (продолжительные) *агрессивные* войны, а понятие получает не более чем концептуальную интерпретацию. Современная международная судебная практика по преступлению агрессии ограничивается лишь нюрнбергским и токийским процессами по итогам Второй мировой войны⁸.

Данная модель предполагает договорное установление (фиксацию) факта агрессивной

войны (равно как и войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений) и учреждение международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников посредством установления индивидуальной уголовной ответственности. Эта модель не подразумевает (хотя прямо и не исключает) осуществление национальной юрисдикции по преступлению «агрессия».

Следует полагать, что эта модель сложилась под влиянием международно-правовых актов, принятых в первой половине XX в. и осуждавших применение вооруженного насилия. Так, с целью предупредить обращение к силе в отношениях между государствами была принята Конвенция о мирном решении международных столкновений (Гаага, 18 октября 1907 г.). В соответствии со ст. 1 Конвенции об ограничении применения силы при взыскании по договорным долговым обязательствам (Гаага, 18 октября 1907 г.) государства согласились не прибегать к вооруженной силе для истребования договорных долгов, взыскиваемых правительством одной страны с правительства другой страны, как причитающихся ее подданным. Конвенция об открытии военных действий (Гаага, 18 октября 1907 г.)⁹ в ст. 1 установила: «...военные действия... не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или *форму* мотивированного объявления войны, или *форму* ультиматума с условным объявлением войны»¹⁰.

В дальнейшем Статут Лиги Наций от 28.07.1919 уже не просто ограничивал право

⁷ Статья 6(а) Устава Нюрнбергского трибунала, который прилагался к Лондонскому соглашению от 08.08.1945, криминализовала преступления против мира, «а именно: планирование, подготовку, развязывание или ведение *агрессивной войны* или *войны* в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий» (влекущих за собой индивидуальную ответственность) (URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>). В свою очередь, статья 5(а) Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока содержала похожую, но несколько более широко сформулированную норму: «Преступления против мира, а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение *объявленной или необъявленной* агрессивной войны или войны, *нарушающей международное право, договоры, соглашения или заверения*, или же участие в совместном плане или заговоре в целях осуществления любого из вышеупомянутых действий». См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/902053853>.

⁸ В исторических исследованиях отмечается, что первым, кто предстал перед судом за ведение агрессивной войны, был претендент на пост сицилийского короля Конрадин фон Гогенштауфен в 1268 г. См.: *Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 312.

⁹ Российская Федерация участвует с 27 ноября 1909 г. (в силу правопреемства).

¹⁰ Выступая по радио 22 июня 1941 г., В. М. Молотов сказал, что германские войска напали на СССР «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, *без объявления войны*». См.: Текст выступ-

государств-членов прибегать к войне, но предусматривал применение санкций в отношении тех государств-членов, которые вступили бы в войну в нарушение его постановлений¹¹. В свою очередь, Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики (Пакт Бриана — Келлога, или Парижский пакт от 27.08.1928)¹² осудил обращение к войне для урегулирования международных споров, и государства обязались отказаться от таковой в своих взаимных отношениях в качестве орудия национальной политики (ст. 1). А вот Конвенция об определении агрессии (Лондон, 3–5 июля 1933 г.)¹³ была принята с целью «определить возможно более точным образом понятие агрессии, дабы

предупредить всякий повод к ее оправданию» (собственно действия, образующие агрессию, перечислены в ст. II Конвенции).

Вполне очевидно, что указанными выше международными договорами руководствовались в 1945 г. разработчики Берлинской декларации (или Декларации о поражении Германии)¹⁴, Лондонского соглашения¹⁵, а признаки преступления агрессии были восприняты Уставом Нюрнбергского международного военного трибунала¹⁶ и Уставом Международного военного трибунала для Дальнего Востока¹⁷. Вместе с тем по условиям безоговорочной капитуляции сил государств-агрессоров Германия и Япония передавали свою верховную власть странам —

ления по радио заместителя председателя СНК СССР наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: рукописный вариант. [Б. м.], 22 июня 1941. 4 л. // URL: <https://www.prlib.ru/item/456566>.

¹¹ Так, согласно ст. 10 Статута «члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целостность и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». В статье 16 Статута указано, что если член Лиги прибегает к войне, то он *ipso facto* рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги. 14 декабря 1939 г., на 20-й сессии Ассамблеи Лиги Наций, СССР был признан виновным в агрессии против Финляндии и постановлением Совета Лиги Наций (принятого с очевидными нарушениями) исключен из ее состава.

¹² СССР присоединился к Договору 29 августа 1928 г., он вступил в силу для СССР 27 апреля 1929 г. РФ участвует в нем в силу правопреемства.

¹³ На сайте МИД РФ указана как действующая лишь редакция от 03.07.1933. См.: URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51486/.

В действительности Лондонскую конвенцию с идентичным содержанием подписывали три раза: 3 июля — представители СССР, Эстонии, Латвии, Польши, Румынии, Турции, Ирана и Афганистана (в 1934 г. к этой Конвенции присоединилась Финляндия); 4 июля — представители СССР, Чехословакии, Югославии, Турции и Румынии; 5 июля — представители СССР и Литвы. Участие Турции и Румынии в двух конвенциях идентичного содержания объяснялось желанием стран, входивших в состав Балканской Антанты и Малой Антанты, подписать конвенцию в качестве государств — участников соответствующих блоков. Конвенции ратифицированы ЦИК Союза ССР 17 августа 1933 г., вступили в силу для СССР 17 февраля 1934 г. Единообразный текст конвенций опубликован в: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1934. Отд. II. № 6. Ст. 46.

¹⁴ Декларация о поражении Германии и принятии верховной власти в отношении Германии правительствами Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Временного правительства Французской Республики // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/171883>.

¹⁵ Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси (Лондон, 08.08.1945) // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/241259>.

¹⁶ Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 // URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/376004-ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-8-avgusta-1945-g>.

¹⁷ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902053853>.

Токийский международный военный трибунал был создан без договора в его классическом понимании на основании Потсдамской декларации и решения Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (1945 г.). См. подробнее: Малеев Ю. Н. Кого и как судили в Нюрнберге (история с продолжением) // Международное право. 2006. № 3 (27). С. 191–220.

союзницам по антигитлеровской коалиции¹⁸, т.е. юрисдикция трибуналов была производна от национальной юрисдикции капитулянтов. Этот непреложный вывод подтверждается материалами судебной практики¹⁹.

В конечном итоге нюрнбергско-токийская модель фиксирует четыре элемента, характеризующих войну как «агрессивную» (в частности: планирование, подготовку, развязывание или ее ведение), и не содержит детальный перечень действий, образующих «акты агрессии». И это неудивительно, поскольку использованные в уставах международных военных трибуналов формулировки предназначались лишь для установления индивидуальной уголовной ответственности и наказания главных военных преступников. По нашему мнению, сегодня эта модель может быть задействована лишь в отношениях между государствами, связанными обязательствами по договорам, осуждающим и криминализирующим применение вооруженного насилия.

Сформулировав задачу изменить Россию как великую державу путем ее расчленения и уничтожения, в условиях длящегося международного вооруженного конфликта на Украине страны Запада настойчиво продвигают идею²⁰ о создании «специального трибунала по преступ-

лениям агрессии России»²¹, в основе которой несложно разглядеть нюрнбергско-токийскую модель. В том же русле, но в противоположном направлении — к торжеству справедливости — в России идет проработка «общей формулы» проведения международного трибунала по военным преступлениям, совершенным на Украине киевским режимом²².

Политико-правовая универсальная модель ООН связывает угрозу силой или ее применение (как акт агрессии) с нарушением «*территориальной неприкосновенности или политической независимости*» государства. Она концептуально развивает положения, заложенные в Статуте Лиги Наций, о передаче государствами права на установление факта агрессии и принятие мер против агрессора международной межправительственной организации. В ее основе лежит парадигма использования термина «агрессия» как имени существительного, которое представляет собой самостоятельную часть речи, обозначает предмет или явление и отвечает на вопросы «кто?» или «что?». Несмотря на то что в международном праве отсутствует универсальное договорное закрепление понятия «агрессия», данная модель предполагает установление (фиксацию) факта агрессивной войны единственным уполномоченным

¹⁸ См.: Акт о военной капитуляции Германских Вооруженных Сил (Берлин, 8 мая 1945 г.) // URL: <https://base.garant.ru/2569366/>; Акт о капитуляции Японии (Токийская бухта, 2 сентября 1945 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/901785619>.

¹⁹ Так, в решении ЕСПЧ от 02.03.2005 «По вопросу приемлемости жалоб № 71916/01, 71917/01 и 10260/02 “Вольф-Ульрих фон Мальтцан (Wolf-Ulrich von Maltzan) и другие”, “Маргарете фон Цитцевитц (Margarete von Zitzewitz) и другие” и “Ман Ферроштааль” (Man Ferrostaal) и Альфред Тепфер Стифтунг (Alfred Topfer Stiftung) против Германии» было установлено (п. 80(a)), что послевоенная оккупация Германии была «оккупацией sui generis», которая «предоставила полномочия суверенитета» союзным державам. См.: URL: https://e-ecolog.ru/docs/-w7smw6t243dtmE9V6ySJ?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

²⁰ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1841537/.

²¹ Так, в ноябре 2022 г. Европейская комиссия высказалась за создание трибунала по агрессии. Тогда же она предоставила на рассмотрение членов Европейского Союза две опции: 1) создание специального независимого международного трибунала на основании многостороннего договора и 2) создание гибридного трибунала — специализированного суда, интегрированного в национальную систему правосудия, с международным составом судей (URL: https://zakon.ru/blog/2023/03/10/tribunal_po_prestupleniyu_agressii_vozmozhny_varianty). В январе 2023 г. была принята Резолюция Европейского парламента о создании специального трибунала «по преступлениям агрессии России против Украины» (URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20230113IPR66653/ukraine-war-meps-push-for-special-tribunal-to-punish-russian-crimes>). С 2023 г. действует Международный центр по расследованию преступления агрессии против Украины (ICPA, встроенный в Eurojust) (URL: <https://www.eurojust.europa.eu/international-centre-for-the-prosecution-of-the-crime-of-aggression-against-ukraine>).

²² URL: <https://iz.ru/1578875/2023-09-25/v-mid-rf-zaiavili-o-sozdanii-mezhdunarodnogo-tribunala-po-prestupleniyam-ukrainy>.

1 марта 2022 г. был создан Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников (URL: https://www.oprf.ru/detail_project/36).

органом — Советом Безопасности ООН и последующую передачу дела в Международный уголовный суд для установления индивидуальной уголовной ответственности. Очевидно, что об осуществлении национальной юрисдикции в рамках рассматриваемой модели речь тоже не идет.

Рассматриваемый подход криминализирует применение вооруженной силы в межгосударственных отношениях через нарушение общепризнанного принципа международного права неприменения силы или угрозы силой (п. 4 ст. 2 Устава ООН). В рамках данной модели пределы противоправности существенно шире: нет необходимости в констатации «агрессивной войны», поскольку важен сам факт осуществления враждебного акта («применения силы») против охраняемых интересов государства либо покушения на совершение такого деяния или угрозы совершить его. Однако при таком подходе требуется обоснование нарушения «территориальной неприкосновенности» и (или) «политической независимости», что не во всех случаях проблемно.

Следует полагать, что «агрессия» — понятие современного международного права, которое охватывает любое неправомерное с точки зрения Устава ООН применение вооруженной силы одним государством против территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства как нарушение обязательства *erga omnes* (обязательства относительно всех), вытекающего «из объявления вне закона актов агрессии»²³. Агрессия не может быть оправдана никакими соображениями любого характера (политического, экономического, военного или иного) и является

преступлением против международного мира. Также понятие агрессии включает в качестве обязательного признака *первенства* или *инициативы* (применение каким-либо государством или коалицией государств вооруженной силы первыми).

Действуя в русле договорных обязательств по Уставу ООН, мировое сообщество признает дискреционные полномочия Совета Безопасности ООН по установлению факта совершения агрессии и принятию принудительных мер, направленных на подавление актов агрессии²⁴. Однако Совет Безопасности ООН может сделать вывод о том, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера и поэтому не могут быть квалифицированы в качестве агрессии (например, пограничный инцидент). В этом случае идет речь о дифференциации степени общественной опасности противоправного применения вооруженного насилия. Обязательство государств подчиняться решениям Совета Безопасности ООН и выполнять их закреплено в ст. 25 Устава ООН. У России, как, впрочем, и у других постоянных членов Совета Безопасности ООН, есть мощный рычаг влияния на принятие таких решений (право вето)²⁵.

В этом ключе «Определение агрессии» (утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974 3314 (XXIX)) формулирует основные принципы в качестве руководства для определения агрессии Советом Безопасности ООН (10-я мотивировка) и исходит из того, что таковой является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или

²³ См.: § 34 решения Международного суда ООН по делу «Барселона Трэкшн Лайт энд Пауэр Компани Лимитед» (Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited) (Бельгия против Испании) от 05.02.1970 // URL: <https://law.justia.com/cases/foreign/international/1970-icj-rep-3.html>.

²⁴ Так, в случае вторжения вооруженных сил Ирака в Кувейт Совет Безопасности ООН в соответствии со ст. 39 Устава ООН осудил вторжение и счел, что «имеет место нарушение международного мира и безопасности» (Резолюция от 02.08.1990 660). В Резолюции от 06.08.1990 661 ситуация была охарактеризована как «вооруженное нападение Ирака на Кувейт» и «оккупация» Кувейта, а затем «аннексия Кувейта Ираком», которая была признана недействительной (Резолюция от 18.08.1990 664). См.: URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/resolutions-adopted-security-council-1990>. Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (в ред. Федерального закона от 01.05.2019 № 83-ФЗ) формулирует понятие таких принудительных мер (ч. 6 ст. 3) и регламентирует участие России в их применении (ст. 41). См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24826>.

²⁵ Право вето прямо не предусмотрено Уставом ООН, однако в п. 3 ст. 27 речь идет о «совпадающих голосах всех постоянных членов Совета». О возможном саботаже признания акта агрессии через реализацию права вето см.: Кибальник А. Г. Указ. соч. С. 306.

каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН (п. 1). Подчеркнем, что адресатом указанного определения для его толкования является Совет Безопасности ООН.

В основу упомянутого определения, по нашему мнению, были положены следующие основные критерии, способные проявлять себя в совершенных актах агрессии: 1) осуществление действий государством (на которое возлагается международно-правовая ответственность); 2) применение государством вооруженной силы; 3) направленность противоправных действий против территории (территориальных объектов) другого государства; 4) достаточная степень тяжести совершенных действий²⁶. Рассматриваемое определение со всей очевидностью не предполагает использование применительно к существительному «агрессия» каких-либо прилагательных (например, «идеологическая» или «экономическая») и исключает возможность совершения акта агрессии негосударственными субъектами (вооруженными группами и др.).

Перечисленные в ст. 3 названного определения действия государств в доктрине международного права подразделяются на *прямую* (п. «а–f») и *косвенную* (п. «g»)²⁷ агрессии; указанные подходы находят подтверждение в материалах судебной практики. Так, Международный Суд ООН в своем решении по делу «Военная и военизированная деятельность в Никарагуа и против нее» (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки)²⁸ от 27.06.1986 уточнил понятие *косвенной агрессии*, распространив его на действия государства по оказанию помощи повстанцам, вооруженным бандам в форме предоставления им оружия, материально-технической или иной помощи²⁹.

Очевидно, при таком подходе не исключена вероятность разного рода злоупотреблений. В другом решении по делу «Вооруженная деятельность на территории Конго» (Демократическая Республика Конго против Уганды)³⁰ от 19.12.2005 Международный Суд ООН установил, что, активно оказывая военную, логистическую, экономическую и финансовую поддержку нерегулярным силам, действующим на территории Демократической Республики Конго, Республика Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип недопустимости применения силы, что расценивается как вмешательство.

Характерной для рассматриваемой модели является юридическая конструкция, в соответствии с которой применение вооруженной силы государством *первым* в нарушение Устава является *prima facie* (т.е. верным обстоятельством, до тех пор пока оно никем, ни в каком виде не оспорено) свидетельством *акта агрессии* (п. 2 определения). В результате для жертвы нападения возникает формальный повод для ответного применения вооруженной силы и объявления состояния войны.

В силу ст. 51 Устава ООН потерпевшее государство в связи с вооруженным нападением на него может реализовать свое право на индивидуальную или коллективную самооборону³¹. Таким образом, указанная статья Устава ООН прямо адресована государствам, и, следовательно, факт вооруженного нападения должен определяться первоначально самим потерпевшим государством, следствием чего и будет неоспоримое право в одностороннем порядке прибегнуть к вооруженной силе в порядке самообороны.

В этой связи не утрачивают своей актуальности дискуссии как о возможности осуществ-

²⁶ См.: Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой и В. Садитдиновой. 2-е изд., доп., расшир. М.: МККК, 2013.

²⁷ В литературе также встречается наименование «непрямое вооруженное нападение».

²⁸ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 1948–1991. Нью-Йорк, 1992. С. 198–213.

²⁹ По определению Суда, «вооруженное нападение включает в себя и акты так называемой *косвенной агрессии*, то есть засылки государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно прямому вооруженному нападению» (п. 103). См.: URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>.

³⁰ См.: Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда, 2003–2007. С. 175–196 // URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5387367b4.html>.

³¹ Устав ООН (преамбула) содержит целевую мотивировку: «Обеспечить принятием принципов и установлением методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе, как в общих интересах».

вления превентивной самообороны³², так и о соразмерности применения силы при самообороне³³ (в том числе посредством использования ядерного оружия³⁴). В сущности, «применение вооруженной силы» охватывает все известные средства и методы ведения вооруженной борьбы. Не менее важно учитывать тонкую грань между категориями «война» и «международный вооруженный конфликт», а также применимость к ним норм международного гуманитарного права как *jus in bello*, не касающихся причин применения силы и не оценивающих войну как справедливую или агрессивную.

Правовые последствия установления факта агрессии сводятся к следующим констатациям: 1) агрессивная война является преступлением против международного мира; *агрессия* влечет за собой международную ответственность государства (п. 2 ст. 5 определения); 2) агрессия влечет индивидуальную уголовную ответственность *по международному праву* (за совершение «акта агрессии»).

Свое логическое завершение конструкция *универсальной модели ООН* получила в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г.³⁵ Во-первых, государства-участники 11 июня 2010 г., на 13-м пленарном заседа-

нии первой Обзорной конференции, согласовали текст определения преступления агрессии (ст. 8 bis), сведя воедино элементы двух основных отмеченных подходов. Так, в п. 1 перечислены четыре элемента объективной стороны преступления (планирование, подготовка, инициирование или осуществление) и фактически отражена нюрнбергско-токийская модель. Вторая часть того же пункта криминализирует акты агрессии как индивидуальное участие соответствующих лиц в совершении грубых нарушений Устава ООН. Таким образом, пункт 1 ст. 8 bis Римского статута Международного уголовного суда по содержанию корреспондирует п. 4 ст. 2 Устава ООН. Агрессия требует доказывания как *mens rea*, так и *actus reus*³⁶. Во-вторых, установлена процедура привлечения к ответственности: Международный уголовный суд (в соответствии со ст. 15 bis и 15 ter Римского статута) может осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступления агрессии³⁷ только при передаче ему соответствующей ситуации Советом Безопасности ООН или самим государством *proprio motu* (по собственной инициативе)³⁸.

Высказанные в зарубежных исследованиях предложения о том, что констатация акта аг-

³² См.: *Gray Ch. International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2008. P. 235 ; *Тузмухамедов Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность // Россия в глобальной политике*. 2006. Т. 4. № 2. С. 204–213 ; *Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права*. 2016. № 4. С. 97–124.

³³ См.: *Гринвуд К. Консультативное заключение относительно ядерного оружия и вклад Международного суда в развитие международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста*. 1997. № 316. С. 62–71 ; *Сандо И. Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Международный журнал Красного Креста*. 1997. № 316. С. 7–9.

³⁴ Международный суд ООН указал, что угроза силой или ее применение посредством использования ядерного оружия, противоречащие п. 4 ст. 2 Устава ООН и не отвечающие всем требованиям ст. 51, являются незаконными (постановляющая часть, п. 2С). См.: Консультативное заключение Международного суда относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения, 8 июля 1996 г. // URL: <https://digitallibrary.un.org/record/223450?v=pdf>.

³⁵ URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf).

³⁶ В юрисдикциях общего права большинство преступлений требуют доказательства как *mens rea* (психического состояния), так и *actus reus* (виновного деяния), прежде чем обвиняемый может быть признан виновным.

³⁷ В некоторых исследованиях отмечается, что государства — участники Международного уголовного суда последовали примеру Нюрнбергского трибунала и ограничили круг лиц, несущих уголовную ответственность за агрессию, лишь высшими государственными и военными руководителями и освободили от нее нижестоящих исполнителей. См.: *Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение*. 2013. № 4 (309). С. 112–120.

³⁸ См.: Проблемы правомерности деятельности Международного уголовного суда (заключение Международно-правового совета при МИД России) // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/legal_problems_of-international_cooperation/1949021/.

рессии в современном международном праве утрачивает значение, поскольку может рассматриваться как обычная норма³⁹, не выдерживает критики, поскольку не подтверждается единообразной практикой государств. В свою очередь, строгое следование универсальной модели ООН вообще не предполагает наступление индивидуальной уголовной ответственности за совершение актов агрессии по национальному законодательству, поскольку национальные суды не могут выносить приговоры «по международному праву».

В международно-правовом аспекте правило *jus ad bellum* (право на ведение войны) определяет легитимность применения силы и рассматривается доктриной как основание к вооруженному столкновению⁴⁰, находящее подтверждение в Уставе ООН. При этом если акт агрессии, совершенный против отдельно взятого государства, создает право на индивидуальную самооборону (и образует *casus belli*), то для двух и более государств, связанных обязательствами о коллективной самообороне, означает наступление условия (*casus foederis*), обязывающего оказать помощь союзнику. Действительно, Устав ООН не затрагивает неотъемлемого права государств на коллективную самооборону (ст. 51) и не препятствует существованию региональных соглашений или органов для разрешения вопросов безопасности (п. 1 ст. 52).

Весьма характерно, что в учредительных документах созданных региональных организаций безопасности закрепляется формула

«вооруженное нападение на одно государство — нападение на всех», определяется орган, правомочный констатировать акт агрессии, и устанавливаются механизмы коллективной обороны, помощи и поддержки. В этом находит отражение региональная модель противодействия актам агрессии. Не лишним оснований, хотя и не бесспорным, будет вывод о том, что государства тем самым достаточно своеобразно решили дезавуировать монополию Совета Безопасности ООН на установление актов агрессии, передав на надгосударственный региональный уровень как констатацию факта, так и организацию отражения агрессии. Так, статья 4 Договора о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.)⁴¹ предусматривает, что «если одно из государств-участников подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия против всех государств — участников настоящего Договора». В этом случае государства-участники предоставляют ему необходимую помощь и поддержку (военную и военно-техническую⁴²) в порядке осуществления прав на коллективную оборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Направления деятельности определены в ст. 7 Устава ОДКБ (Кишинев, 7 октября 2002 г.). Совет коллективной безопасности ОДКБ (в составе глав государств-участников) принимает решения, направленные на реализацию ее целей и задач (ст. 13 Устава), в том числе об установлении факта агрессии и задействовании механизмов коллективной обороны⁴³.

³⁹ Так, Герхард Верле и Флориан Джессбергер утверждали, что агрессивные войны криминализируются по обычному праву, но не акты агрессии, не относящиеся к войне. Другие выступали за более широкую концепцию, включающую другие акты агрессии, которые имеют широкомасштабные и серьезные последствия. См.: *Kemp G. Individual Criminal Liability for the International Crime of Aggression. Intersentia, 2016.*

⁴⁰ Право на ведение войны берет свое начало в доктрине справедливой войны (*bellum justum*). См.: *Кольб Р. О происхождении терминологической пары jus ad bellum / jus in bello // Международный журнал Красного Креста. Спец. вып. 320. 1997. С. 80–88.*

⁴¹ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1666031/.

⁴² См.: Протокол о механизме оказания военно-технической помощи государствам — членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (Душанбе, 6 октября 2007 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=102601133&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%E0%EA%F2++.

Решение об оказании такой помощи принимается Президентом РФ. См.: Положение о порядке реализации в Российской Федерации Протокола о механизме оказания военно-технической помощи государствам — членам Организации Договора о коллективной безопасности в случаях возникновения угрозы агрессии или совершения акта агрессии (утв. Указом Президента РФ от 08.04.2013 № 343) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37026>.

⁴³ В случаях, предусмотренных статьей 4 Договора о коллективной безопасности, решение принимается Советом коллективной безопасности незамедлительно в порядке, предусмотренном Правилами про-

Межамериканский договор о взаимной помощи (Рио-де-Жанейро, 2 сентября 1947)⁴⁴ содержит положение (п. 1 ст. 3) о том, что нападение на любую страну из числа его подписавших будет означать нападение на все американские государства. Устав Организации американских государств (Богота, 30 апреля 1948 г.)⁴⁵ в ст. 3 подтвердил как принципы следующие положения: американские государства осуждают агрессивную войну, победа не дает прав (п. «f»); агрессия против одного из американских государств является агрессией против всех остальных (п. «g»). Решение о квалификации акта агрессии принимает Консультативный орган (ст. 9 Договора).

Пакт Африканского союза о ненападении и о создании общей системы обороны (Абуджа, 31 января 2005 г.) определяет агрессию шире, включая не только действия, совершенные против территории, но и нападение на другие составляющие государственности: политический суверенитет и население (ст. 1(с) Пакта). Совет мира и безопасности (PSC) является механизмом коллективной безопасности и раннего предупреждения для содействия своевременному и эффективному реагированию на конфликты и кризисные ситуации в Африке.

Североатлантический договор (Вашингтон, 4 апреля 1949 г.)⁴⁶ устанавливает, что вооруженное нападение на одно или несколько государств-участников в Европе или Северной Америке будет рассматриваться как нападение на них в целом (ст. 5)⁴⁷. Правом определять свершившийся акт вооруженного нападения обладает Североатлантический совет (ст. 9)⁴⁸ — высший политический орган, принимающий решения по всем вопросам деятельности НАТО. Подчеркнем, что статья 6 Договора оперирует простой и понятной категорией «вооруженное нападение» (на территорию, вооруженные силы, суда или летательные аппараты) и не требует оценки как «акт агрессии».

Вместе с тем в доктрине и международной практике не находит удовлетворительного решения проблема осуждения агрессии военного блока, совершенного в отношении государств. Так, итогом более чем пятилетнего рассмотрения Международным Судом ООН жалобы Союзной Республики Югославии (Сербии и Черногории) на агрессивные действия 10 стран — членов НАТО (США, Испании, Бельгии, Канады, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Португалии и Великобритании) весной 1999 г. стали решения от 15.12.2004, в которых Суд не дал правовой оценки действиям агрессора, посчитав, что рассмотрение этих жалоб не входит в его компетенцию. Осуждение очевидного акта агрессии не состоялось.

Следует полагать, что основания для совместной самообороны также создают *двусторонние* союзнические обязательства в сфере обороны, закрепленные в международных договорах. В них находит отражение *двусторонняя* модель противодействия актам агрессии как механизм совместной самозащиты. Однако характерной чертой указанной модели, равно как и *региональных* моделей, является отсутствие механизмов привлечения к индивидуальной уголовной ответственности. Так, Договор о создании Союзного государства (Москва, 8 декабря 1999 г.) предусматривает проведение согласованной политики в области обороны. Военная доктрина Союзного государства (утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 04.11.2021 № 5) в п. 20 установила, что «государства-участники рассматривают любые действия с применением военной силы, направленные против любого из государств-участников, как посягательство на Союзное государство в целом и будут предпринимать соответствующие ответные меры с использованием всех сил и средств, находящихся в их распоряжении».

Идентичные формулировки («Если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется агрес-

цедуры органов Организации Договора о коллективной безопасности (Правило 1) // URL: https://e-ecolog.ru/docs/l6cW_aQWYIA06iDaDKIBq/38.

⁴⁴ URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136174-mezhamerikanskiy-dogovor-o-vzaimnoy-pomoschi-riode-zhaneiro-2-sentyabrya-1947-goda>.

⁴⁵ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902051>.

⁴⁶ URL: https://www.nato.int/cps/ru/SID-36F4D09C-731D53FD/natolive/official_texts_17120.htm?selectedLocale=ru.

⁴⁷ При этом «вооруженное нападение на одну или несколько Договаривающихся сторон включает в себя вооруженное нападение: на территорию любой из Договаривающихся сторон...; на вооруженные силы, суда или летательные аппараты какой-либо из Договаривающихся сторон» (ст. 6).

⁴⁸ URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49763.htm.

сии (вооруженному нападению) со стороны какого-либо государства или группы государств, то это будет рассматриваться как агрессия (вооруженное нападение) также против другой Договаривающейся Стороны») содержат Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзнничестве и стратегическом партнерстве (Сочи, 24 ноября 2014 г.) (п. 1 ст. 6) и Договор между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о союзнничестве и интеграции (Москва, 18 марта 2015 г.) (п. 3 ст. 2). Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой (Пхеньян, 19 июня 2024 г.) предполагает оказание военной помощи в случае нападения на одну из сторон (ст. 4).

В некоторых соглашениях содержатся нормы о недопустимости использования третьим государством территорий договаривающихся государств в целях подготовки или осуществления агрессии⁴⁹.

Механизм совместной обороны на двустороннем уровне реально был задействован в соответствии с договорами о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и соответственно Донецкой и Луганской народными республиками от 21.02.2022. В статье 4 каждого из указанных договоров было закреплено обязательство оказывать помощь, включая военную, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Период выполнения Россий-

ской Федерацией *союзнических обязательств* по защите Донецкой и Луганской народных республик был ограничен временными рамками с 24 февраля по 30 сентября 2022 г.⁵⁰ В период международного вооруженного конфликта между Российской Федерацией и Украиной (с 30 сентября 2022 г.) Россия строго руководствовалась принятыми международно-правовыми обязательствами.

Международный Суд ООН 31 января 2024 г. в принятом итоговом решении по инициированному Украиной в январе 2017 г. разбирательству с Россией на основании Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (МКБФТ)⁵¹ принципиально отказался признать Россию «государством-агрессором», а также отверг украинские инсинуации о том, что ДНР и ЛНР якобы являются «террористическими организациями»⁵².

Полагаем, что с учетом всех обстоятельств вооруженного противостояния (в том числе оказания военной поддержки странами НАТО) с 30 сентября 2022 г. возникла потенциальная возможность констатации факта ведения агрессивной войны Украиной против РФ. Однако существовало ли такое официальное утверждение, нам неизвестно. Вместе с тем в Федеральном законе от 27.11.2023 № 540-ФЗ «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов»⁵³ предусмотрено финансовое обеспечение мероприятий, направленных на обеспечение дополнительной поддержки детей, семей с детьми, пострадавшими от агрессии Украины после 24 февраля 2022 г.⁵⁴

⁴⁹ Так, Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 3 сентября 2019 г.) закрепил положение о том, что «ни одна из Сторон не допускает, чтобы ее территория была использована третьим государством в целях подготовки или осуществления агрессии или иных насильственных действий против другой Стороны» (ст. 4) (URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/58600/).

⁵⁰ 30 сентября 2022 г. были подписаны договоры о принятии в Российскую Федерацию и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов: Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области. Названные субъекты считаются принятыми в Российскую Федерацию с даты подписания указанных договоров. С 20 октября 2022 г. на вошедших в состав Российской Федерации территориях был введен режим военного положения.

⁵¹ URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/166/166-20240131-jud-01-00-en.pdf>.

⁵² URL: <https://www.mid.ru/print/?id=1928844&lang=ru>.

⁵³ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270070>.

⁵⁴ См.: п. 61 ч. 1 ст. 21 указанного Федерального закона. Детализируют положения Закона: Указ Президента РФ от 21.12.2023 № 975 «О мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, пострадавших от агрессии Украины» (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50139>) ; постановление Правительства РФ от 01.03.2024 № 256 «Об утверждении Правил предоставления единовременной выплаты, установленной Указом Президента РФ от 21.12.2023 № 975 “О мерах социальной поддержки семей, имеющих

Вследствие возвращения в состав России «исторических территорий»⁵⁵ претерпела кардинальное изменение и территориальная ситуация. Однако вопрос о государственных границах остается открытым. С одной стороны, продолжают действовать Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе (Киев, 28 января 2003 г.)⁵⁶ и Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о демаркации российско-украинской государственной границы (Киев, 17 мая 2010 г.)⁵⁷. С другой стороны, положения указанных договоров вступают в явное противоречие с нормами российского законодательства, что недопустимо. Так, идентичные положения ч. 2 ст. 3 федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ (о принятии в Российскую Федерацию и образовании в ее составе новых субъектов) устанавливают, что граница новых субъектов РФ, сопряженная с тер-

риторией иностранного государства, является Государственной границей РФ. Таким образом, основания для выхода России из указанных выше договоров с Украиной более чем убедительные⁵⁸.

В контексте рассматриваемых проблем подчеркнем, что решения коллегиальных международных органов имеют иную правовую природу и носят рекомендательный характер, а попытки преодолеть «невыполнение Советом Безопасности его обязанностей», когда «имеются основания усматривать угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии», предпринимались неоднократно⁵⁹ и должны рассматриваться как узурпация полномочий. Так, Генеральная Ассамблея ООН приняла ряд резолюций, указывающих на агрессию, якобы совершенную Российской Федерацией против Украины⁶⁰. Однако факт констатации акта агрессии в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН не является правоустанавливающим⁶¹, поскольку такие резо-

детей, пострадавших от *агрессии Украины*, а также перечня документов (сведений), необходимых для ее назначения» (URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202403040008>).

⁵⁵ Историки утверждают, что к ним также относятся Днепропетровская, Кировоградская, Николаевская и Одесская области.

⁵⁶ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46278/.

⁵⁷ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45176/.

⁵⁸ Так, закрепленные в Заключительном акте СБСЕ принципы нерушимости границ (принцип III), территориальной целостности государств (принцип IV) вступают в объективное противоречие с принципом самоопределения народов (п. 2 ст. 1 Устава ООН, трансформированный в принцип VIII Заключительного акта — «право народов распоряжаться своей судьбой»). Международный Суд ООН в консультативном заключении от 22.07.2010 постановил, что принятие Декларации о независимости (Косово) от 17.02.2008 не нарушало общих принципов международного права, поскольку международное право не содержит «запрета на провозглашение независимости» (URL: http://www.icls.de/dokumente/icj_advisory_opinion_kosovo_en.pdf).

⁵⁹ Так, в Резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 03.11.1950 377 «Единство в пользу мира» отмечалось, что в случае непримиримых разногласий между постоянными членами Совета Безопасности ООН по поводу акта агрессии Генеральная Ассамблея ООН может «сделать рекомендации» членам ООН относительно коллективных мер, включая — в случае нарушения мира или акта агрессии — применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. См.: URL: <https://www.un.org/ru/ga/about/garules/r5-377.pdf>.

⁶⁰ В частности, Резолюцию от 02.03.2022 ES-11/1 «Агрессия против Украины», которая «самым решительным образом» осудила «агрессию, совершенную Российской Федерацией против Украины в нарушение ст. 2 Устава ООН»; Резолюцию от 24.03.2022 ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»; Резолюцию от 07.04.2022 ES-11/3 «Приостановление права Российской Федерации на членство в Совете по правам человека»; Резолюцию от 12.10.2022 ES-11/4 «Территориальная целостность Украины: защита принципов Устава Организации Объединенных Наций»; Резолюцию от 14.11.2022 ES-11/5 «Содействие средствам правовой защиты и возмещению ущерба за агрессию против Украины» («Обеспечение возмещения ущерба и репарации за агрессию против Украины»), которая была нацелена на получение репараций, фактически грабеж российских активов; Резолюцию от 02.03.2023 ES-11/6 «Принципы Устава Организации Объединенных Наций, лежащие в основе всеобъемлющего, справедливого и прочного мира в Украине».

⁶¹ В частности, Генеральная Ассамблея не может делать какие-либо рекомендации, касающиеся спора или ситуации, если Совет Безопасности не запросит об этом (п. 1 ст. 12 Устава ООН). Крайние меры, к

люции носят сугубо рекомендательный характер (ст. 10–11, 14 Устава ООН), а особенности их принятия путем выдвижения США ультимативных требований о «правильном голосовании» их западным «союзникам» хорошо известны.

Отмеченные обстоятельства позволяют также объяснить «связанность рук» при принятии ряда решений, в частности, осуждающих военную операцию НАТО против Югославии, состоянием международно-правового регулирования и оценками Совета Безопасности ООН⁶². Причина кроется в том, что в данном случае факт агрессии не был установлен Советом Безопасности ООН.

Основанием к постановке проблемы о целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве РФ явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли международно-правовым обязательствам положения российского законодательства военного времени, и необходимость обосновать возможные пути его совершенствования в правотворчестве и правоприменении. В этом смысле под целесообразностью должны пониматься практическая полезность⁶³ и соответствие государственным интересам.

Отправной точкой экспертных оценок состояния российского законодательства (но не правоприменительной практики в отсутствие таковой) будет суждение о том, что отождествление «агрессивной войны» и «агрессии» является ошибочным и недопустимо, о чем говорилось выше.

Во-первых, корреспондирующие конституционные положения о том, что Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории (ч. 3 ст. 4 Конституции), защиту своего суверенитета и территориальной целостности (ч. 2.1 ст. 67

Конституции), позволяют утверждать, что агрессию против РФ следует рассматривать как явление (юридический факт), определяемое в соответствии с международным правом в рамках универсальной модели ООН и региональной модели противодействия актам агрессии (в частности, ОДКБ). Этот вывод находит подтверждение в ст. 79 Конституции РФ о передаче части своих полномочий межгосударственным объединениям и ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритете правил / норм международных договоров перед нормами законов, равно как и в тезисе о том, что общепризнанный принцип неприменения силы или угрозы силой является составной частью российской правовой системы. Равным образом применима *двусторонняя* модель противодействия актам агрессии как механизм совместной самозащиты, а также собственно модель индивидуальной самозащиты.

Во-вторых, в российском законодательстве получила закрепление и действует следующая правовая модель: акт агрессии, равно как и непосредственная угроза агрессии, влечет введение *военного положения* как специального административно-правового режима⁶⁴. При этом важнейший вопрос констатации собственно факта агрессии в законодательстве не разрешен, а лишь презюмируется, что далеко не одно и то же. В частности, в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии Президент РФ вводит *на территории* Российской Федерации или в отдельных ее местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ). К ведению Совета Федерации относится утверждение такого указа Президента РФ (п. «б» ч. 1 ст. 102 Конститу-

которым относятся приостановление осуществления прав и привилегий государства или исключение его из ООН (ст. 5–6 Устава ООН), осуществляются Генеральной Ассамблеей ООН исключительно по рекомендации Совета Безопасности ООН.

⁶² В частности, 20 марта 2024 г. Совет Федерации принял постановление об обращении палат Федерального Собрания Российской Федерации «К Организации Объединенных Наций, международным парламентским организациям и парламентам иностранных государств в связи с 25-й годовщиной агрессии государств — членов Организации Североатлантического договора против Союзной Республики Югославии». См.: URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/154757/>.

⁶³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 2007. С. 872.

⁶⁴ См. подробнее: Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика : монография / Е. С. Болтанова, А. А. Здравцева, О. А. Золотова [и др.] ; отв. ред. проф. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ : Контракт, 2017. С. 141–160.

ции РФ, п. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении», п. 1 ст. 5 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»). Порядок утверждения Советом Федерации указа Президента РФ о введении военного положения определен статьями 148–152 Регламента Совета Федерации.

В свою очередь, основания для введения военного положения закреплены в п. 2 ст. 3 Федерального конституционного закона «О военном положении», где приведен неисчерпывающий перечень (список) шести обстоятельств (деяний), образующих акты агрессии против РФ⁶⁵ (независимо от объявления иностранным государством или группой государств войны РФ) и охарактеризована непосредственная угроза агрессии, что соответствует международно-правовым обязательствам РФ. Подчеркнем, что и в определении 1974 г., и в рассматриваемом Федеральном конституционном законе указываются в качестве объектов нападения «территория», «порты или берега» как территориальные объекты, а также «силы» и «флоты», принадлежащие государству. При таком подходе нарушение «территориальной неприкосновенности» становится очевидным, однако нет необходимости в обосновании и доказывании нарушения «политической независимости государства» как конечной цели применения силы.

В-третьих, в соответствии со ст. 12 Федерального конституционного закона «О военном положении» Государственная Дума принимает, а Совет Федерации рассматривает федеральные законы по вопросам обеспечения режима военного положения (т.е. законы военного времени)⁶⁶. Однако это положение не в полной мере корреспондирует формулировкам п. «е» ст. 106 Конституции о законах «по вопросам войны и мира» (например, объявление войны, заключение мирного договора и др.).

В-четвертых, в соответствии с п. 5 ст. 7 и п. 2 ст. 8 Федерального конституционного закона «О военном положении» федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ, регулирующие применение предусмотренных в названном Федеральном законе мер (правоограничений), могут быть приняты как в период действия военного положения, так и до его введения. Образно говоря, такого рода акты могут напоминать конверты или пакеты в сейфе начальника штаба и «вскрываются» при наступлении времени «Ч» (при совершении акта агрессии).

В-пятых, статья 18 Федерального закона «Об обороне» предусматривает следующее: состояние войны «объявляется» (федеральным законом), а военное время «наступает» (т.е., по логике законодателя, происходит автоматически — с момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий). Необходимость объявления состояния войны продиктована международно-правовыми обязательствами РФ⁶⁷. Однако следует иметь в виду, что принимаемый закон об объявлении состояния войны будет иметь экстерриториальное действие и четко обозначенных адресатов — иностранное государство или группу государств, совершивших акт агрессии против РФ или ее союзников.

И вот здесь возникает важный юридический аспект — собственно констатация факта совершения акта агрессии. Кто, какой государственный орган или должностное лицо в РФ обладает подобной компетенцией и вправе облекать государственную волю в правовую форму? Ответ пессимистично прост: такая компетенция в законодательстве РФ не определена⁶⁸. Так, в Указе Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской

⁶⁵ При этом пункты 1–4 и 5–6 указанного Федерального конституционного закона полностью соответствуют п. «а–d» и «f–g» ст. 3 определения агрессии, однако с расширением характеристики осуществляемого противоправного деяния до «группы государств», а вот пункт «е» данного определения опущен, поскольку на территории РФ отсутствуют (не размещаются) вооруженные силы других государств. Вместе с тем названное положение не теряет своей актуальности для законодательства тех стран, где размещены вооруженные силы иностранных государств.

⁶⁶ Подробнее см.: Батырь В. А. Право военного времени как подотрасль военного права // Lex russica. 2022. Т. 75. № 3 (184). С. 88–104.

⁶⁷ В частности, ст. 1 III Гаагской конвенции об открытии военных действий от 18.10.1907.

⁶⁸ Например, компетенция Совета Безопасности РФ ограничена проведением стратегической оценки на основе анализа информации о военной опасности и военной угрозе, а также подготовкой Президенту РФ предложений о введении и об отмене военного положения и др. См.: Положение о Совете

и Херсонской областей»⁶⁹ приведена лишь констатация того, что «против территориальной целостности Российской Федерации применяется вооруженная сила».

Возвращаясь к заявленной проблеме определения целесообразности совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве Российской Федерации, полагаем возможным предложить объективную модель *пресечения вооруженного нападения и его последствий* как субъективного вменения⁷⁰ потерпевшим государством (группой государств) совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств). Она отражает подход, при котором центр тяжести при криминализации применения вооруженной силы в международных отношениях смещается с субъективных оценочных суждений на констатацию факта «совершения акта агрессии», т.е. вооруженного нападения либо фактического ведения военных действий, а также иных аналогичных явлений, поскольку они представляют собой более объективные и, соответственно, «поддающиеся измерению» юридические факты.

Нормативным источником данной модели также является международно-правовой запрет применения силы, отраженный в п. 4 ст. 2 Устава ООН, но ее определяющей характеристикой будут объективные проявления (совершение

акта агрессии как применение вооруженной силы против РФ или ее союзников либо угроза такой агрессии) и их констатация органами государственной власти, а не субъективные оценки цели применения вооруженной силы.

В этой связи следует проработать возможность оформления постановлением Совета Федерации: 1) не только утверждения указа Президента о введении военного положения, но и самой констатации факта агрессии путем внесения дополнений в законодательство и Регламент Совета Федерации; 2) объявления состояния войны и наступления военного времени (пп. 6 ст. 2 Федерального закона «Об обороне»)⁷¹ в случае фактического начала военных действий (а отнюдь не автоматического наступления, как следует из п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об обороне»). В основу констатации факта агрессии должны быть положены такие пороговые критерии, как масштабность и серьезность, а вот мнимая «очевидность» должна исключаться.

Подчеркнем, что уголовное законодательство РФ лишь частично находится в *нюрнбергско-токийской* парадигме криминализации преступления агрессии⁷². Действительно, статья 353 УК РФ дублирует ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала, дифференцируя планирование, подготовку или развязывание *агрессивной*

Безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 07.03.2020 № 175) // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45265>.

⁶⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48426>.

Данный Указ в полном соответствии с конституционными положениями был утвержден постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 19.10.2022 № 462-СФ (URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/139311/>). Полномочия высших должностных лиц (органов исполнительной власти) субъектов РФ в связи с введенным режимом были детализированы Указом Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756» (с изм.) (URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48425>).

⁷⁰ В уголовном праве принцип субъективного вменения содержательно характеризуется тем, что юридически значимыми и способными повлечь применение мер ответственности являются лишь те обстоятельства деяния, которые осознавались лицом, совершившим деяние, что имеет своим следствием личную природу уголовной ответственности. См. подробнее: Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПИ, 1998.

⁷¹ Президент РФ утверждает План перевода РФ на условия военного времени (пп. 7 п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обороне»).

⁷² Уголовное законодательство зарубежных государств содержит далеко не единообразные подходы к формулированию преступления агрессии. См.: Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97. В государствах Латинской Америки запрет агрессии также установлен конституциями нескольких стран, однако лишь Уголовный кодекс Кубы устанавливает ответственность за агрессивную войну. См.: Опалич Е. В. Проблемы имплементации международно-правового определения агрессии в законодательстве стран Латинской Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 23–26.

войны (ч. 1) и собственно ведение *агрессивной* войны (ч. 2)⁷³. Для квалификации преступности деяния необходима предварительная констатация факта войны как *агрессивной*. Однако, установив преступность агрессии как «преступление против мира», УК РФ не дает ответа на вопрос, что означает «предусмотренность ответственности в соответствии с международным правом»; в этой части Верховным Судом РФ какие-либо указания российским судам не были даны. Не вносят ясности в рассматриваемую проблему и комментарии к уголовному законодательству РФ⁷⁴, напрямую связывая вопрос о возбуждении уголовного дела с установлением Советом Безопасности ООН факта совершенного акта агрессии. В той же парадигме находится ч. 2 ст. 360 УК РФ.

Ответственным шагом должно стать изменение уголовного законодательства, где следует определить ответственность за совершение *акта агрессии*, установленного постановлением Совета Федерации либо Советом коллективной безопасности ОДКБ.

Субъектом преступления агрессии будет выступать высшее должностное лицо, отвечающее *лидерскому критерию*, т.е. фактически осуществляющее руководство и (или) контроль над политическими или военными действиями иностранного государства (при условии разрешения вопроса об иммунитетах такого

лица⁷⁵). При этом вооруженное посягательство на территорию РФ и ее территориальные объекты следует рассматривать как деяние, совершенное на территории Российской Федерации (ст. 11 УК РФ). В отношении же высших должностных лиц РФ, совершивших такого рода деяние, ответственность должна наступать за государственную измену (ст. 275 УК РФ), однако подобную ситуацию представить себе достаточно проблематично.

Определенный крен в сторону восприятия универсальной модели ООН наметился с введением Федеральным законом от 08.12.2020 № 425-ФЗ в УК РФ ст. 280.2, установившей ответственность за нарушение территориальной целостности Российской Федерации (отчуждение части территории), однако необходима его четкая дифференциация от квалификации акта агрессии. В этой связи пока не получили должной правовой оценки заявления лидеров иностранных государств о важнейшей артикулируемой ими цели вооруженного конфликта на Украине — возвращении к границам 1991 г., что неминуемо ведет к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

В свете вышеизложенного нельзя согласиться с предпринимаемыми даже в рамках научной дискуссии попытками расширительного толкования понятия агрессии (например, юри-

⁷³ В отечественной доктрине было высказано мнение о том, что «ведение агрессивной войны» следует усматривать только тогда, когда Совет Безопасности ООН официально подтвердит факт агрессии; вне такого признания возможна квалификация «развязывания агрессивной войны». См.: Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2013. С. 9.

⁷⁴ См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М. : Проспект, 2021 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2021 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2 : Особенная часть (разд. VII–VIII) / под науч. ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М. : Проспект, 2023 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2023 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд. / отв. ред. А. И. Рарог. М. : Проспект, 2023.

⁷⁵ Так, в п. 1 ст. 27 Римского статута МУС установлено, что должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности. Государства — участники Статута отказались от любых существующих иммунитетов в отношении его применения, в том числе в рамках режима сотрудничества, предусмотренного в ч. 9. Данное положение основано на аналогичных нормах, содержащихся в ст. 7 Устава Нюрнбергского международного военного трибунала, ст. 6 Устава Токийского международного военного трибунала, п. 2 ст. 7 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии, п. 2 ст. 6 Устава Международного трибунала для Руанды.

⁷⁶ Так, Договор СНГ о создании Экономического союза (Москва, 24 сентября 1993 г.) формулирует как международно-правовой принцип противодействие в случае осуществления экономической агрессии (ст. 1).

дической, экономической⁷⁶, информационной и др.)⁷⁷. Безответственное жонглирование терминологией опасно, поскольку агрессия и акты ее проявления всегда связаны с применением вооруженной силы, а иное истолкование ведет к расшатыванию и без того хрупкой правовой конструкции.

Заключение

В качестве итога рассмотрения заявленной темы в рамках данной статьи можно констатировать следующее.

Положения законодательства военного времени России соответствуют принятым международно-правовым обязательствам и позволяют адекватно реагировать на возникающие угрозы в сфере безопасности. Совершенно не отвергая выявленные международно-правовые модели (нюрнбергско-токийскую и универсальную ООН, а также региональные и двусторонние модели противодействия актам агрессии в рамках выполнения союзнических обязательств), Россия сообразует свои действия с принятыми обязательствами, направленными на поддержание существующего миропорядка, имея в виду возможное их задействование в случаях нарушения мира и совершения актов агрессии. Однако ранее переданное на надгосударственный уровень суверенное право констатации актов агрессии

нужно вернуть в российский арсенал констатаций фактов, имеющих юридическое значение.

Проблема совершенствования понятия «агрессия» в законодательстве РФ и российских доктринальных документах существует и должна быть решена посредством корректировки подходов. С учетом геополитических и правовых аспектов должен найти отражение универсальный подход — объективная модель пресечения вооруженного нападения и его последствий как субъективного вменения Россией совершения акта агрессии государству-агрессору (группе государств), содержание которого образует криминализация совершения враждебных деяний против РФ (вооруженного нападения на Российскую Федерацию другого государства или группы государств), а также необходимость выполнения международных договоров Российской Федерации о совместной обороне. Следует проработать возможность оформления постановлением Совета Федерации самой констатации факта агрессии, объявления состояния войны и наступления военного времени в случае фактического начала военных действий. С целью превентивного воздействия на источники военных угроз в УК РФ должна быть закреплена ответственность за совершение акта агрессии высшими должностными лицами иностранного государства.

Сформулированные позиции могли бы стать основой дальнейшего развития российского законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Административно-правовые режимы в государственном управлении в Российской Федерации: теория и современная практика : монография / Е. С. Болтанова, А. А. Здоровцева, О. А. Золотова [и др.] ; отв. ред. проф. А. Ф. Ноздрачев. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ : Контракт, 2017. 528 с.

Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / пер. с фр. Е. Кирпичниковой, В. Садитдиновой. 2-е изд., доп., расш. М. : МККК, 2013. 639 с.

Бюньон Ф. Справедливая война, агрессивная война и международное гуманитарное право // Международный журнал Красного Креста. 2002. № 847. С. 205–233.

Глотова С. В. Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2. С. 87–96.

⁷⁷ Так, 22 апреля 2024 г. в Совете Федерации Комитетом по международным делам совместно с Комитетом по конституционному законодательству и государственному строительству был организован круглый стол. Выступавшие предложили формулировку понятия *правовой (юридической) агрессии* как различных форм злоупотребления одними государствами юрисдикционными механизмами, направленными против прав и законных интересов другого государства (злоупотребление арбитражной юрисдикцией, иммунитетами высших должностных лиц и суверенных активов государства) (см.: URL: <http://council.gov.ru/events/news/155844/>).

Гринвуд К. Консультативное заключение относительно ядерного оружия и вклад Международного суда в развитие международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 316. С. 62–71.

Дзейтова Р. Б. Основание индивидуальной уголовной ответственности за преступление агрессии : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. М., 2024. 252 с.

Иногамова-Хегай Л. В. Вопросы преступления агрессии в международном уголовном праве // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Европейская комиссия, 2008. С. 164–186.

Кибальник А. Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 2. С. 300–310.

Кольб Р. О происхождении терминологической пары *jus ad bellum* / *jus in bello* // Международный журнал Красного Креста. Спец. вып. 320. 1997. С. 80–88.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). 11-е изд. / под ред. Г. А. Есакова. М. : Проспект, 2023. 896 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Д. Н. Кожухарика. М. : Проспект, 2021. 1520 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд. / отв. ред. А. И. Парог. М. : Проспект, 2023. 1032 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Постатейный : в 2 т. Т. 2 / под ред. А. В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2021. 704 с.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2 : Особенная часть (разделы VII–VIII) / под науч. ред. К. В. Ображиева, Н. И. Пикурова. М. : Проспект, 2023. 680 с.

Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2013. 25 с.

Лобач Д. В. Проблемные аспекты правовой регламентации ответственности за преступление агрессии // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2021. № 3. С. 38–44.

Лобач Д. В. Субъект преступления, проявляющегося в форме агрессии, в международном праве и российском уголовном законодательстве // Закон и право. 2011. № 4. С. 80–83.

Малахова О. В. Агрессия как преступление по международному и национальному уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ставрополь, 2003. 167 с.

Малеев Ю. Н. Кого и как судили в Нюрнберге (история с продолжением) // Международное право. 2006. № 3 (27). С. 191–220.

Марусин И. С. Определение агрессии в Статуте Международного уголовного суда и Уставе Нюрнбергского трибунала // Правоведение. 2013. № 4 (309). С. 112–120.

Опалич Е. В. Проблемы имплементации международно-правового определения агрессии в законодательстве стран Латинской Америки // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 3. С. 23–26.

Сандо И. Консультативное заключение Международного суда о законности угрозы ядерным оружием или его применения // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 316. С. 7–9.

Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97.

Тимошков С. Г. Агрессия как международное преступление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2017. 217 с.

Тимошков С. Г. Формирование юрисдикции Международного уголовного суда в отношении преступления агрессии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3. С. 136–141.

Тузмухамедов Б. Р. Упреждение силой: «Каролина» и современность // Россия в глобальной политике. 2006. Т. 4. № 2. С. 204–213.

Фархутдинов И. З. Превентивная самооборона в международном праве: применение и злоупотребление // Московский журнал международного права. 2016. № 4. С. 97–124.

Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти : ТолПИ, 1998. 296 с.

Blokker N. The Crime of Aggression and the United Nations Security Council // Leiden Journal of International Law. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 867–894.

- Cassese A. On Some Problematical Aspects of the Crime of Aggression // *Leiden Journal of International Law*. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 841–849.
- Cryer R., Friman H., Robinson D., Wilmshurst E. *An Introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 618 p.
- Daboné Z. International law: armed groups in a state-centric system // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. Iss. 882. P. 395–423.
- Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2008. 334 p.
- Kamto M. *L'agression en droit international*. Paris : A. Pedone, 2010. 464 p.
- Kemp G. *Individual Criminal Liability for the International Crime of Aggression*. Intersentia, 2016. 286 p.
- Kramer R. C., Michalowski R. J. *War, Aggression and State Crime: a Criminological Analysis of the Invasion and Occupation of Iraq* // *British Journal of Criminology*. 2005. Vol. 45. No. 4. P. 446–469.
- Kress C. The Crime of Aggression before the First Review of the ICC Statute // *Leiden Journal of International Law*. 2007. Vol. 20. Iss. 4. P. 851–865.
- McDougall C. *The Crime of Aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2013. 384 p.
- Muller-Schieke I. K. Defining the Crime of Aggression under the Statute of the International Criminal Court // *Leiden Journal of International Law*. 2001. Vol. 14. Iss. 2. P. 409–430.
- Pancraccio J. P. Un mutant juridique: l'agression internationale // *Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire — IRSEM*. 2011. № 7. 85 p.
- Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime // *The Emerging Practice of the International Criminal Court* / ed. by C. Stahn, G. Sluiter. Leiden ; Boston, 2009. P. 725–754.
- Zourek J. Enfin une définition de l'agression // *Annuaire français de droit international*. 1974. Vol. 20. P. 9–30.

REFERENCES

- Blokker N. The crime of aggression and the United Nations Security Council. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20:(4):867-894.
- Boltanova ES, Zdorovtseva AA, Zolotova OA, et al. *Administrative and legal regimes in public administration in the Russian Federation: theory and modern practice: A monograph*. Ed. by Nozdachev AF. Moscow: IZISP under the Government of the Russian Federation: Kontrakt Publ.; 2017. (In Russ.).
- Boucher-Saulnier F. *Practical Dictionary of Humanitarian Law*. Transl. from French by Kirpichnikova E, Saditdinova V. 2nd ed., suppl., exp. Moscow: MKKK Publ.; 2013. (In Russ.).
- Brilliantov VA, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Article by article: In 2 vols. Vol. 1*. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Bunyon F. Just war, aggressive war and international humanitarian law. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 2002;847:205-233. (In Russ.).
- Cassese A. On some problematical aspects of the crime of aggression. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20:(4):841-849.
- Cryer R, Friman H, Robinson D, Wilmshurst E. *An introduction to International Criminal Law and Procedure*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
- Dabone Z. International law: Armed groups in a state-centric system *Revue. International Review of the Red Cross*. 2011;93(882):395-423.
- Dzeitova RB. *The basis of individual criminal responsibility for the crime of aggression*. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2024. (In Russ.).
- Esakov GA, editor. *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).
- Farkhutdinov IZ. Pre-emptive self-defense in international law: Application and abuse. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2016;4:97-124. (In Russ.).
- Glotova SV. The crime of aggression: Some legal problems of definition in the Nuremberg Statute and the Rome Statute of the International Criminal Court. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017;2:87-96. (In Russ.).
- Gray Ch. *International law on the use of force*. 3rd ed. Oxford University Press; 2007.

Grinvud K. Advisory opinion on Nuclear Weapons and the contribution of the International Court of Justice to the development of international humanitarian law. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 1997;316:62-71. (In Russ.).

Inogamova-Khegay LV. Issues of the crime of aggression in international criminal law. In: Bogusha GI, Trikoz EN, editors. *The International Criminal Court: Problems, discussions, search for solutions*. Moscow: European Commission; 2008. Pp. 164–186. (In Russ.).

Kamto M. *L'agression en droit international*. Ed. by A. Pedone. 2010.

Kemp G. Individual criminal liability for the international crime of aggression. Intersentia; 2016.

Kibalnik AG. The crime of aggression: The deceived expectations of international criminal law. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2019;2:300-310. (In Russ.).

Kolb R. On the origin of the terminological pair jus ad bellum / jus in bello. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. Special issue. 1997;320:80-88. (In Russ.).

Kozhukharik DN, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

Kramer RC, Michalowski RJ. War, aggression and state crime: A criminological analysis of the invasion and occupation of Iraq. *British Journal of Criminology*. 2005;4(4):446-469.

Kress C. The crime of aggression before the first review of the ICC Statute. *Leiden Journal of International Law*. 2007;20(4):851-865.

Lobach DV. Crimes against peace: Criminal law research. Author's abstract of Cand. Diss. (Law). Saratov; 2013. (In Russ.).

Lobach DV. Problematic aspects of the legal regulation of responsibility for the crime of aggression. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. 2021;3:38-44. (In Russ.).

Lobach DV. The subject of a crime manifested in the form of aggression in international law and Russian criminal legislation. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2011;4:80-83. (In Russ.).

Malakhova OV. Aggression as a crime under international and national criminal law. Cand. Diss. (Law). Stavropol; 2003. (In Russ.).

Maleev YuN. Who and how was tried in Nuremberg (a story with a sequel). *Mezhdunarodnoe pravo [International law]*. 2006;3(27):191-220. (In Russ.).

Marusin IS. Definition of aggression in the Statute of the International Criminal Court and the statute of the Nuremberg Tribunal. *Pravovedenie*. 2013;4(309):112-120. (In Russ.).

McDougall C. *The crime of aggression under the Rome Statute of the International Criminal Court*. Cambridge: Cambridge Univ. Press; 2013.

Muller-Schieke IK. Defining the crime of aggression under the Statute of the International Criminal Court. *Leiden Journal of International Law*. 2001;14(2):409-430.

Obrazhiev KV, Pikurov NI, editors. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Vol. 2: Special part (Sections VII–VIII)*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Opalich EV. Problems of implementation of the international legal definition of aggression in the legislation of Latin American countries. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2021;3:23-26. (In Russ.).

Pancraccio JP. Un mutant juridique: l'agression internationale. *Institut de Recherche Stratégique de l'École Militaire IRSEM*. 2011;7.

Rarog AI, editor. *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. 14th ed*. Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Reisinger Coracini A. Evaluating domestic legislation on the customary crime of aggression under the Rome Statute's complementarity regime. In: Stahn C, Sluiter G, editors. *The Emerging Practice of the International Criminal Court*. Leiden-Boston; 2009. Pp. 725–754.

Sando I. Advisory opinion of the International Court of Justice on the legality of the threat or use of nuclear weapons. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 1997;316:7-9. (In Russ.).

Sayapin SV. Definition of the crime of aggression and national criminal law systems. *Mezhdunarodnoe pravosudie [International justice]*. 2012;1(2):87-97. (In Russ.).

Timoshkov SG. Aggression as an international crime. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2017. (In Russ.).

Timoshkov SG. Formation of the jurisdiction of the International Criminal Court in relation to the crime of aggression. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2017;3:136-141. (In Russ.).

Tuzmukhamedov BR. Pre-emption by force: «Carolina» and modernity. *Rossiya v globalnoy politike*. 2006;4(2):204-213. (In Russ.).

Yakushin VA. Subjective imputation and its significance in criminal law. Tolyatti: TolPI Publ.; 1998. (In Russ.).

Zourek J. Enfin une définition de l'agression. *Annuaire français de droit international*. 1974;20:9-30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батырь Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация

batyr_62@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Batyr, Cand. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

batyr_62@mail.ru

Материал поступил в редакцию 4 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 1 августа 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 04.07.2024.

Revised 01.08.2024.

Accepted 15.12.2024.

Исследование концептуальных характеристик взаимосвязи права и общественного развития

Резюме. В статье рассматриваются проблемные аспекты взаимодействия права и социального развития. Автор отмечает, что за последние два десятилетия возрос академический интерес к изучению данного вопроса. Подчеркивается, что в большинстве случаев доктринальные позиции отражают многообразие отношений между правом и общественным развитием. Вместе с тем среди правоведов до сих пор продолжают споры по следующим фундаментальным вопросам: является ли право важным фактором, определяющим социальные и экономические показатели того или иного государства; существуют ли экономические, политические или социокультурные препятствия для эффективного правотворчества и правоприменения; какие типы правовых учреждений способствуют процветанию общества и как оптимизировать их деятельность? Автор приходит к выводу, что право находится в центре исследовательского дискурса практики общественного развития и правовая система имеет решающее значение для экономического роста. Кроме того, автор анализирует теоретические концепции приоритета права для процветания общества, необходимости определенной нормативной базы для экономического роста и реформирования системы правовых учреждений как стратегии реализации программ социального развития.

Ключевые слова: правовая система; общественное развитие; правоприменение; экономика права; правовое учреждение

Для цитирования: Мануйлов А. Е. Исследование концептуальных характеристик взаимосвязи права и общественного развития. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 117–130. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.117-130

A Study of the Conceptual Characteristics of the Relationship between Law and Social Development

Anton E. Manuylov
Ural State Law University
Ekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines problematic aspects of the interaction between law and social development. The author notes that academic interest in studying this issue has increased over the past two decades. It is emphasized that in most cases, doctrinal positions reflect the diversity of relations between law and social development. At the same time, legal scholars are still debating the following fundamental issues: is law an important factor determining the social and economic performance of a particular state; are there economic, political or socio-cultural obstacles to effective law-making and law enforcement; what types of legal institutions contribute to the prosperity of society and how to optimize their activities? The author concludes that law is at the center of the research discourse of the practice of social development and the legal system is crucial for economic growth. In addition, the author analyzes the theoretical concepts of the priority of law for the prosperity of society, the need

for a certain regulatory framework for economic growth and the reform of the system of legal institutions as a strategy for implementing social development programs.

Keywords: legal system; social development; law enforcement; economics of law; legal institution

Cite as: Manuylov AE. A Study of the Conceptual Characteristics of the Relationship between Law and Social Development. *Lex Russica*. 2025;78(1):117-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.117-130

I. Право как фактор общественного развития

Право стало достаточно традиционным контекстом для обсуждения характеристик социального государства и векторов общественного развития¹. Вместе с тем представления о взаимосвязи права и социально-экономического прогресса неоднородны и до сих пор не оформлены в качестве обособленной отрасли знаний, несмотря на десятилетия исследований². Их проводили многие ученые, рассматривающие многообразные вопросы взаимодействия права и социального развития через обращение к сравнительному правоведению, локальным контекстам, а также к теоретическим концептам, объясняющим динамику взаимоотношений между правом, институтами гражданского общества, экономикой и политикой³.

Результатом обсуждения меняющейся роли права в контексте социального развития стало введение в научный оборот довольно гетерогенного по своему содержанию термина — «право общественного развития»⁴. Говоря о его характеристиках, отметим отсутствие конкретной нормативной основы, заметной тематической согласованности, объединяющей внутренней логики и системы организационных принципов. Указанные неопределенность, отсутствие дисциплинарной ясности и систематичности объясняют, почему изучение взаимосвязи между правом и социальным развитием не достигло уровня оформленной академической области знаний.

Непосредственный дисциплинарный диапазон права общественного развития состоит из совокупности исследований, проводимых

с акцентом на диалектику права, экономики, политики и институтов гражданского общества. Вместе с тем в структуре права общественного развития выделяют общую часть и особенную: первая устанавливает концептуальные границы путем разъяснения внутренних составляющих права и социального развития как обособленных феноменов; вторая объясняет связь между правом и социальным развитием через анализ механизмов регуляторного воздействия, с помощью которых право оказывает влияние на институциональные рамки социально-экономического развития общества⁵.

Отметим, что определение механизмов регуляторного воздействия имеет важную практическую ценность и его нельзя оценивать всего лишь в качестве умозрительного упражнения по установлению причинно-следственных связей. Напротив, их разъяснение в контексте местных социально-экономических условий может существенно повысить эффективность законодательных реформ и качество юридической техники. Успешная реализация проектов общественной модернизации вряд ли возможна без четкого осознания институциональных, экономических, социальных и политических аспектов влияния права на социум. Их учет позволит добиться того, чтобы любые реформы работали успешно и приносили ожидаемые результаты. К механизмам регуляторного воздействия обычно относят: юридическую технику, соблюдение нормативных требований и качество правоприменения⁶. Все названные элементы хотя концептуально и отличаются друг от друга, но активно взаимодействуют между собой и характеризуют механизм регу-

¹ Калашников С. В. Очерк теории социального государства. М. : Экономика, 2006. С. 88.

² Davis K. The Relationship between Law and Development: Optimists versus Skeptics // *American Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 56. No. 4. P. 895–946.

³ Сурия П. Юриспруденция. Философия права. М. : Академия, 1996. С. 88 ; Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 488.

⁴ *The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal* / ed. by D. Trubek. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 172.

⁵ Петров А. В., Юнусов А. А. Развитие общества и прав человека и гражданина // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2005. № 8. С. 19–28.

⁶ Чиркин В. Е. Законодательная власть. М. : Норма : Инфра-М, 2022. С. 41.

ляторного воздействия с содержательной стороны.

1.1. Юридическая техника

Первый механизм регуляторного воздействия — юридическая техника — определяет, оптимально ли разработан закон для достижения целей регламентации. Для проведения подобной оценки анализируются следующие параметры: ожидаемый результат принятия нормативного акта, степень его соответствия социально-экономическим условиям и организация системы права⁷. Среди названных параметров соответствие закона социально-экономическим условиям видится наиболее сложным и неоднозначным с содержательной точки зрения. Социально-экономические условия могут охватывать целый ряд политических, финансовых и культурных факторов, значимых для успешного функционирования закона. Кроме того, в некоторых случаях важную роль для поддержки закона будут играть религиозные устои. Например, положения законодательства о взимании процентной ставки финансовыми учреждениями в целях содействия банковской отрасли вряд ли будут эффективными, если большинство населения исповедует религиозные нормы, запрещающие это.

Таким образом, основные социально-экономические условия варьируются в зависимости от конкретного закона и включают в себя множество компонентов: уровень технического развития, политическую и социальную ситуацию, кадрово-административный потенциал, культурное и религиозное принятие закона⁸. Необходимость адаптации права к социально-экономическим условиям объясняется тем, что их изменение создает нормативные пробелы в регулировании общественных отношений. Это вынуждает государство заполнять появившиеся лакуны путем либо корректировки существующих нормативных актов, либо разработки новых. Например, стремительный рост информационных технологий и коммерческих операций в Интернете потребовал введения норм,

регламентирующих порядок использования технологии электронной подписи.

1.2. Соблюдение нормативных требований

Второй механизм регуляторного воздействия — соблюдение нормативных требований — характеризует общественное отношение к нормам права и желание населения следовать им. С этой точки зрения соблюдение закона можно назвать предпосылкой его эффективности. Выделяют общее соблюдение нормативных требований, охватывающее в целом уровень следования закону в определенной юрисдикции, и единичное соблюдение нормативных требований, демонстрирующее, насколько точно соблюдается конкретный закон⁹. Говоря о факторах, влияющих на общее соблюдение нормативных требований, в первую очередь следует упомянуть правовую культуру, охватывающую исторический и мировоззренческий контексты той или иной правовой системы, во многом определяющие ее особенности¹⁰.

Вариативность правовой культуры, показателем которой обычно значительно различаются в разных государствах, обусловлена не спецификой системы законодательства, а коллективной реакцией общества и деятельностью субъектов права в рамках данной правовой системы¹¹. То есть механизм влияния правовой культуры на общее соблюдение нормативных требований связан с восприятием населением закона и необходимости его соблюдения. Как правило, готовность граждан следовать требованиям нормы права основывается на осознании достижимости положительного эффекта для всего общества. С этой точки зрения немаловажную роль играет легитимность государственной власти: если население считает, что принимаемые законы не служат общественным интересам, то, скорее всего, оно не будет заинтересовано в соблюдении правовых норм¹².

Однако сказанное вовсе не означает, что легитимность полностью соотносится с уровнем общего соблюдения нормативных требований. Здесь уместно вспомнить латинскую максиму

⁷ Осипов М. Ю. К вопросу об управлении качеством законодательства // Современное право. 2011. № 1. С. 11–15.

⁸ Петров А. В., Юнусов А. А. Указ. соч.

⁹ Черненко А. К. Правовые технологии и проблемы эффективности формирования правовой системы. Красноярск : Красноярский университет, 2001. С. 115.

¹⁰ Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 284.

¹¹ Чиркин В. Е. Законодательная власть. С. 48.

¹² Калашников С. В. Указ. соч. С. 79.

dura lex sed lex, отражающую тот симбиоз морали и долга, связанный с соблюдением закона, независимо от его содержания или государственной политики, которую он воплощает¹³.

Вторым фактором, определяющим общее соблюдение нормативных требований, является юридическая техника, совершенство которой во многом обуславливает степень корреляции закона с ожиданиями и потребностями общества, с социально-экономическими условиями¹⁴. Детально разработанное законодательство может по своему влиянию даже выйти за пределы первоначальной юрисдикции, став основой для развития иных правовых систем. Например, римское право и несколько столетий спустя после падения Римской империи сохраняло свою ключевую роль в становлении правовых систем западноевропейских государств¹⁵. Этот пример иллюстрирует несомненную важность обеспечения высокого уровня юридической техники.

Переходя к анализу факторов, влияющих на единичное соблюдение нормативных требований, в первую очередь следует обратить внимание на наличие в государстве политической воли, направленной на гарантирование надлежащего правоприменения¹⁶. При отсутствии сильной политической воли вероятны случаи навязывания законов. Например, государство обязуется принять определенные законы для получения кредита от международного финансового учреждения. Такие нормы, разработанные с целью выполнения условия, налагаемого извне, вряд ли будут соблюдаться населением, которое подобный акт внешнего вмешательства воспринимает как посягательство на национальный суверенитет. Тем не менее возможна и другая оценка обществом навязанных законов, рассматриваемых в качестве оправданных с точки зрения соответствия потребностям социума.

Другим ключевым элементом, определяющим единичное соответствие нормативным требованиям, является согласованность между конкретным законом и актуальной социально-

экономической ситуацией. Решение о разработке нового закона должно обуславливаться теми положительными эффектами, которые достижимы при регулировании конкретной сферы общественных отношений. Некоторые авторы обозначают данный феномен термином «нормативная выгода», включая в него также восприятие общественностью того или иного закона¹⁷. Иллюстрацией этого может служить действующий во Франции закон о запрете ношения паранджи, хиджаба и никаба, положения которого вступают в своеобразный конфликт с религиозной практикой мусульманок: с одной стороны, повышение общественной безопасности посредством обеспечения распознавания лиц, с другой стороны, следование мусульманской традиции и предписаниям Корана.

В научной литературе встречается классификация единичного соответствия нормативным требованиям на «пассивное» и «активное»¹⁸. Первое относится к минимальному стремлению соблюдать требования закона, в первую очередь с целью избежать наказания. Активное соблюдение предполагает деятельное участие граждан в достижении нормативной цели закона. При этом она должна совпадать с их собственными интересами. В экономически развитых государствах активному соблюдению способствует именно общественность, которая рассматривает нормативную цель законов — поддержка экономического развития — как удовлетворение собственных интересов в финансовой стабильности¹⁹.

1.3. Качество правоприменения

Третьим механизмом регуляторного воздействия является качество правоприменения²⁰. Здесь оценивается деятельность органов государственной власти и их должностных лиц: следуют ли они требованиям закона и выполняют ли функцию представления интересов граждан. То есть требуется определенная политическая воля в качестве фактора реализации

¹³ Сурия П. Указ. соч. С. 56.

¹⁴ Чиркин В. Е. Законодательная власть. С. 122.

¹⁵ Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. М.: Статут, 2010. Т. 1. С. 201.

¹⁶ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 337.

¹⁷ Davis K. Op. cit.

¹⁸ Barro R. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge: MIT Press, 1998. P. 102.

¹⁹ Clague C. Institutions and Economic Development: Growth and Governance in Less-Developed and Post-Socialist Countries. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. P. 67.

²⁰ Шульц В. Л., Бочкарев С. А. «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 13–20.

государственной функции правоприменения. Как упоминалось ранее, государство должно иметь надлежащий потенциал или способность к правоприменительной деятельности. Государственный потенциал включает в себя финансовые, технические и организационные ресурсы (в том числе внутренний антикоррупционный контроль), способствующие достижению нормативных целей законов. Как отмечают некоторые авторы, значимость государственного потенциала в качестве элемента правоприменения сохраняется независимо от идеологической ориентации внутренней политики²¹. Например, государство играет важную роль в функционировании рыночной экономики, так как гарантирует свободу договора и соответствующую ей правовую основу (договорное право).

Любопытны вопросы, есть ли государственный потенциал в условиях ограниченности ресурсов (с чем часто сталкиваются в развивающихся экономиках) и является ли развитая экономика обязательным условием для законов с высокой юридической техникой. Представляется, что значительный государственный потенциал может быть сформирован даже несмотря на финансовые ограничения. По крайней мере, своеобразной основой его становления может стать культурная традиция. Сказанное подтверждают примеры развития некоторых государств Юго-Восточной Азии, в частности Сингапура, где сильны идеи конфуцианства, согласно которым служба в качестве правительственного чиновника должна быть приоритетом для высокообразованной элиты, благодаря чему в Сингапуре была создана одна из самых эффективных правительственных бюрократий²².

II. Взаимодействие права и развития: доктринальное измерение

Некоторые авторы, углубляясь в анализ каждого из трех механизмов регуляторного воздействия,

отдельно обращаются к категориям «право» и «развитие»²³. Подобный подход видится оправданным с точки зрения наиболее подробного и целостного исследования их взаимодействия и возникающих при этом социальных, политических, культурных и экономических вопросов. В целом в доктрине можно встретить три точки зрения относительно взаимосвязи права и развития. Отметим, что каждая из них акцентирует внимание лишь на одном из аспектов данного взаимодействия.

Теория модернизации. Представители теории модернизации определяют развитие как процесс конвергенции институтов, сформированных в развитых западноевропейских государствах²⁴. Таковыми институтами являются свободный рынок, экономика благосостояния, многопартийная политическая система, а также гражданское общество. То есть это понимание признает главенствующую роль права в продвижении развития общества. Помимо этого, согласно теории модернизации, государство должно поощрять компетентную и независимую судебную систему, необходимую для поддержания принципа верховенства права²⁵. В более общем плане теория модернизации подразумевает, что процесс развития может выйти на общемировой уровень путем «пересадки» правовых институтов из развитых западных стран в остальные государства²⁶.

Теория зависимости. Противоположностью теории модернизации является теория зависимости, представители которой отвергают идею о том, что для всех государств характерна одна схема развития²⁷. Постулируется, что развитие неизбежно обусловлено определенным контекстом, который составляет вся совокупность экономических, политических и культурных взаимоотношений как внутри государства, так и за его пределами. Большинство приверженцев данной теории весьма скептически оценивают потенциал правовых институтов в деле содействия развитию в менее развитых государствах²⁸. Еще большую критику встречает мысль о том, что

²¹ Спирин М. Ю. Юридическая карта современного мира и основания ее исследования // Юридический аналитический журнал. 2011. № 1. С. 13–18.

²² Wellons P. The Role of Law in Asian Economic Development. New York : Oxford University Press, 1999. P. 34.

²³ Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1973. С. 143.

²⁴ Levine R. Law, finance and economic growth // Journal of Financial Intermediation. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 8–35.

²⁵ Bhagwati P. Judicial activism and public interest litigation // Columbia Journal of Transnational Law. 1985. Vol. 23. P. 561–577.

²⁶ Levine R. Op. cit.

²⁷ Frank A. The development of underdevelopment // Monthly Review. 1966. Vol. 18. P. 17–31.

²⁸ Viera-Gallo J. The legal system and socialism // Wisconsin Law Review. 1972. Vol. 1. P. 754–766.

правовая реформа в отсутствие радикальных преобразований политической системы способно оказать какое-либо значительное влияние на перспективы развития государства²⁹.

Вместе с тем представители теории зависимости подчеркивают, что в некоторой мере закон выступает инструментом политико-социальных изменений и обладает перераспределяющим эффектом, что наиболее ярко выражается в программах социалистических реформ³⁰. Они, как правило, направлены на ликвидацию репрессивных режимов землевладения, защиту прав собственности работников и поощрение их предпринимательской деятельности, конституционное закрепление экономических и социальных прав (право на образование, здравоохранение, достойную оплату труда).

Теория экономического роста. В рамках данной теории развитие приравнивается к совокупному экономическому росту, а вопрос о роли государства и правовых институтов в деле содействия развитию демонстрирует значительное идейное многообразие. Так, можно выделить точку зрения, согласно которой экономические кризисы в развивающихся странах имеют эндемичную природу и их преодоление возможно лишь при активном вмешательстве со стороны государства³¹. Не менее радикальной является позиция, отрицающая всякую роль государства в преобразовании экономики³². Более компромиссную позицию занимают сторонники «новой институциональной экономики», которые рассматривают государство и его аппарат как неотъемлемые элементы процесса развития, как его критические детерминанты³³. Истина, по-видимому, заключается в том, что некоторые правовые институты в наибольшей мере способствуют экономическому росту (например, разработанная система договорного права; регламентация корпоративных правоотношений и капитальных инвестиций;

оперативные процедуры банкротства с возможностью перераспределения долговых активов; дифференциация налоговых режимов).

Теория устойчивого развития. Описанные выше теории, будучи сугубо аналитическими, изучают человека и его экономическую деятельность изолированно от окружающей среды. Напротив, теория устойчивого развития фокусирует внимание на человеке как на элементе экосистемы и изучает его в долгосрочной перспективе. Теория устойчивого развития — это интегральный и системный подход к фундаментальной проблеме взаимоотношений человека и экосистемы, динамика которых предполагает возможность гармонизации и сосуществования природного и культурного начала³⁴. При этом теория устойчивого развития исходит из того, что человек, являясь частью окружающей среды, обладает такими специфическими характеристиками, как рациональность и способность к творчеству, которые влияют на коэволюцию антропогенной среды и экосистемы³⁵.

III. Структурные элементы взаимосвязи права и социально-экономического развития

В контексте изучения взаимосвязи права и социально-экономического прогресса целесообразно провести анализ таких ключевых понятий, как «правовая норма», «правовые рамки» и «учреждения».

III.1. Правовая норма

Норма традиционно определяется как правило поведения, имеющее обязательную юридическую силу³⁶. В контексте права и развития норма трактуется несколько шире, чем в рамках формально-юридического правопонимания, ассоциирующего ее исключительно с законодательством³⁷. Например, в странах общего права

²⁹ Snyder F. Law and development in the light of dependency theory // Law and Society Review. 1980. Vol. 14. No. 3. P. 723–804.

³⁰ Frank A. Op. cit.

³¹ Clague C. Op. cit. P. 67.

³² Posner R. Creating a legal framework for economic development // World Bank Research Observer. 1998. Vol. 13. No. 1. P. 2–11.

³³ Harriss J. The New Institutional Economics and Third World Development. London : Routledge Press, 1995. P. 27.

³⁴ Davis K. Op. cit.

³⁵ The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal. P. 189.

³⁶ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 403.

³⁷ Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 44.

судебные прецеденты также следует считать правовой нормой, даже если они не оформлены в качестве закона³⁸. Помимо прецедентов, многими признается существование норм, совокупность которых часто называют обычным правом, юридическая сила которого обеспечивается через механизм *opinio juris*³⁹.

Вместе с тем даже без его участия существуют такие неформальные нормы, которые обязательны для соблюдения⁴⁰. Примером могут служить акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами (далее — акты с нормативными свойствами). Это рекомендации государственного органа, адресованные гражданам, юридическим лицам или другим субъектам относительно толкования конкретного положения закона и порядка его соблюдения. Подобные рекомендации часто применяются для объяснения норм, сформулированных недостаточно ясно, однозначно, с наличием оценочных понятий.

Издание государственными органами актов с нормативными свойствами — довольно распространенная в мире практика⁴¹. Например, в Японии действует Закон об административной процедуре, в соответствии с которым акты с нормативными свойствами представляют собой руководства, рекомендации, инструкции, с помощью которых орган государственной власти может требовать в рамках своей компетенции совершения конкретных действий или бездействия со стороны определенных субъектов для реализации целей, ради которых орган был создан. Закон об административной процедуре довольно примечателен с точки зрения обозначения основных характеристик актов с нормативными свойствами и правил их применения:

— лицо, не следующее рекомендациям, закрепленным в акте с нормативными свойствами, не должно подвергаться каким-либо формам дискриминации или испытывать иные неблагоприятные последствия;

— запрещается использование актов с нормативными свойствами для оказания давления

на определенных субъектов или на общественные группы;

— содержание актов с нормативными свойствами должно быть недвусмысленным и понятным всем, кому они адресованы;

— для актов с нормативными свойствами обязательна письменная форма, дача устных рекомендаций не допускается.

Как видим, ключевой акцент в характеристике актов с нормативными свойствами следует делать на том, что их применение не должно превращаться в практику навязывания государственной воли отдельным лицам и организациям и установления ограничений в отношении к тем, кто не следует рекомендациям. Анализируя юридическую природу актов с нормативными свойствами, надлежит обратить внимание и на то, что степень их обязательности во многом зависит от отношения к ним в контексте специфической политической культуры (рассматриваются ли они в качестве выражения государственной воли).

Исходя из вышесказанного, обоснованно предположить, что категория «норма» охватывает и правила, которыми руководствуются в обществе, независимо от наличия *opinio juris*. Согласно этому более обширному пониманию акты с нормативными свойствами принимают форму своеобразного закона. Таким образом, размывается различие между законодательством и иными регуляторами⁴².

III.2. Правовые рамки

Еще одна концепция, которая встроена в дискурс права и социального развития, — «правовые рамки», относящиеся к структурам, в которых организовано право (отрасли, институты, правовые системы)⁴³. От них зависит сила воздействия права, которая варьируется от форм выражения нормативных предписаний: либо отдельный закон с собственными механизмами контроля исполнения, либо элемент регламента, подлежащего внешнему мониторингу⁴⁴. Следует отметить, что наличие правовых рамок

³⁸ Леже Р. Великие правовые системы современности : сравнительно-правовой подход. М. : Волтерс Клувер, 2011. С. 16.

³⁹ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2021. С. 219.

⁴⁰ Леже Р. Указ. соч. С. 23.

⁴¹ Лафитский В. И. Сравнительное правоведение : национальные правовые системы. М. : Контракт, 2014. Т. 3 : Правовые системы Азии. С. 645.

⁴² Чиркин В. Е. Законодательная власть. С. 48.

⁴³ Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права. М. : Статут, 2010. Т. 1. С. 224.

⁴⁴ Керимов Д. А. Указ. соч. С. 27.

создает некоторые трудности для рецепции норм и правовых концептов, действующих в иных юрисдикциях. Например, категории «фидуциарная обязанность» или «доверительная собственность», разработанные в юрисдикциях общего права, не имеют аналогов в государствах романо-германской правовой семьи и потому сложны для толкования⁴⁵.

Согласно одной из точек зрения, отличительные черты правовых систем обусловлены спецификой идеологии и политической культуры конкретного государства⁴⁶. Идеологическая база, лежащая в основаниях общего права, поощряет индивидуализм, автономию личности и ограничение государственной власти. Напротив, идеологические установки романо-германского права ориентированы на коллективизм, превалирование публичных интересов и правительственную активность⁴⁷.

Некоторые ученые утверждают, что именно идеологическая база, лежащая в основе той или иной правовой семьи, объясняет различия в финансовом состоянии государств⁴⁸. Кроме того, есть авторы, считающие, что страны общего права демонстрируют динамичное развитие в экономике благодаря специфике идеологии, поощряющей частную собственность и накопление капитала⁴⁹. Однако этот вывод не выдерживает критики в силу того, что упомянутые различия в экономических показателях между странами общего права и странами романо-германского права могут быть связаны не с идеологическими установками, а с другими факторами, например с макроэкономической политикой.

Здесь уместно вспомнить некоторые случаи успешного выхода государств из состояния экономического кризиса. Например, к моменту окончания Второй мировой войны Испания и Чили находились в бедственном финансовом

положении. Тем не менее Испания добилась быстрого экономического роста при генерале Франко с 1960-х гг. В свою очередь, в Чили с середины 1980-х гг. под властью Пиночета удалось достичь финансового процветания. В результате успешных экономических реформ в упомянутых государствах существенно вырос ВВП, и впоследствии они стали выборными демократиями (после падения авторитарных режимов Франко в 1975 г. и Пиночета в 1990 г.).

III.3. Правовые учреждения

Данное понятие имеет непосредственное отношение к развивающемуся дискурсу права общественного развития и обозначает институты и практики, обеспечивающие надлежащий ход процессов правотворчества, правоприменения и правового воздействия⁵⁰. Например, успешная реализация мер по борьбе с коррупцией, закрепленных в законодательстве, зависит от конкретных учреждений (например, прокуратура и суды). Не менее важны в этом плане органы исполнительной власти как непосредственные проводники политики государства, обеспечивающие его функционирование.

Феномен правового учреждения довольно активно обсуждается в научной литературе благодаря его роли в процессе преобразования правовой системы. Чаще всего встречается критика правовых учреждений с точки зрения их деятельности как этноцентрической⁵¹. Другая позиция сводится к подчеркиванию важности правовых учреждений в контексте экономического роста⁵². Наиболее радикальный взгляд сводится к тому, что именно правовые учреждения, обеспечивающие правотворчество и правоприменение, а не право как таковое, более значимы для общественного процветания⁵³. Несмотря на растущее внимание в науке к вопросу функционирования правовых учреждений для целей социального развития, между

⁴⁵ Цвайгерт К., Кётц Х. Сравнительное частное право. М. : Международные отношения, 2019. С. 247.

⁴⁶ Спиринов М. Ю. Указ. соч.

⁴⁷ Лафитский В. И. Сравнительное правоведение : национальные правовые системы. М. : Контракт, 2012. Т. 2 : Правовые системы Западной Европы. С. 61.

⁴⁸ Barro R. Op. cit. P. 160.

⁴⁹ Levine R. Op. cit.

⁵⁰ Хабриева Т. Я. Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М. : Инфра-М, 2018. С. 51.

⁵¹ Черненко А. К. Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск : Наука, 2004. С. 132.

⁵² Курочкин С. А. О перспективах применения экономического анализа права в российском правоведении // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 121–128.

⁵³ Бирюков С. В. Теоретические основы социологии права. М. : Инфра-М, 2021. С. 239.

учеными отсутствует согласованная позиция относительно того, какие именно правовые учреждения особенно важны и как оптимизировать их деятельность.

IV. Целостный взгляд на концепцию «развитие»

Продолжая анализ дисциплинарных параметров взаимодействия права и общественного развития, обратимся к категории «развитие». В данном исследовании развитие понимается как позитивная трансформация общества, как его экономический и социальный рост. Примечательно, что с течением времени концептуальная направленность категории «развитие» претерпела изменения. В частности, в 1960–1970-х гг. к развитию относили такие показатели, как экономический рост, увеличение размера доходов населения, сокращение финансового разрыва между гражданами⁵⁴. В дальнейшем взгляд на развитие стал более целостным, учитывающим также неэкономические показатели изменений в жизни социума: возможность участия граждан в управлении государством, эффективность системы защиты права собственности, гендерное равенство, доступ к чистой окружающей среде, верховенство права⁵⁵.

Целостный взгляд на развитие коррелирует с ключевыми положениями Программы развития Организации Объединенных Наций. В ней говорится, что развитие подразумевает достойный уровень жизни, участие граждан в политической и общественной жизни, экологическую безопасность, развернутую систему защиты прав человека, гендерное равенство. То есть развитие включает такие разнородные элементы, как политическая свобода, экономическое процветание и защита от любых форм дискриминации.

Здесь следует упомянуть также Цели устойчивого развития (ЦУР), принятые в 2015 г. в качестве набора универсальных ориентиров, отвечающих текущим вызовам экологического, политического и экономического характера.

Фактически ЦУР представляют собой призыв к действиям по искоренению нищеты, защите экологического благополучия планеты и обеспечению всеобщего процветания к 2030 г. ЦУР универсальны, применимы ко всем государствам, а не только к развивающимся. Кроме того, действия по реализации одной цели косвенно способствуют достижению других, что в целом позволяет поддерживать баланс между социальной, экономической и экологической повестками. То есть ЦУР требуют согласованной работы государственной власти и гражданского общества.

Стоит отметить роль международного права в усилении взаимосвязи права и общественного развития. Во многом это обусловлено деятельностью международных организаций (в том числе ООН) и влиянием принимаемых ими актов на национальное законодательство. Международное право как динамичная система с многочисленными иерархическими уровнями определяет ценности и принципы, необходимые для реализации целей устойчивого развития⁵⁶.

Целостный взгляд на развитие не избежал критики, которая сводится к тому, что общественному процветанию предшествует целый ряд труднодостижимых условий и состояний⁵⁷. Например, для верховенства права и закона требуются высококвалифицированные юристы, эффективная судебная система и надежный механизм правоприменения. Всё это предполагает вложение значительных экономических и технических ресурсов. Следовательно, только государствам со стабильной и устойчивой экономикой доступны те инструменты, которые необходимы для продвижения общегражданских ценностей, составляющих основу социального прогресса⁵⁸.

Помимо экономических факторов, следует обратить внимание и на социальные условия жизнедеятельности конкретного общества⁵⁹. Так называемый распределительный эффект экономического развития может вызвать неустойчивость в социуме и спровоцировать напряженность среди различных групп насе-

⁵⁴ Спиридонов Л. И. Указ. соч. С. 58.

⁵⁵ Лукашева Е. А. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. М. : Норма, 2000. С. 11.

⁵⁶ Нерсесянц В. С. Указ. соч. С. 324.

⁵⁷ Казеннов А. С. Диалектика общественного развития // Философия и общество. 2015. № 1. С. 201–203.

⁵⁸ Якунин В. И., Роик В. Д. Социальное измерение государственной экономической политики. М. : Экономика, 2007. С. 101.

⁵⁹ Бирюков С. В. Указ. соч. С. 154.

ления⁶⁰. Например, рост промышленности и увеличение экспорта благоприятно отразятся лишь на положении работников отдельных секторов, и почти никак — на состоянии лиц, занятых сельским хозяйством. Тем самым между городом и деревней образуется экономический разрыв, вызывающий серьезные проблемы (например, исчезновение сельских общин в связи с массовой миграцией молодежи в городские агломерации)⁶¹.

В свою очередь, некоторые показатели социального прогресса сказываются на экономическом развитии⁶². Например, обеспечение государством гендерного равенства может способствовать общему экономическому росту через увеличение степени участия женщин в производственном процессе. С учетом этой взаимосвязи между экономическим и социальным развитием оправдан ли приоритет первого? Вполне, поскольку в государствах, где высок процент жителей, живущих в состоянии нищеты, отсутствуют ресурсы для необходимого экономического развития. В то же время преодоление ресурсных ограничений, расстановка приоритетов и последовательность позволят преодолеть трудности при достижении целей социального развития⁶³.

V. Расширение понимания концепции «развитие»

Богатое содержание концепции «развитие» вполне позволяет применять ее для характеристики любого государства, независимо от состояния его экономики и политического положения в международном сообществе. Такой неортодоксальный подход в плане расширения концепции «развитие» оправдан тем, что разрыв в доходах граждан существует во всех государствах, не только в экономически менее развитых. Вопрос лишь в том, насколько готово то или иное государство сокращать эти экономические разрывы, несмотря на риск вызвать сопротивление со стороны финансового истеблишмента, которому придется вкладывать собственные средства в

меры по реализации программ сглаживания экономического неравенства.

Это может повлечь за собой социальную напряженность между теми, кто выступает за выравнивание уровня доходов населения, и теми, кто не желает оказывать финансовую помощь экономически «слабым» субъектам. В целом значительные денежные ресурсы и политическое влияние финансовой элиты могут выступить инструментами оказания давления на правительство, заставив его отказаться от повестки в области социально-экономического развития⁶⁴.

Необходимость дальнейшего научного обсуждения вопроса взаимосвязи права и социально-экономического прогресса вряд ли подлежит сомнению, учитывая примеры их постоянного взаимодействия. Общество, не будучи статичным, подвержено изменениям, которые часто становятся причиной возникновения необходимости в нормативном регулировании. В свою очередь, государства заполняют этот нормативный пробел через принятие новых законов и внесение изменений в существующие. Например, расширение возможностей использования информационных технологий для проведения коммерческих операций в Интернете потребовало правил, регламентирующих основные аспекты совершения онлайн-транзакций.

Помимо устранения пробелов в законодательстве, может потребоваться целостная система учреждений, контролирующая соответствующую сферу. Создание организационной структуры поможет предотвратить потенциальные нарушения и обеспечит уровень транспарентности, достаточный для защиты представителей общественности от недостоверной информации. Здесь стоит отметить, что системе управления необходимо быть по крайней мере такой же сложной, как и объект, который она предназначена контролировать⁶⁵. Усложнение характера проблем, возникающих в социуме, предопределяет трансформацию в процессах функционирования государства, эффективность которого определяется его способностью

⁶⁰ Эрхард Л. *Благосостояние для всех*. М. : Начала-Пресс, 1991. С. 155.

⁶¹ Шабунова А. А. *Благосостояние населения: тенденции и перспективы*. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. С. 67.

⁶² Ронжина Н. В. *Экономические законы общественного развития как детерминанты формирования компетентно развитой личности XXI века // Образование и наука*. 2013. № 6. С. 33–47.

⁶³ Низова Л. М. *Социальная политика как фактор общественного развития*. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2017. С. 118.

⁶⁴ Карапетов А. Г. *Экономический анализ права*. М. : Статут, 2016. С. 364.

⁶⁵ Спиридонов Л. И. *Указ. соч.* С. 143.

управлять. Поэтому современное государство должно действовать скорее не как выразитель власти, а как система правительственных решений, в которых отсутствуют элементы неконтролируемой дискреции⁶⁶. То есть направления государственной политики должны разрабатываться стратегически и реализовываться с помощью современных методов администрирования и управления. Представляется, что именно так происходит трансформация государства на современном этапе.

В области права также заметна модернизация. Наиболее характерным примером этого следует назвать появление всемирной юриспруденции (политически ориентированной юриспруденции), направленной на поиск путей оптимизации права, сообразной цели достижения общественного благополучия⁶⁷. Помимо этого, всемирная юриспруденция акцентирует внимание на неправовых факторах (ценности, убеждения, ресурсы, общественные отношения, психологическая динамика и др.), влияющих на правовую систему. В целом всемирная юриспруденция представляет собой альтернативу традиционному подходу к праву и юридической практике, попытку примирить гуманистические ценности и закон.

Таким образом, государство и право становятся кибернетическими системами в техническом смысле этого термина, и эта фундаментальная трансформация автоматически приводит к изменению всей методологии нормотворчества, которое из продукта догматической импровизации законодателя превращается в результат системно спланированной государственной политики.

Заключение

Как видим, процесс взаимодействия права и общественного развития поднимает сложные и многогранные вопросы, по которым в науке пока нет единого мнения. Несмотря на существование универсальных ценностей и принципов, отсутствует доктринальный и межкультурный консенсус относительно определяющих факторов правовой регламентации экономического и социального прогресса.

Общепринятая концепция общественного развития обозначает его как состояние структурной трансформации социума, основанной в первую очередь на экономических категориях: производство, потребление, доход населения. Подобный подход к идентификации общественного развития оправдан с точки зрения объективности используемых критериев, приемлемых для разных культур и идеологий. Однако сказанное не означает, что экономическая повестка в государстве должна превалировать над социальной. Идеальной ситуацией представляется достижение общественного благополучия без критических последствий для экономики. Учитывая сложность термина «право общественного развития», вряд ли стоит в ближайшее время ожидать, что в научном сообществе будет достигнуто соглашение относительно роли права в контексте социального развития. Вместе с тем своеобразный консенсус вполне может быть найден с помощью теории правового воздействия, которая предполагает, что право должно считаться универсальным инструментом оценки общественного прогресса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Бирюков С. В. Теоретические основы социологии права М. : Инфра-М, 2021. 325 с.
- Казеннов А. С. Диалектика общественного развития // *Философия и общество*. 2015. № 1. С. 201–203.
- Калашников С. В. Очерк теории социального государства М. : Экономика, 2006. 362 с.
- Карпетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 528 с.
- Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 128 с.
- Курочкин С. А. О перспективах применения экономического анализа права в российском правоведе-нии // *Российский журнал правовых исследований*. 2014. № 4. С. 121–128.
- Лафитский В. И. Сравнительное правоведе-ние в образах права. Т. 1. М. : Статут, 2010. 429 с.
- Лафитский В. И. Сравнительное правоведе-ние : национальные правовые системы. Т. 2 : Правовые системы Западной Европы М. : Контракт, 2012. 768 с.

⁶⁶ The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal. P. 202.

⁶⁷ Davis K. Op. cit.

- Лафитский В. И.* Сравнительное правоведение : национальные правовые системы. Т. 3 : Правовые системы Азии. М. : Контракт, 2014. 704 с.
- Леже Р.* Великие правовые системы современности : Сравнительно-правовой подход. М. : Волтерс Клувер, 2011. 576 с.
- Лукашева Е. А.* Права человека как фактор стратегии устойчивого развития. М. : Норма, 2000. 320 с.
- Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. М. : Норма : Инфра-М, 2023. 560 с.
- Низова Л. М.* Социальная политика как фактор общественного развития. Йошкар-Ола : Поволжский государственный технологический университет, 2017. 236 с.
- Осипов М. Ю.* К вопросу об управлении качеством законодательства // Современное право. 2011. № 1. С. 11–15.
- Петров А. В., Юнусов А. А.* Развитие общества и прав человека и гражданина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2005. № 8. С. 19–28.
- Ронжина Н. В.* Экономические законы общественного развития как детерминанты формирования компетентно развитой личности XXI века // Образование и наука. 2013. № 6. С. 33–47.
- Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2021. 320 с.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 543 с.
- Спиридонов Л. И.* Социальное развитие и право. Л. : Издательство Ленинградского университета, 1973. 205 с.
- Спирин М. Ю.* Юридическая карта современного мира и основания ее исследования // Юридический аналитический журнал. 2011. № 1. С. 13–18.
- Сурия П.* Юриспруденция. Философия права. М. : Академия, 1996. 304 с.
- Хабриева Т. Я.* Право и социальное развитие: новая гуманистическая иерархия ценностей. М. : Инфра-М, 2018. 272 с.
- Цвайгерт К., Кётц Х.* Сравнительное частное право. М. : Международные отношения, 2019. 728 с.
- Черненко А. К.* Правовые технологии и проблемы эффективности формирования правовой системы // Сибирские юридические записки : ежегодный сборник статей Ассоциации юридических вузов «Сибирь» / отв. ред. Н. Г. Стойко. Красноярск : Красноярский университет, 2001. 173 с.
- Черненко А. К.* Теоретико-методологические проблемы формирования правовой системы общества. Новосибирск : Наука, 2004. 296 с.
- Чиркин В. Е.* Законодательная власть. М. : Норма : Инфра-М, 2022. 336 с.
- Шабунова А. А.* Благополучие населения: тенденции и перспективы. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2014. 124 с.
- Шульц В. Л., Бочкарев С. А.* «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 13–20.
- Эрхард Л.* Благополучие для всех. М. : Начала-Пресс, 1991. 335 с.
- Якунин В. И., Роик В. Д.* Социальное измерение государственной экономической политики. М. : Экономика, 2007. 246 с.
- Barro R.* Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. Cambridge : MIT Press, 1998. 160 p.
- Bhagwati P.* Judicial activism and public interest litigation // Columbia Journal of Transnational Law. 1985. Vol. 23. P. 561–577.
- Clague C.* Institutions and Economic Development: Growth and Governance in Less-Developed and Post-Socialist Countries. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1997. 408 p.
- Davis K.* The Relationship between Law and Development: Optimists versus Skeptics // American Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 56. No. 4. P. 895–946.
- Frank A.* The development of underdevelopment // Monthly Review. 1966. Vol. 18. P. 17–31.
- Harriss J.* The New Institutional Economics and Third World Development. London : Routledge Press, 1995. 374 p.
- Levine R.* Law, finance and economic growth // Journal of Financial Intermediation. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 8–35.
- Posner R.* Creating a legal framework for economic development // World Bank Research Observer. 1998. Vol. 13. No. 1. P. 2–11.
- Snyder F.* Law and development in the light of dependency theory // Law and Society Review. 1980. Vol. 14. No. 3. P. 723–804.
- The New Law and Economic Development: A Critical Appraisal / ed. by D. Trubek. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 301 p.

Viera-Gallo J. The legal system and socialism // *Wisconsin Law Review*. 1972. Vol. 1. P. 754–766.

Wellons P. *The Role of Law in Asian Economic Development*. New York : Oxford University Press, 1999. 158 p.

REFERENCES

- Barro R. *Determinants of economic growth: A cross-country empirical study*. Cambridge: MIT Press; 1998.
- Bhagwati P. Judicial activism and public interest litigation. *Columbia Journal of Transnational Law*. 1985;23:561-577.
- Biryukov SV. *Theoretical foundations of the Sociology of Law*. Moscow: Infra-M Publ.; 2021. (In Russ.).
- Chernenko AK. Legal technologies and problems of the effectiveness of the formation of the legal system. In: Stoyko NG, editor. *Siberian legal notes: Annual collection of papers by the Siberia Association of Law Schools*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 2001. (In Russ.).
- Chernenko AK. *Theoretical and methodological problems of the formation of the legal system of society*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2004. (In Russ.).
- Chirkin VE. *Legislative power*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2022. (In Russ.).
- Clague C. *Institutions and economic development: Growth and governance in less-developed and post-socialist countries*. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1997.
- Davis K. The Relationship between law and development: Optimists versus skeptics. *American Journal of Comparative Law*. 2008;56(4):895-946.
- Erhard L. *Welfare for all*. Moscow: Nachala-Press; 1991. (In Russ.).
- Frank A. The development of underdevelopment. *Monthly Review*. 1966;18:17-31.
- Harriss J. *The new institutional economics and third world development*. London: Routledge Press; 1995.
- Kalashnikov SV. *An essay on the theory of the welfare state*. Moscow: Ekonomika Publ.; 2006. (In Russ.).
- Karapetov AG. *Economic analysis of law*. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
- Kazenov AS. *Dialectics of social development*. *Filosofiya i obshchestvo [Philosophy and society]*. 2015;1:201-203. (In Russ.).
- Kerimov DA. *Legislative technique: A scientific, methodological and study guide*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Khabrieva TYa. *Law and social development: A new humanistic hierarchy of values*. Moscow: Infra-M Publ.; 2018. (In Russ.).
- Kurochkin SA. On the prospects of applying the economic analysis of law in Russian jurisprudence. *Rossiyskiy zhurnal pravovyykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2014;4:121-128. (In Russ.).
- Lafitskiy VI. *Comparative jurisprudence in the images of law*. Vol. 1. Moscow: Statut Publ.; 2010. (In Russ.).
- Lafitskiy VI. *Comparative law: National legal systems*. Vol. 2: *Legal Systems of Western Europe*, Moscow: Kontrakt Publ.; 2012. (In Russ.).
- Lafitskiy VI. *Comparative law: National legal systems*. Vol. 3: *Legal systems of Asia*. Moscow: Kontrakt Publ.; 2014. (In Russ.).
- Leger R. *The great legal systems of our time: A comparative legal approach*. Moscow: Volters Kluwer; 2011. (In Russ.).
- Levine R. Law, finance and economic growth. *Journal of Financial Intermediation*. 1999;8(1):8-35.
- Lukasheva EA. *Human rights as a factor of sustainable development strategy*. Moscow: Norma Publ.; 2000. (In Russ.).
- Nersesyants VS. *General theory of law and the state*. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
- Nizova LM. *Social policy as a factor of social development*. Yoshkar-Ola: Volga Region State Technological University; 2017. (In Russ.).
- Osipov MYu. On the issue of quality management of legislation. *Sovremennoe pravo [Modern law]*. 2011;1:11-15. (In Russ.).
- Petrov AV, Yunusov AA. Development of society and human and civil rights. *Vestnik YuUrGU. Seruya «Pravo» [Bulletin of the South Ural State University. Law Series]*. 2005;8:19-28. (In Russ.).
- Posner R. Creating a legal framework for economic development. *World Bank Research Observer*. 1998;13(1):2-11.
- Ronzhina NV. Economic laws of social development as determinants of the formation of a competently developed personality of the 21st century. *Obrazovanie i nauka*. 2013;6:33-47. (In Russ.).

- Saidov AKh. Comparative Law: An academic textbook. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).
- Schultz VL, Bochkarev SA. «The state of law» as an object of scientific and practical understanding. *Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy [Russian Journal of Legal Studies]*. 2014;4:13-20. (In Russ.).
- Shabunova AA. Welfare of the population: Trends and prospects. Vologda: ISERT RAS Publ.; 2014. (In Russ.).
- Snyder F. Law and development in the light of dependency theory. *Law and Society Review*. 1980;14(3): 723-804.
- Sorokin P. Human. Civilization. Society. Moscow: Politizdat Publ.; 1992. (In Russ.).
- Spiridonov LI. Social development and law. Leningrad: Leningrad University Publishing House; 1973. (In Russ.).
- Spirin MYu. The legal map of the modern world and the foundations of its research. *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal*. 2011;1:13-18. (In Russ.).
- Suriya P. Jurisprudence. Philosophy of Law. Moscow: Akademiya Publ.; 1996. (In Russ.).
- Trubek D, editor. The new law and economic development: A critical appraisal. Cambridge: Cambridge University Press; 2006.
- Viera-Gallo J. The legal system and socialism. *Wisconsin Law Review*. 1972;1:754-766.
- Wellons P. The role of law in Asian economic development. New York: Oxford University Press; 1999.
- Yakunin VI, Roik VD. The social dimension of state economic policy. Moscow: Ekonomika Publ., 2007. (In Russ.).
- Zweigert K, Kötz H. Private International Law. Moscow: International Relations Publ.; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мануйлов Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
manuylovant@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton E. Manuylov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Urals State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation
manuylovant@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 28 июня 2024 г.
Статья получена после рецензирования 13 августа 2024 г.
Принята к печати 15 декабря 2024 г.*

*Received 28.06.2024.
Revised 13.08.2024.
Accepted 15.12.2024.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.131-139

Е. В. Кирдяшова

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Государственно-правовые идеалы и многополярный мир

Резюме. Построение многополярного мира требует от государства, претендующего на роль полюса, предложения конкурентоспособной модели общественного устройства и миропорядка, признаваемой как собственным населением, так и участниками международного общения. Эта модель должна опираться и отражать ту силу, которая позволяет государству претендовать на соответствующий статус, выигрышно отличает соответствующий «полюс» от прочих участников международного общения и способна обеспечить необходимое равновесие сложной системе международных отношений. В настоящее время в Российской Федерации указанная модель не артикулирована, хотя и обозначена политическим руководством страны. Имеющиеся трудности ее разработки обусловлены целым рядом причин. Одна из них — вопрос культурного суверенитета, другая — сложный самоорганизующийся характер системы общественных отношений. В статье обозначен ряд теоретико-правовых вопросов, на которые необходимо обратить внимание в процессе формирования соответствующей модели в современной России: язык юридической науки, государственно-правовые идеалы, включая понятие справедливости, и т.д. Подчеркивается также, что разработка модели должна осуществляться специалистами различных направлений научного знания с привлечением методологии постнеклассической науки, позволяющей рассматривать государственно-организованную систему общественных отношений и международный порядок как сложную саморазвивающуюся открытую систему.

Ключевые слова: многополярность; международные отношения; государство; национальное государство; торговое государство; государственный суверенитет; культурный суверенитет; либеральные ценности; справедливость; государственно-правовые идеалы

Для цитирования: Кирдяшова Е. В. Государственно-правовые идеалы и многополярный мир. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 131–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.131-139

State-Legal Ideals and a Multipolar World

Elena V. Kirdyashova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. Building a multipolar world requires a state that claims to be a pole to offer a competitive model of social structure and world order that is recognized by both its own population and participants in international communication. This model should be based on and reflect the force that allows the state to claim the appropriate status, advantageously distinguishes the relevant «pole» from other participants in international communication and is able to provide the necessary balance to a complex system of international relations. Currently, this model is not articulated in the Russian Federation, although it is indicated by the political leadership of the country. The existing difficulties in its development are due to a number of reasons. One of them is the issue of cultural sovereignty; the other is the complex self-organizing nature of the system of social relations. The paper identifies a number of theoretical and legal issues that need to be addressed in the process of forming an appropriate model in modern Russia: the language of legal science, state and legal ideals, including the concept of justice, etc. It is also emphasized that the development of the model should be carried out by specialists in various fields of

© Кирдяшова Е. В., 2025

scientific knowledge using the methodology of post-nonclassical science, which makes it possible to consider the state-organized system of public relations and the international order as a complex self-developing open system. *Keywords: multipolarity; international relations; state; national state; commercial state; state sovereignty; cultural sovereignty; liberal values; justice; state and legal ideals*

Cite as: Kirdyashova EV. State-Legal Ideals and a Multipolar World. *Lex russica*. 2025;78(1):131-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.131-139

Введение

Построение многополярного мира так или иначе предполагает обособление, субъектность (а не формальное участие) в международных отношениях каждого существующего «полюса», положение которого признается всеми, большинством или хотя бы группой отличающихся от других по тем или иным признакам государств и, соответственно, проявляется в их «притяжении», тяготении к этому государству, признании его особой роли в международном порядке, выражающейся в том числе в выработке правил организации и функционирования этого порядка. В существующей сложной системе международных отношений «полюс» выполняет свои специфические функции, содержание которых, как правило и в первую очередь, должно быть обусловлено внутренними целями и задачами составляющего его государственно-организованного общества в целом, правящего класса или сословия (в зависимости от того, в чьих руках находится государственная власть), а также реальной возможностью и способностью соответствующего государства решать те вопросы, которые требуются на уровне межгосударственного взаимодействия в соответствующей области (например, Российская империя на определенном этапе своего существования выступала в качестве «жандарма Европы»).

С этой точки зрения представляется, что речь должна идти все-таки не о многополярности, а о полицентричности системы международных отношений, хотя в большинстве своем различия между ними специалистами в соответствующей области не проводится¹ (кроме того, тема научного мероприятия, в рамках которого была подготовлена данная статья, требует обозначения проблематики с использованием термина «многополярность»). Каждый «полюс» является не только центром своей общности, но и составной частью других систем, формируемых по иным основаниям, в которых функцио-

нируют иные «полюсы», чем обеспечивается суммарный баланс сил. В противном случае мы наблюдаем противостояние и конфронтацию формирующихся точек притяжения, хотя истории известны и такие конфигурации международных отношений.

Основная часть

Принимая во внимание изначально равное положение всех государств — участников международного общения с точки зрения их суверенности (как это формально принято в современном мире), следует предположить, что статус «полюса» должен не только «осознаваться» самим государством, но и признаваться другими государствами и межгосударственными объединениями, готовыми именно в таких категориях выстраивать с ним отношения, отражать реальную силу и преимущества государства-«полюса» в рамках соответствующей общности.

Важной представляется и поддержка заявляемого и формируемого статус-кво государства на международной арене собственным населением этого государства (как силой, способной влиять на внутреннюю и внешнюю политику), поскольку только в этом случае оно готово так или иначе жертвовать другими своими интересами и/или хотя бы соответствующим образом расставлять приоритеты и принимать возможные издержки в процессе выполнения государством своей внешнеполитической миссии.

Очевидно, что одного самосознания государства (политической элиты, политического руководства, определяющего внешнюю политику государства) для формирования и функционирования государства в качестве «полюса» недостаточно. Гражданскому обществу, населению также должна быть продемонстрирована соответствующая ролевая модель, и модель эту необходимо четко артикулировать, а при ее отсутствии — конструировать.

¹ См., например: *Тренин Д.* Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М., 2023.

События последних лет показали, что политическое руководство России приступило к решению этой задачи, однако всё еще находится в пути, и путь этот далеко не легкий. Сопровождающие его сложности носят системный характер и связаны как с реальной экономической, политической, социальной обстановкой, так и с духовным здоровьем граждан России в целом и ее политической, экономической и прочей элиты в частности.

Проводя после распада СССР внешнюю политику в первые свои годы (а в некоторых направлениях и по сегодняшний день), Россия исходила из экономического, политического, культурного лидерства США. При этом предложенные Западом в 80-е гг. прошлого века ценности позиционировались и продолжают в ряде случаев позиционироваться как общечеловеческие. Соответственно, было однозначно отвергнуто и предано анафеме всё «советское», поскольку выстраиваемая модель общественного развития России носила очевидно антисоветский характер, что подчеркивалось в программных документах российского государства и позволяло осуществлять переход к западной демократии².

Осознание того, что США, как и другие представители западного мира, готовы воспринимать Россию исключительно в роли младшего партнера (и даже не вполне партнера), пришло лишь со временем (вспомним знаменитый разворот Евгения Примакова над Атлантикой). Нельзя сказать, что такое положение соответствовало ожиданиям как значительной части политической элиты, так и народа, поскольку долгосрочное и реальное пребывание российского государства (включая СССР) в статусе великой державы нашло отражение в национальном сознании его населения и охватило все слои общества, что с сожалением по-прежнему констатируется иностранными специалистами по России³. Этот факт рассматривается ими как одно из ключевых препятствий для встраивания России в предлагаемую Западом картину мира. Особенностью этой модели является тот факт, что гегемоном в ней являются исключительно США, а все другие должны играть отведенную им роль и принимать установленные правила

игры (даже если им для этого придется отказаться от своих политических амбиций, как, например, произошло с Францией и Германией). В такой модели жизненные интересы и зоны влияния России силами, устанавливающими «правила» мирового порядка, просто не воспринимаются, а проводимая модернизация (осовременивание) любых сфер общественной жизни (включая государственно-правовую) рассматривается как осуществляемая исключительно по схеме вестернизации.

Однако глубинное государство России видело (и надо надеяться, продолжает видеть) свое настоящее и будущее несколько иначе, проявлением чего является и отстаиваемая государством в последние годы картина многополярного мира. Нельзя, однако, утверждать, что общественное мнение в этой части монолитно: очевидно, что несколько десятилетий либерализации серьезным образом отразились в сознании населения, особенно той его части, которая имела отношение к культуре и образованию, гуманистическому блоку. К слову, российская интеллигенция традиционно была склонна к поклонению Западу, что, собственно, зачастую и преподносилось как признак образованности и цивилизованности в противовес традиционности и патриархальности.

Именно западные модели чаще всего официально воспринимались в качестве образцовых и перспективных, содействующих приобщению России к просвещенному европейскому сообществу и отказу от дикости и варварства. Причем Россия готова была с прилежностью отличницы выполнять все указания своих «учителей», чем в том числе можно объяснить русофобию Запада⁴ и его покровительственный тон в общении с нами.

При этом, учитывая принадлежность государствообразующего народа к славянскому этносу, вряд ли уместно противопоставлять русский мир и западную цивилизацию. Особенно принимая во внимание, что другой частью мирового пространства обычно видится традиция восточная, с которой Россия себя точно никогда не ассоциировала. Но в этом случае не следует забывать и то, что западная культура после ряда церковных расколов прекратила свое существо-

² Тренин Д. Указ. соч. С. 162–172.

³ Коткин С. Вечная геополитика России. Путин возвращается к историческим корням // Foreign Affairs. 2016. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vechnaya-geopolitika-Rossii/> (дата обращения: 19.05.2024).

⁴ См., например: Шевченко В. Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 224–247.

вание в качестве весьма гомогенной культурной массы: православие очевидно обособилось от западного христианства, разделившись, в свою очередь, на католицизм и протестантизм. Причем отдельные отечественные исследователи полагают, что именно православие способствовало сохранению и поддержанию истинно христианских основ, выступив истинным поборником первородной западной культуры.

К слову, необходимо отметить, что религиозность в изначально христианском западном обществе сегодня явление далеко не модное, поскольку оно явно не ассоциируется с «современным торговым государством» и отдает патриархальностью и традиционностью. Очень иллюстративно в этой связи недавнее заявление одного из лидеров европейских левых — Славоя Жижека — о наблюдающемся религиозном православном фундаментализме, который может соперничать с фундаментализмом исламским, в свое время однозначно осужденным просвещенным человечеством⁵. С точки зрения подмены религии политическими идеологиями вполне логичный и предсказуемый ход (в Советском Союзе таким образом компенсировали провозглашенный атеизм идеологией коммунизма, поскольку верить во что-то, как доказали эволюционные биологи, человеку всё равно надо⁶), вызвавший, однако, бурю возмущенных реакций в России. Мы почему-то по-прежнему очень нервно реагируем на оценку со стороны Запада.

В общем, история демонстрирует сочетание в нашем общественном сознании, с одной стороны, идолопоклонства перед Европой, а с другой — великодержавного мышления, что позволяло Европе и поучать нас, и опасаться одновременно.

Ведущая западным миром гибридная война с Россией (частью которой выступают когнитивные войны) является в том числе физической попыткой переломить великодержавное мышление россиян. Хотя, конечно, основной упор зарубежные стратеги стараются делать теперь не на внешние факторы, а на внутренние процессы, поскольку семя либерализма уже успело дать свои плоды.

Если мы по-прежнему будем ориентироваться на предлагаемую западную модель мироустройства, нас ждет ровно то, что мы и имеем, — публичное наказание дикой России и желание нам стратегического поражения, чтобы наконец-то у россиян появился повод усмирить гордыню и принять статус побежденного в войне и, соответственно, покоренного государства, готового принять правила победителя — США. Это, кстати, мечта зарубежных политтехнологов, поскольку они полагают, что поражение в сражениях — действенное средство от великодержавного мышления.

Таким образом, западная модель международных отношений и предлагаемое в ней место России вполне однозначны, но, как оказалось, неприемлемы для самой России.

Тогда тем более актуальной становится разработка Россией некоторой альтернативной картины мирового порядка и приемлемой модели существования государственно-организованного общества. Есть, однако, один нюанс. Мировые экономические, финансовые отношения, частью которых мы вполне успешно пытались стать всё это время (так называемая Бреттон-Вудская система), подразумевают именно тот вариант мироустройства, который предлагает Запад. Да, сегодня есть некоторые проблемы с нашим присутствием в этой системе координат, но у части общественности (в самых разных слоях) наблюдаются очевидные ожидания возврата к прошлой, постсоветской жизни. Есть поэтому сомнения, что при таких вводных претензии на самостоятельный «полюс» вполне обоснованны (хотя пример Китая показывает, что варианты все-таки возможны).

Западом продолжает выстраиваться, по сути, новая колониальная система, которая использует иные ресурсы для порабощения «освоенных» («демократизированных») территорий, в частности глобализацию, зеленую энергетику, а сегодня цифровизацию и искусственный интеллект. Государство, которое не преуспевает в соответствующих направлениях развития, определяется в качестве отстающего и ставится в конец очереди приближенных к гегемону или вообще объявляется изгоем.

⁵ Видеоинтервью С. Жижека телеведущему Пирсу Моргану. Словенский культуролог и философ Славоя Жижек: «Надо дать Украине ядерное оружие» // URL: https://m.vk.com/wall-66833222_2930470 (дата обращения: 19.05.2024) ; Акопов П. «Русские не лучше арабов»: Европа сделала свой выбор // РИА Новости, 21 марта 2024 г. URL: <https://tia.ru/amp/20240321/vybor-1934569775.html> (дата обращения: 19.05.2024).

⁶ Буйе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2020. С. 121–158.

Напротив, имеющиеся у отдельных государств очевидные преимущества (по сравнению со странами «золотого миллиарда») специально обесцениваются, хотя никто из лидерской группы не отказался бы обладать ими (например, теми же запасами нефти или газа, к которым они под прикрытием глобального рынка и внедрения демократии пытаются получить доступ). Жесткой критике подвергается сильное государство, отстаивающее национальные интересы, равно как и централизация управления. Здесь как нельзя более удачно приходит на помощь предложенная западной наукой идея «торгового» (а не оставшегося, как утверждает, в прошлом — «национального») государства, поскольку она позволяет определять статус конкретного государства не его суверенностью, а долей в мировом ВВП⁷. Конкурировать на этом поле у России пока не очень-то получается, поскольку правила игры создаются здесь без ее участия и всегда могут быть изменены. Протестантская этика и дух капитализма — очевидно, не наш конек, поскольку исторически мы жили в другой системе координат. Но именно либеральным ценностям в западной картине мира отводится особая роль: с их помощью разрушаются существующие сообщества и выстраиваются новые подконтрольные гегемону общности.

Значит, имеет смысл выйти за пределы этой игровой рыночной площадки и найти ту, где мы можем иметь преимущества, достаточные для того, чтобы стать «полюсом».

Что в настоящий момент пытается предложить российское государство? Обособить себя от западной цивилизации в ее современной интерпретации и обозначить свою уникальность через систему традиционных ценностей российского общества как его мировоззренческой основы.

В тексте Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁸ уже обозначен конфликт между предлагаемыми Западом в качестве универсальных ценностями (часть из которых признана деструктивной идеологией) и ценностями, позволившими сформироваться и

развиваться нашему народу. Это означает, что мировоззренческий, идейный конфликт будет наблюдаться и внутри современного российского общества. Однако поиск собственной системы координат, приемлемой для самой широкой общественности и обеспечивающей ее идентичность самой себе, — это попытка вскочить в отходящий поезд, поскольку позже вернуться к разрушенному будет невозможно и по внутренним и по внешним причинам.

Немаловажный в этой связи вопрос — национальный состав российского общества и его культурная основа. Речь идет не о формальном количестве этносов, присутствующих в нем (эта величина может остаться неизменной или даже увеличиться), а об их культурном единении на основе русского языка и, соответственно, русской культуры, позволившей на протяжении всей истории существования российской государственности обеспечить, с одной стороны, единение народов в рамках государства, а с другой — сохранение их идентичности и самобытности. Опыт других государств показывает, что достижение такого баланса удается далеко не всем многонациональным коллективам. Именно по этой причине общественность серьезное внимание уделяет миграционной политике государства, способной нарушить существующее равновесие. Другим аспектом этого вопроса является сохранение русской идентичности, русского мира и русских как государствообразующего народа, предоставившего духовно-нравственную почву для мирного сосуществования и взаимодействия всех этносов, населяющих территорию России.

Система традиционных ценностей, однако, не единственный компонент необходимого для обособления конкурентного конструкта, поскольку ценности связаны в первую очередь с моральным обликом населения, его нравственным состоянием. Но они должны найти развитие и во всех других сферах общественной жизни, в частности в государственно-правовой. Именно государство способно обеспечить сохранность и упрочение традиционных ценностей и, соответственно, идентичность общества самому себе, поскольку иного организованного института соответствующего статуса и возможностей общество не имеет. Важное значение в

⁷ См., например: Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М., 2019.

⁸ URL: <http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#pnum=0001202211090019> (дата обращения: 19.05.2024).

этой связи приобретают государственно-правовые идеалы как составная часть общей системы ценностей коллектива, определяющие в том числе соотношение общества и государства, политическую организацию. Великодержавное мышление всегда имело тесную связь с государством.

Резонно возникает вопрос степени оригинальности предлагаемых моделей общественной жизни государств, претендующих на обособление в качестве «полюса». При идентичности базовых задач (производство и воспроизводство человеческого коллектива, а также исторически обособившихся сфер общественной жизни: экономической, политической, духовно-культурной и пр.) очевидно, что пути их решения и достижения поставленных целей у тех или иных народов всегда имели свою специфику, обусловленную комплексом взаимодействующих факторов (включая даже географический и др.).

Рассмотрение общества как сложной самоорганизующейся системы в парадигме постнеклассической науки позволяет увидеть и учесть тонко- и сложно функционирующие социальные организмы отдельных народов и культур. В этой связи весьма любопытен опыт существования двухполярного мира, лидерство в котором удерживали СССР и США. Он, с одной стороны, видится как жестко конкурентный с точки зрения политической идеологии, а с другой — имеет общую культурную основу (западную), породившую как идеи коммунизма, так и идеи либерализма.

В свою очередь, Китай, базой которого является культура Востока, смог приспособить коммунистическую идеологию к своим потребностям и продемонстрировать в итоге впечатляющий результат. Равно как и Вьетнам. Таким образом, оригинальность предлагаемых моделей не исключает рецепции идей и институтов, но только в той мере, которая не становится препятствием для решения глобальных стратегических задач сохранения идентичности, обеспечивающей конкурентное преимущество и выживание соответствующего государственно-организованного коллектива. Здесь целенаправленно используется терминология эволюционной биологии, поскольку в условиях

перенаселения планеты речь идет в том числе о физическом выживании и борьбе за ресурсы, необходимые для существования. Однако в отличие от предшествующих тысячелетий естественного отбора теперь в руках человечества имеются технологии, способные в принципе его уничтожить (ядерное оружие в первую очередь). Это не те войны, которые сопровождали жизнь человека с момента его появления и позволяли выживать и устанавливать свои правила и порядки наиболее приспособленным, приводя к тому или иному переделу мира. При этом нельзя не учитывать эволюционные изменения сознания и функций мышления, отразившие накопленный опыт и успех в видовой борьбе, заставившие представителей когнитивной биологии и эволюционной психологии обратиться к научному сообществу с призывом не антропоморфизировать людей!⁹ Человек — гораздо более сложное создание, чем социальная единица.

Еще один нюанс, на который стоит обратить внимание, исследуя вопрос вызовов и перспектив формирования многополярного мира, заключается в использовании представителями политико-правового сообщества достаточно универсальной профессиональной терминологии при наполнении ее смыслами, содержанием, свойственными соответствующей культуре и эпохе. Это создает ложное ощущение единообразия взглядов. «Права человека», «правовое государство», «справедливость», «право», «демократия» и т.д. могут интерпретироваться по-разному даже представителями одной национальной науки¹⁰. История противостояния СССР и США дает основания предположить, что одним из ключевых различий конкурирующих моделей организации общественной жизни может стать понимание справедливости как действительно общечеловеческой, но достаточно по-разному интерпретируемой ценности. Неслучайно именно в ней Древний мир видел основы мироздания и всеобщий Закон, управляющий природой, обществом и даже богами. Она оправдывает и обосновывает или, напротив, опровергает все создаваемые человеком социальные институты и их деятельность.

В науке не прекращаются дискуссии о том, что такое справедливость. Существует мнение,

⁹ См., например: Буайе П. Указ. соч. С. 35–40.

¹⁰ См., например: Нарделли А., Дендрину В. Эксперты-правоведы одобрили конфискацию российских активов, замороженных из-за конфликта на Украине // Bloomberg. 22 февраля 2024 г. URL: <https://inosmi.ru/20240222/konfiskatsiya-267965634.html> (дата обращения: 19.05.2024).

что это не только социальное явление: чувство справедливости современные исследователи когнитивной психологии и эволюционной биологии относят к сформированным на биологическом уровне, врожденным, считая его результатом естественного отбора¹¹. Они же отмечают наличие двух версий интуитивного понимания того, что есть справедливость.

В любом случае признаваемая мировым сообществом справедливость предлагаемой модели мироустройства и организации общественной жизни делает артикулирующее его государственно-организованное общество (государство) априори привлекательным для других, позволяет заручиться поддержкой самых разнообразных культур и народов. Нужно признать, что четкого вектора работы в этом направлении ни отечественная гуманитарная наука, ни культурное сообщество не демонстрируют, по-прежнему рассуждая в привычных для трех последних десятилетий категориях «частная собственность», «рыночная экономика», «свобода предпринимательства» и т.д., т.е. в духе капитализма. Формально запрещенная Конституцией Российской Федерации официальная идеология на практике привела к культивированию либеральной идеологии западного мира, продолжавшемуся все годы после распада СССР и отчасти сохранившемуся сегодня (здесь стоит напомнить, что, например, один из видных представителей либерализма Джон Локк в свое время весьма положительно оценивал передел несправедливо доставшихся другим народам природных ресурсов).

В этой связи представляется, что Указ Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» еще не принят обществом, особенно той его частью, которая отвечает за формирование смыслов. Для подтверждения этого достаточно посмотреть, что демонстрируется даже на центральных телеканалах в прайм-тайме. Получается, что государство, с одной стороны, занимается воспитанием подрастающего поколения в школах и высших учебных заведениях в духе традиционных ценностей (взять, к примеру, курс «Основы российской

государственности»), а с другой — сохраняет и поддерживает бизнес «от культуры» (в том числе с государственным участием). Надо отдать должное главе государства, который мягко, но настойчиво проводит заложенные в Указе идеи, но культурная элита далеко не всегда находится на этой волне. В итоге Западу проигрываются как минимум отдельные сражения за умы нашего населения, особенно значимые, если речь идет о молодежи.

И это в то время, когда у нашего общества и государства имеются возможности овладения умами даже мировой общественности, что признается американскими аналитиками. В февральском докладе 2024 г. признанной в России нежелательной организации RAND Corp.¹² «Технологические и экономические угрозы финансовой системе США»¹³ говорится, например, о том, что таковыми являются Китай, который вполне может преуспеть в войне роботов и искусственного интеллекта (а американская финансовая система значительную долю операций осуществляет посредством цифровых технологий), и Россия, у которой есть большие успехи в меметической инженерии (memetic engineering), позволяющие ей оказывать психологическое влияние непосредственно на американское население, распространяя соответствующие мемы с правдивой информацией и изменяя поведение адресатов. И противопоставить этой индивидуально-ориентированной работе со стороны России властям США пока нечего. Здесь необходимо также иметь в виду, что отмеченная в докладе способность России есть в том числе результат усвоения опыта СССР, практика работы которого с сознанием населения и огромными массами воспринимается сегодня западными социологами как образец для подражания.

Таким образом, России необходимо обеспечить не только энергетический, продовольственный, финансовый, технологический, военный, но и культурный суверенитет, который отразится, в частности, на правовой культуре российского общества, системе и содержании государственно-правовых идеалов. Но именно здесь наблюдаются очевидные проблемы, обусловленные указанными выше причинами.

¹¹ Буйе П. Указ. соч. С. 205–253.

¹² Аналитический центр RAND Corporation. Включен Минюстом РФ в Перечень иностранных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной.

¹³ Выпуск передачи «Формула смысла» от 26 февраля 2024 г. // URL: <https://smotrim.ru/video/2766201> (дата обращения: 19.05.2024).

Если мы по-прежнему рассуждаем в предложенных в 1990-е гг. категориях капиталистического, индустриального, постиндустриального и информационного общества, мы и в идеологическом плане остаемся заложниками современного либерализма, который определяет наше советское прошлое как тупиковое направление развития квазисовременного государства; делает ставку на торговое, а не национальное государство, измеряющее свое могущество долей мировых экономических ресурсов, суверенитет которого носит всё более условный характер, превращая бывшее суверенное национальное государство в государство — члена международного сообщества; участие населения в выборах оценивает практически как атавизм, который надо заменить искусственным интеллектом (Клаус Шваб¹⁴), и прочая, и прочая. Или все-таки мы находимся в той точке развития, которая способна предложить новое, альтернативное западному капитализму направление, став точкой отсчета?

Но для этого необходимо активизировать работу по обсуждению и формированию этой новой модели общественного и мирового устройства, оторваться от привычной и хорошо изученной еще В. И. Лениным буржуазной картины мира и противопоставления систем. В противном случае мы остаемся в проторенной Западом колее (причем далеко в хвосте) и вряд ли сможем сформировать свой «полюс».

К слову, по меркам современных западных либеральных постмодернистов, русские всё еще являются дикарями: 30-летний период приобщения к западной (а скорее американской) культуре и протестантской этике принесли определенные результаты (например, часть российского населения стала рассуждать в категориях «здорового», а когда-то и нездорового эгоизма), но не дал им окончательно вытеснить традиционные представления русского народа о мироустройстве, коллективизме, глубоко укорененные в общественном сознании. То есть шанс есть.

Заключение

Что касается теоретико-правовой науки и ее возможного участия в построении конкурентоспособной модели, представляется, что для начала необходимо осуществить ревизию и актуализацию так называемых государственно-правовых идеалов, четко связав их содержание с целями и задачами развития российского общества, сохранения его идентичности и обеспечения культурного суверенитета. При этом важным является постоянное взаимодействие со специалистами из других областей юридических и неюридических знаний (социологами, экономистами, политологами и т.д.) ввиду требуемого меж- и трансдисциплинарного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акопов П. «Русские не лучше арабов»: Европа сделала свой выбор // РИА «Новости». 21 марта 2024 г. URL: <https://tia.ru/amp/20240321/vybor-1934569775.html> (дата обращения: 19.05.2024).

Буйе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие. М., 2020. 436 с.

Коткин С. Вечная геополитика России. Путин возвращается к историческим корням // Foreign Affairs. 2016. № 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vechnaya-geopolitika-Rossii/> (дата обращения: 19.05.2024).

Любашиц В. Я., Разуваев Н. В. Эволюция государства: историческая динамика и теоретическая модель. М., 2019. 533 с.

Нарделли А., Дендрину В. Эксперты-правоведы одобрили конфискацию российских активов, замороженных из-за конфликта на Украине // Bloomberg. 22 февраля 2024 г. URL: <https://inosmi.ru/20240222/konfiskatsiya-267965634.html> (дата обращения: 19.05.2024).

Тренин Д. Новый баланс сил. Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М., 2023. 471 с.

«Формула смысла». Выпуск передачи от 26 февраля 2024 г. // URL: <https://smotrim.ru/video/2766201> (дата обращения: 19.05.2024).

¹⁴ Шваб К. Выборы не нужны. ИИ предскажет, кто победит // Общенациональное телевидение. 21 января 2024 г. URL: <https://ont.by/news/klaus-shvab-vybory-ne-nuzhny-ii-predskazhet-cto-pobedit> (дата обращения: 19.05.2024).

Шваб К. Выборы не нужны. ИИ предскажет, кто победит // Общенациональное телевидение. 21 января 2024 г. URL: <https://ont.by/news/klaus-shvab-vybory-ne-nuzhny-ii-predskazhet-kto-pobedit> (дата обращения: 19.05.2024).

Шевченко В. Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 224–247.

REFERENCES

«The formula of meaning.» The program appeared 26.02.2024. Available at: <https://smotrim.ru/video/2766201> [Accessed: 19.05.2024]. (In Russ.).

Акопов Р. «Russians are no better than Arabs»: Europe has made its choice. RIA Novosti. 21.03.2024. Available at: <https://tia.ru/amp/20240321/vybor-1934569775.html> [Accessed: 19.05.2024]. (In Russ.).

Boyer P. The anatomy of human communities. How consciousness defines our being. Moscow; 2020. (In Russ.).

Kotkin S. The Eternal Geopolitics of Russia. Putin returns to historical roots. Foreign Affairs. 2016;3. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/vechnaya-geopolitika-Rossii/> [Accessed: 19.05.2024]. (In Russ.).

Lyubashits VYa, Razuvaev NV. Historical Dynamics and Theoretical Mode». Moscow; 2019. (In Russ.).

Nardelli A, Dendrinu V. Legal experts have approved the confiscation of Russian assets frozen due to the conflict in Ukraine. Bloomberg. 22.02.2024. Available at: <https://inosmi.ru/20240222/konfiskatsiya-267965634.html> [Accessed: 19.05.2024]. (In Russ.).

Schwab K. Elections are not needed. AI will predict who will win. National Television. 21.01.2024. Available at: <https://ont.by/news/klaus-shvab-vybory-ne-nuzhny-ii-predskazhet-kto-pobedit> [Accessed: 19.05.2024]. (In Russ.).

Shevchenko VN. Features of Russia's civilizational development in the context of confrontation with the West. The phenomenon of Russophobia. *Voprosy sotsialnoy teorii*. 2022;14:224-247. (In Russ.).

Trenin D. The new balance of power. Russia is in search of a foreign policy balance. Moscow; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирдяшова Елена Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
elena.kirdyashova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Kirdyashova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
elena.kirdyashova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19 июля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 5 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 19.07.2024.

Revised 05.09.2024.

Accepted 15.12.2024.

С. В. Кабышев

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Актуализация научной методологии российского конституционализма (в контексте идейного наследия профессора В. Е. Чиркина)

Резюме. По случаю 100-летия со дня рождения профессора Вениамина Евгеньевича Чиркина в статье обсуждается его обширное идейное наследие, главным образом с позиции решения перспективно-прогностических задач, стоящих перед российской конституционной юриспруденцией. Внимание фокусируется на содержащемся в этом наследии значительном потенциале для обновления в современных условиях научной методологии отечественного конституционализма, включая вопросы, связанные с инструментарием (концептуально-аналитическими подходами) научного познания, терминологическими, предметными, функциональными, институционными, личностными и иными характеристиками конституционализма, конституции, конституционного права. Обосновывается определяющая роль ценностно-цивилизационного подхода в конституционной юриспруденции, позволяющего раскрыть предпосылки, закономерности, тенденции развития конституционных институтов в специфически национальном социокультурном контексте, в их неразрывной связи с формированием и обеспечением общенациональной конституционной идентичности. Ценностно-цивилизационный подход не противопоставляется, а сопрягается с разумным прагматизмом и реализмом, смысл которых — не поставить конституционное право на службу целесообразности, а раскрыть его как наиболее целесообразную форму идейно-нормативного выражения духа, быта и судьбы народа. Логика основанного на традиционных духовно-нравственных ценностях конституционного развития обуславливается введением принципа диалогической преемственности, который подразумевает не воспроизведение (консервацию) прошлого, а конституционный диалог с прошлым.

Ключевые слова: российский конституционализм; конституционная идентичность; преемственность; конституционный диалог; ценностно-цивилизационный подход

Для цитирования: Кабышев С. В. Актуализация научной методологии российского конституционализма (в контексте идейного наследия профессора В. Е. Чиркина). *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 140–150. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.140-150

Updating Scientific Methodology of Russian Constitutionalism (In the Context of Professor V.E. Chirkin Ideological Legacy)

Sergey V. Kabyshev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The State Duma of the Federal Assembly Russian Federation

Moscow, Russian Federation

Abstract. On the 100th anniversary of the birth of Professor Veniamin E. Chirkin the paper discusses his extensive ideological legacy mainly from the perspective of solving perspective-predictive tasks facing Russian constitutional jurisprudence. Attention is focused on the significant potential contained in this legacy for changes in the scientific methodology of Russian constitutionalism in modern conditions, including issues related to the tools (conceptual and analytical approaches) of scientific knowledge, terminological, substantive, functional, institutional, personal and other characteristics of constitutionalism, the constitution, constitutional law. The author substantiates the defining role of the value-civilizational approach in constitutional jurisprudence, which allows revealing the prerequisites, patterns, and trends in the development of constitutional institutions in a specifically national socio-cultural context, in their inseparable connection with the formation and maintenance of a national constitutional identity. The value-based civilizational approach is not opposed, but is coupled with reasonable pragmatism and realism, the meaning of which is not to put constitutional law at the service of expediency, but to reveal it as the most appropriate form of ideological and normative expression of the spirit, way of life and destiny of the people. The logic of constitutional development based on traditional spiritual and moral values is justified by the introduction of the principle of dialogical continuity, which implies not the reproduction (preservation) of the past, but a constitutional dialogue with the past.

Keywords: Russian constitutionalism; constitutional identity; continuity; constitutional dialogue; value-civilizational approach

Cite as: Kabyshev SV. Updating Scientific Methodology of Russian Constitutionalism (In the Context of Professor V.E. Chirkin Ideological Legacy). *Lex russica*. 2025;78(1):140-150. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.140-150

Обсуждение идейного наследия профессора В. Е. Чиркина по случаю 100-летия со дня его рождения наиболее целесообразно и плодотворно вести не с позиции интеллектуально-творческой историографии, намечая в ней определенные вехи и тематически сгруппированные достижения, а под углом зрения первоначально значимых для самого В. Е. Чиркина перспективно-прогностических задач научной конституционной юриспруденции. Речь идет о фокусе внимания на конституционно-правовом моделировании настоящего и будущего, о парадигмальном взгляде на конституционно-правовые реалии, закономерности и тенденции в целях научно обоснованного управления конституционным развитием и лучшего обустройства социально-правовой жизни исходя из приоритета общенациональных интересов. В таком взгляде, сочетающем фундаментальные идейно-философские познания конституционной государственности как феномена в развитии человечества с глубоко реалистиче-

ским и разумно прагматическим пониманием особенностей ее становления в конкретно-исторической практике, содержится потенциал для крайне необходимого сегодня — в условиях смены эпох, глобальных метаморфоз власти, свободы, собственности, переустройства миропорядка — обновления, прежде всего методологического, научного российского конституционализма.

Категория конституционной модели (парадигмы) — одна из центральных в наследии профессора В. Е. Чиркина. С одной стороны, она отражает существующую объективно в реальности систему конституционно-правовых принципов, норм и институтов, включающих при данном общественном и государственном строе возможное, целесообразное, допустимое и необходимое, т.е. выступает как парадигма-реалия, а с другой стороны, она выявляется исследователем сквозь призму понимания должного, т.е. проявляется как парадигма-концепция (-конструкция, -идеал)¹.

¹ Чиркин В. Е. О социоэкономической парадигме (модели) Конституции России 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 27–32.

Диалектика сущего и должного, реального и идеального в конституционной модели (парадигме) задается глубиной познания конституционной современности во всей полноте ее многообразия (имея в виду не страновой, а типологический подход) и пониманием выходящего за рамки собственно юриспруденции конкретного цивилизационно-культурного и социально-исторического контекста. Юридическая компаративистика, по В. Е. Чиркину, в принципе должна избегать чрезмерной юридикации, поскольку излишнее абстрагирование от национально-специфических условий той или иной страны может вести к неточным представлениям о содержании и реальном действии изучаемого института в разных ситуациях². Вместе с тем идеально-ценностные и культурно-контекстные аспекты анализа и построения конституционной модели (парадигмы) не предполагают ее субъективистского характера. Соответствующие идеальные представления не являются результатом произвольного усмотрения (субъективных предпочтений), а проистекают (выводятся) из реалий через их оценивание, подчиняются требованиям научной аргументации и достоверности. На этой основе и должен решаться в конечном счете главный вопрос об эффективности конституционной модели (парадигмы) с позиции понимания роли и функций конституции и конституционного регулирования, возможности адекватно отвечать конституционными средствами на вызовы времени.

Раскрывая принципиальные стороны общего, что необходимо для создания понятия юридической конституции, профессор В. Е. Чиркин на первое место среди объективных, формально-юридических и иных признаков ставит ценностную ориентацию любой конституции, т.е. то обстоятельство, что она исходит из базовых положений, признаваемых в качестве ценностей в данной цивилизации, в той или иной форме закрепляет их на основе сотрудничества и состязательности общественно-политических сил³. Ценностно-цивилизационная обусловленность конституции, как можно видеть из размышлений В. Е. Чиркина, с одной стороны, имеет важный практический смысл, поскольку

существенным образом влияет на параметры государственной власти и ее способность установить и эффективно обеспечивать легальный и легитимный порядок создания и распределения социальных благ в обществе, а с другой — является выражением мировоззренческих оснований суверенитета государства, которое должно сохранять и поддерживать национальную социокультурную идентичность.

По мнению В. Е. Чиркина, идеологизация конституций, развитие в них программных положений как общего характера, так и по конкретным общественным отношениям, включение в отдельные нормы программных установок — объективные тенденции динамики современного конституционализма⁴. В этой связи нужно с большим вниманием отнестись к его критике встречающегося в научной полемике противопоставления идеологического многообразия и государственной идеологии, в том числе с позиции ст. 13 Конституции РФ: идеология, выраженная в конституции как основополагающем документе государства и общества, замечает профессор В. Е. Чиркин, становится государственной идеологией или по крайней мере содержит ее основные положения, а что касается указанной конституционной нормы, то при ее реализации нужно различать государственную идеологию, выраженную в основном законе, и принудительно устанавливаемую государством (властью) обязательную идеологию (чему и препятствует указанный конституционный запрет)⁵. Состоявшееся в 2020 г. усиление ценностно-мировоззренческой (идеологической) и программно-стратегической функций Конституции РФ путем включения в нее комплекса положений, касающихся общероссийской государственной идентичности и гарантий ее сохранения и защиты, требует уточнения представлений о механизме реализации Конституции РФ, ее верховенстве (не только формально-юридическом) в режиме прямого действия, раскрытия содержательной стороны воздействия конституционных ценностей на различные отрасли и уровни правового регулирования, на систему образования и воспитания, на правовое поведение.

² Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. М. : Юриспруденция, 2011. С. 3.

³ Конституция в XXI веке : сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М. : Норма : Инфра-М, 2011. С. 22–25 (автор параграфа — В. Е. Чиркин).

⁴ Конституция в XXI веке : сравнительно-правовое исследование. С. 36.

⁵ Конституция в XXI веке : сравнительно-правовое исследование. С. 50–51.

Последовательное, системное освоение ценностно-цивилизационного подхода является одним из важных условий для преодоления признаков методологической фрустрации (исторической «растерянности») в нашей конституционно-правовой науке. Нельзя не видеть значительную силу инерции не оправдавших себя произвольных зарубежных заимствований и вместе с тем отсутствие в отечественной юриспруденции (при всех формальных заверениях в обратном) реальной сосредоточенности и результативности в раскрытии оригинальной национальной концепции конституционализма, основанной на признании уникальности и достоинства тысячелетней российской государственности.

Российский научный конституционализм отстает от велений времени, избыточно повторяется пройденного и комментаторством, не дает нужного стратегического и прогностического анализа, который бы способствовал лучшей комплексной оценке рисков и последствий правовых решений. Попытки найти спасение в «передовых» зарубежных моделях, прикрыться мнимым прагматизмом оказываются по большей части бесплодными, создают риски разбалансировки, нарушения функционирования правовой системы. Здесь надо подчеркнуть, что истинная прагматика, которую с успехом демонстрировал профессор В. Е. Чиркин, заключается не в том, чтобы поставить право на службу целесообразности, которая нередко носит субъективный характер, а в том, чтобы обеспечить прочную конституционно-правовую основу для реализации стратегических национальных интересов, осознать и раскрыть конституционализм, конституцию, конституционное право в качестве рациональных и в этом смысле наиболее целесообразных форм идейно-нормативного выражения духа, быта и судьбы народа.

Одна из важных задач методологического обновления понимаемого подобным образом научного российского конституционализма состоит в формировании (ревизии) конституционной терминологии. В работах В. Е. Чиркина этому вопросу уделено особое внимание, поскольку конституционная терминология имеет руководящее значение для отраслей

права, обеспечивает определенность, системную согласованность, эффективность правового регулирования, а использование неактуальных, неточных, ошибочных, неадекватных содержанию отношений терминов порождает противоречия в понимании оснований, принципов, целей, на которых строятся нормы права, влечет расхождение между конституционными нормами и реальностью, если соответствующие нормы облечены в привнесенные (рецепированные) терминологические конструкции, характеризующие правовые и социально-политические институты и процессы, не являющиеся релевантными национальной правовой системе⁶.

В частности, В. Е. Чиркин занимает принципиальную позицию унитарности термина «конституция», исключает предметно-терминологическую дифференциацию, множественность конституций (например, экономической, финансовой), в том числе путем доктринального обозначения в соответствующем качестве тех или иных нормативных правовых актов. Высокое звание конституции присваивается некоторым актам, замечает он, чтобы придать значимость, но, по сути, речь идет о конституционных основах определенных отношений, и хотя, например, исследования экономистов важны, могут охватывать предметное поле реализации конституционных норм, юристы не должны забывать об объекте исследований (не сама экономика, а правовое регулирование данных отношений); особой же экономической конституции в государствах нет, такая терминология принижает значение конституции⁷. Верно и другое: приписывание конституционной значимости какому-либо закону (например, гражданскому кодексу) отражает отраслевые амбиции, притязания на соответствующее отраслевое верховенство, исключительность правового регулирования определенных отношений, на ценностный приоритет такого регулирования (якобы лучше всего обеспечивающего соответствующие интересы). Так, например, формируется представление о гражданско-правовых прерогативах на институционализацию собственности, тогда как в действительности отношения собственности неразрывно связаны с экономической основой общества и государ-

⁶ Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М. : Норма, 2024.

⁷ Чиркин В. Е. О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11–13.

ства, имеют конституционное и межотраслевое значение.

Такие терминологические несоответствия имеют прямой выход на практику. Актуальным примером может служить резонансная проблема применения срока исковой давности при обращении взыскания на имущество, приобретенное в связи с коррупционным правонарушением. Полемика по этому вопросу, высветившая позиции о примате частного права в решении вопросов о лишении собственности, безусловном приоритете интересов определенности и стабильности гражданского оборота, свидетельствует об идеологических, ценностно-мировоззренческих коллизиях в нашем правовом порядке. Вместе с тем некоторые гражданско-правовые рефлексии реализации публично-правовых по своему характеру институтов, включая применение механизмов коррупционной превенции, не могут служить оправданием тому, что происходит превращение, приватизация публично-правовых инструментов, их подчинение несвойственным принципам, рассчитанным на договорное взаимодействие равных субъектов. Важно, однако, чтобы соответствующие публично-правовые механизмы сами были определенными и завершенными, в том числе в части установления разумных сроков для их реализации.

Расхожий термин «разделение властей», как верно замечает В. Е. Чиркин, является неточным, и правильнее говорить о «разделении власти», что отражает единство государственной власти, а термин «верхняя палата» не соответствует действительности, решающее значение имеет нижняя палата⁸. Действительно, термин «разделение властей» не закреплен в Конституции РФ, которая предусматривает, что «государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную» (ст. 10). Осуществление государственной власти на основе такого разделения не означает, что в системе государственной власти не могут существовать иные органы, организационные подсистемы, которые реализуют специализированные функции государства, не вторгаясь в конституционные прерогативы, определенные в отношении законодательной, исполнительной и судебной власти. В этом пла-

не можно допускать и возможность обособления контрольной власти⁹.

Что касается ранжирования палат российского парламента на верхнюю и нижнюю, то Конституции РФ такие характеристики неизвестны, она исходит из того, что палаты, имея каждая свои особенности конституционного предназначения, являются равнозначными элементами единого механизма народного представительства, обеспечивая взаимосвязь его различных (социально-групповых, территориальных) проявлений. Между палатами Федерального Собрания России нет субординации. Согласно Конституции РФ палаты парламента наделены полномочиями, которые не пересекаются, не дублируют, а зачастую дополняют друг друга. Именовывать палаты верхней и нижней исходя из того, что проекты законов движутся якобы снизу вверх, так что сначала законы принимает Государственная Дума, а затем Совет Федерации их одобряет или не одобряет? Однако Совет Федерации не вправе изменить текст принятого закона, он может только не одобрить его. Государственная Дума вправе согласиться с этим, но также вправе преодолеть это неодобрение квалифицированным большинством голосов. И в этом случае закон направляется на подпись Президенту РФ. То есть и в законодательном процессе не отражается принцип действия верхней и нижней палат. Использование устаревших языковых форм, расхождение терминов и реалий в праве искажает смысл правовых понятий, создает неверные представления и осложняет решение многих вопросов.

Профессор В. Е. Чиркин — сторонник понимания конституционного права в общей логике «права основ», но не ограничивается этим. Категория «основы» призвана не только отражать уровень регулирования и степень его нормативно-содержательной обобщенности, но и выражать характер, природу, объективное единство соответствующих отношений. Так, анализируя «основы основ», т.е. конституционную категорию «основы конституционного строя», введенную взамен ранее применявшейся категории «основы общественного строя», В. Е. Чиркин видит в ней определенные недостатки, связанные прежде всего с акцентом на формальную сторону, на факт закреп-

⁸ Чиркин В. Е. К вопросу о точности конституционной терминологии // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 64, 67.

⁹ См.: Чиркин В. Е. Контрольная власть. М. : Юрист, 2008.

ления основ каких-то отношений конституцией, а также с тем, что происходит размывание единства составных частей в общем названии общественного строя¹⁰. Сами же «основы», содержащиеся в конституционном праве как таковом, видятся ему первоисточником, исходными нормами для других отраслей права, которые подлежат развитию в этих отраслях¹¹.

В то же время объектно-уровневый признак в обосновании конституционного права дополняется субъектным признаком. Под конституционным правом профессор В. Е. Чиркин понимает систему внутренне согласованных норм, закрепляющих и регулирующих основы социально-экономической структуры общества, его политической системы, духовной жизни, правовой статус личности и обеспечивающих правовыми средствами условия для осуществления государственной власти, участия в ней, борьбы за нее мирными, конституционными средствами¹².

При таком подходе сама по себе категория «основы», носящая скорее объектно-уровневый характер и относящаяся к определению принципов правовой системы, не абсолютизируется, не является самодовлеющей, а приобретает реальное, жизненное значение и наполнение в системе взаимоотношений человека, коллектива, общества и государства — они не просто следуют за «основами», но и формируют (развивают, преобразуют) их. Вот почему те или иные относящиеся к «основам» принципы (например, правовое государство, социальное государство, демократия, федерализм, разделение властей и т.п.) неправильно рассматривать и трактовать в абстрактно-отвлеченном ключе (как некую вещь в себе). Соответствующие принципы существуют в конституционно-правовых реалиях как проявление определенного мировоззрения, носителями которого выступают человек и публично-социальные общности, а потому эти принципы не должны раскрываться без учета понимания социально-ролевой сущности субъектов конституционных правоотношений, сложившейся в конкретно-национальной исторической среде.

Так, в российском социокультурном пространстве человек и государство исторически и философски не противопоставлены борьбой между индивидуальной свободой и порядком, вследствие которой государство предстает как вынужденное зло, призванное смирить греховность человеческой личности. Они, напротив, объединены стремлением к духовному, нравственному идеалу, и государство как органическое лично-собирательное целое служит носителем закона, традиции, правды, позволяет человеку утвердиться в своем служении общему благу.

В этой связи не может не настораживать (во все большей степени с течением времени) то подмеченное профессором В. Е. Чиркиным обстоятельство, что проблема сущности и содержания современного Российского государства мало исследовалась государствоведческой наукой (форма изучена достаточно)¹³. Само конституционное право демонстративно деэтицизировано, отмежевано от государственного права, а в редких обращениях к тематике субъектности государства фокусируется на том, что обобщенно можно определить как «обуздание Левиафана». Обсуждение в контексте состоявшихся в 2020 г. конституционных изменений проблем развития российской государственности с позиции главным образом различных аспектов трансформации публичной власти (системно-структурных, функциональных, территориальных и прочих им подобных) при всей их важности вытесняет и подменяет главную дискуссию о государстве с позиции конституционной онтологии и аксиологии.

Вместе с тем нельзя не заметить, что абстрактное (универсально-всеобщее, идеализированное) восприятие конституционных принципов ведет к постановке вопросов об определении состава субъектов конституционного права как якобы обусловленного самими этими принципами. В частности, предпринимаются попытки с явной или подразумеваемой отсылкой к принципам демократии и приоритетной защиты прав человека обосновывать признание конституционной правосубъектности за молодежью, студенчеством. Но не

¹⁰ См.: Чиркин В. Е. Социально-экономические положения Конституции: новое регулирование и изучение в курсе конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 170–176.

¹¹ См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М.: Юрист, 1997. С. 12.

¹² См.: Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. С. 11.

¹³ См.: Чиркин В. Е. Столетняя модификация Российского государства с позиции государствоведения: сущность, содержание, форма // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 12.

происходит ли здесь подмена основания предоставления конституционных гарантий для обеспечения реализации конституционных прав основанием признания отдельного носителя конституционной правосубъектности? Не ведет ли такой подход к размыванию категории субъекта конституционного права, который должен обладать естественным или организованным волевым единством и иметь возможность вступать в основополагающие отношения власти, свободы, собственности? Не принижается ли здесь значение, объективная ценность самих прав человека, которые признаются за каждым от рождения, а применительно к гражданину — в силу вхождения в национально-государственное сообщество, являются в этом смысле всеобщими и равными, как таковые не зависят от социально-демографических признаков? Существуют ли в действительности объективные социокультурные предпосылки для юридико-технического конструирования таких субъектов конституционного права, новых носителей особых прав человека?

Методологически значимая позиция профессора В. Е. Чиркина в отношении прав человека — их соотносимость с дифференцированными ценностно-цивилизационными основами общества. Суть прав человека, по его мнению, должна раскрываться не вообще, а с точки зрения трех существующих в мире глобальных правовых систем, различающихся по своей социальной сущности (мусульманская, либерально-полусоциальная капиталистическая, тоталитарно-социалистическая), и сближение правового регулирования прав человека, хотя и происходит в некоторых аспектах, не касается существа (социальной природы основных прав человека и гражданина), имеет элементы антагонистических противоречий¹⁴.

Осмысление отечественного конституционализма, методологии его познания с опорой на ценностно-цивилизационный подход намечает проблему конституционного социально-исторического развития, понимания переходных состояний общества, государственности, права. Пребывая в условиях развития постсоциалистической реальности, Россия переживает двойной переход — от интеграции в западоцентрический глобализм к обустройству суверенной

государственности на основе социокультурной идентичности, приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям и участия в справедливой многополярности. Важно учитывать, что идентичность, уважение к традиции — руководящие требования не архаизации и консервации, а естественной эволюции, приводящей к развитию объединенного языком, историей и культурой народа, не превращающегося при этом в нечто иное, противоположное себе самому.

Профессор В. Е. Чиркин, рассматривая динамику постсоциалистической государственности и права, выделил два основных качества данного процесса: государственную и правовую непрерывность (преемственность) и прерывность (разрыв с прошлым). В идеальной перспективе такое сочетание должно привести, по его мнению, к формированию создаваемого общества со следующими характеристиками: человек является высшей ценностью и главной целью развития, существует высокотехнологичное («инновационное»), плюралистическое (глобализация не должна приводить к сплошной унификации), открытое (людям и миру), демократическое, поликратическое общество с определенными конституцией властными полномочиями различных территориальных коллективов; восприняты некоторые постулаты, идущие и от традиционных религиозных течений, а также более поздние, «очищенные» от тоталитаризма идеи так называемого научного социализма (социальная справедливость, особая защита прав и интересов трудящихся, планирование и прогнозирование развития и др.); восприняты и некоторые постулаты капитализма — частная собственность, рынок, свобода труда, свободная конкуренция, прибыль, способствующие интенсификации производства, повышению производительности труда, а следовательно, улучшению качества жизни людей¹⁵.

Представляется, что государственно-правовая преемственность и прерывность — не два различных противоборствующих качества (начала), свойственных переходному обществу, а отражение диалектики конституционно-правового цивилизационного развития, которая проявляется через конституционный диалог

¹⁴ См.: Чиркин В. Е. Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 127–134.

¹⁵ См.: Чиркин В. Е. Постсоциалистическое государство XXI века // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 7, 10.

с прошлым. Диалогизм конституционно-правового развития — это и особый концептуально-методологический научно-исследовательский прием, и своеобразный политико-правовой режим, и одновременно интегральный принцип суверенного самоопределения народа, основанный на безусловном признании и гарантировании достоинства российского народа как культурно-исторической, цивилизационной общности, чье целостное единство, стратегическое государственно-правовое целеполагание и институциональные механизмы его реализации определяются формированием ценностного отношения к памяти предков, отраженным в ней представлениям об основаниях, формах, пределах государственно-правовой организации общества, на весах правового прогресса. В этом качестве конституционный диалог служит «оживлению» традиции, наполняет принципиальную ценностно-мировоззренческую установку конституционной преемственности прогностическим содержанием.

С этих позиций не могут догматизироваться подходы, относящиеся, в частности, к формальной, организационно-властной стороне государства. Правилен и крайне актуален тезис профессора В. Е. Чиркина о том, что современные конституции призваны отразить систему публичной власти с учетом реалий, а не только благородных, прекрасных гуманистических идеалов, сохраняя ценность последних, в связи с чем возможны и оправданны, например, различные модели территориальной организации публичной власти, в том числе на основе сочетания органов и должностных лиц государства и органов местного самоуправления, равно как различные модели организации высшей государственной власти¹⁶. Так, Конституция РФ (с учетом поправки 2020 г.) предусматривает включение в институциональный состав федеративной государственности федеральной территории, которая является отдельной, самостоятельной формой территориальной организации публичной власти. Независимо от модели законодательной конкретизации данного института федеральная территория представляет собой федерально организованную территорию, а не публично-территориальную самоорганизацию, обеспечивает интеграцию

органов государственной и муниципальной власти.

Не менее важна реалистичность, трезвость конституционно-правовых оценок, касающихся тенденций и перспектив развития публичной власти. Примечательны в этом плане критические суждения профессора В. Е. Чиркина по поводу известной точки зрения о парламенте и парламентаризме как слабеющей системе управления, которую он считал неверной. И дело не только в том, что в определенные периоды роль парламента то снижается, то возрастает, а если и падает, то не безусловно, и за ним остаются важнейшие функции, которые не в состоянии выполнять никакой другой орган, но и в том, что в современных реалиях возникают новые институты парламентаризма, которые способствуют уравниванию системы публичной власти (например, развитие парламентского контроля, в том числе на уровне комитетов)¹⁷.

Так, в рамках реализации впервые в мае 2024 г. обновленного конституционного порядка формирования состава Правительства РФ в Государственной Думе обсуждались и учитывались как характеристики кандидатов на соответствующие должности, так и представленные ими программы основных направлений деятельности, подготовленные на основе законодательства и поставленных Президентом РФ стратегических задач. Теперь Государственная Дума разделяет ответственность за достижение целей этих программ, а комитеты не просто осуществляют контроль за исполнением законов, но и активно вовлечены в обеспечение совместной реализации правовой политики по соответствующим направлениям.

Обсуждая вопросы государственно-правовой, конституционной преемственности, важно видеть в национальном политико-правовом наследии не только источник эволюционного преобразования, преображения национальной государственности, но и неотъемлемую часть достояния мировой конституционной культуры, источник новаторских, опережающих правовых идей и конструкций, востребованных за рубежом. Общеизвестен вклад отечественной государственности в становление социального конституционализма. Профессор В. Е. Чиркин обращает внимание и на иное. Например, на

¹⁶ См.: Чиркин В. Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии // Государство и право. 2011. № 6. С. 12.

¹⁷ См.: Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование. С. 433, 445.

учет опыта СССР, впервые применившего некоторые принципиальные положения при объединении суверенных государств в единое новое территориальное публично-правовое образование, в ходе становления Европейского Союза¹⁸. Здесь же уместно подчеркнуть особую доктринальную и практическую роль отечественной юриспруденции в обосновании международного права, которое, по верному замечанию В. Е. Чиркина, является не межнациональным или общенациональным правом, а результатом согласования воли государств¹⁹.

Обновление методологии российского конституционализма в современных реалиях, безусловно, связано с реагированием на угрозы национальной безопасности, которые приобретают комплексный, многоуровневый, гибридный характер. В контексте идейного наследия профессора В. Е. Чиркина уместно обратить внимание на следующий методологически значимый подход, сформулированный им при анализе в конституционном измерении «цвет-

ных революций» и «арабской весны»: причины конституционных социально-политических катаклизмов нужно рассматривать и купировать не только с позиции предполагаемого внешнего воздействия, обусловленного технологиями управляемого хаоса, но и исходя из четкого, глубокого понимания внутренней общественной обстановки, таких факторов, как социальное недовольство сложившимися порядками, борьба за достоинство и социальную справедливость²⁰.

Научный отечественный конституционализм должен заботиться об обустройстве благоприятной жизни и деятельности многонационального российского народа, уверенном достижении национальных целей развития в интересах всех членов общества. Идеиное наследие профессора В. Е. Чиркина, входящее в золотой фонд российского конституционализма, дает для успеха в решении этих задач надежные ориентиры и инструменты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М. : Норма : Инфра-М, 2011. 655 с.

Чиркин В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5–19.

Чиркин В. Е. К вопросу о точности конституционной терминологии // Журнал российского права. 2011. № 2. С. 63–73.

Чиркин В. Е. Конституции «цветных революций» и «арабской весны» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 167–174.

Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М. : Норма, 2024. 272 с.

Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М. : Юристъ, 1997. 566 с.

Чиркин В. Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии // Государство и право. 2011. № 6. С. 5–12.

Чиркин В. Е. Контрольная власть. М. : Юристъ, 2008. 241 с.

Чиркин В. Е. О социоэкономической парадигме (модели) Конституции России 1993 года // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 27–32.

Чиркин В. Е. О терминах «экономическая конституция» и «конституционная экономика», а также о российской и западной науке (отклик на статью Г. Н. Андреевой) // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 3. С. 11–13.

Чиркин В. Е. Постсоциалистическое государство XXI века // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 3–17.

¹⁸ См.: Чиркин В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5–19.

¹⁹ См.: Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, 2023. С. 30.

²⁰ Чиркин В. Е. Конституции «цветных революций» и «арабской весны» // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 167–174.

Чиркин В. Е. Современные глобальные модели основных прав человека: новый подход // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 5. С. 127–134.

Чиркин В. Е. Социально-экономические положения Конституции: новое регулирование и изучение в курсе конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 170–176.

Чиркин В. Е. Сравнительное конституционное право : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов. М. : Юриспруденция, 2011. 397 с.

Чиркин В. Е. Сравнительное правоведение. 2-е изд., пересмотр. М. : Норма, 2023. 320 с.

Чиркин В. Е. Столетняя модификация Российского государства с позиции государственоведения: сущность, содержание, форма // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 5–12.

REFERENCES

Chirkin VE, editor. The Constitution in the 21st century: A comparative legal study. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2011. (In Russ.).

Chirkin VE. About the socio-economic paradigm (model) of the 1993 Constitution of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2018;12:27-32. (In Russ.).

Chirkin VE. About the terms «economic constitution» and «constitutional economics», as well as about Russian and Western science (response to the article by G. N. Andreeva). *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo [Constitutional and Municipal Law]*. 2016;3:11-13. (In Russ.).

Chirkin VE. Comparative Constitutional Law: A study guide for postgraduate students. Moscow: Yurisprudentsiya Pul.; 2011. (In Russ.).

Chirkin VE. Comparative law. 2nd ed., rev. Moscow: Norma Publ.; 2023. (In Russ.).

Chirkin VE. Constitutional Law of the CIS Countries. Moscow: Yurist Publ.; 1997. (In Russ.).

Chirkin VE. Constitutional terminology. Moscow: Norma Publ.; 2024. (In Russ.).

Chirkin VE. Control authority. Moscow: Yurist Publ.; 2008. (In Russ.).

Chirkin VE. Integration interstate processes, constitutions and state sovereignty. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law]*. 2019;3:5-19. (In Russ.).

Chirkin VE. Modern global models of fundamental human rights: A new approach. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGUA)[Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2015;5:127-134. (In Russ.).

Chirkin VE. On the issue of the accuracy of constitutional terminology. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2011;2:63-73. (In Russ.).

Chirkin VE. Socio-economic provisions of the Constitution: New regulation and study in the course of constitutional law. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2018;10:170-176. (In Russ.).

Chirkin VE. The centennial modification of the Russian state from the standpoint of state studies: Essence, content, form. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2017;12:5-12. (In Russ.).

Chirkin VE. The Constitution and modern models of public power: Ideologemes and realities. *Gosudarstvo i pravo [State and Law]*. 2011;6:5-12. (In Russ.).

Chirkin VE. The Constitutions of the «color revolutions» and the «Arab Spring». *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;6:167-174. (In Russ.).

Chirkin VE. The post-socialist state of the 21st century. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2008;5:3-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация svkabyshev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the State Duma Committee on Science and Higher Education of the Federal Assembly of the Russian Federation, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svkabyshev@mail.ru

Материал поступил в редакцию 10 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 10.10.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.12.2024.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

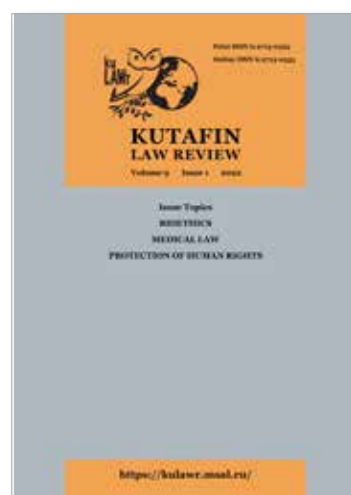
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008